

UCI University of California, Irvine

**АСПЕКТЫ
ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО
КОНФЛИКТА**

9

**Материалы грузино-абхазской конференции
“Первые итоги”**

Москва, 4-8 июля 2002 г.

Ирвайн
2002

Аспекты грузино-абхазского конфликта
Aspects of the Georgian-Abkhaz Conflict

Editors: Paula Garb
Arda Inal-Ipa
Paata Zakareishvili

This publication was made possible by financial support from
The William and Flora Hewlett Foundation

Copyright © 2003 University of California, Irvine

Social Science Plaza A 3151
Irvine, California 92697-5100
(1-949) 824-1227, fax: (1-949) 824-1544
web-site: hypatia.ss.uci.edu/istudies

СОДЕРЖАНИЕ

Foreword	5
Предисловие	7
Абесалом Лепсяя. Корни грузино-абхазского конфликта	46
Георгий Анчабадзе. Народная дипломатия и миротворчество	69
Нателла Акаба. Демократические институты: тенденции и перспективы	101
Нодар Сарджвеладзе. О проблеме беженцев	121
Даур Начкебия. Проблема политического статуса Абхазии	133
Олег Дамения. От монологизма к диалогизму (из опыта абхазо-грузинского урегулирования)	157
Марина Элбакидзе. Интересы сторон	195
Приложение I. Доклады приглашенных экспертов	235
Ирина Агрба	235
Арчил Гегешидзе	242
Сергей Шамба	248
Приложение II. Кодорские события	262
Summaries	297

All nine Russian publications and some English abstracts are available on the Internet at <http://hypatia.ss.uci.edu/istudies/peace/progs/projpubs.htm>.

The editors and project coordinators may be reached at the following e-mail addresses: pgarb@uci.edu, CHPAbkhazia@yahoo.com and paatazak@access.sanet.ge.

Полный текст всех девяти выпусков на русском языке и английские резюме некоторых из них можно найти на Интернетe на сайте <http://hypatia.ss.uci.edu/istudies/peace/progs/projpubs.htm>.

С редакторами и координаторами проекта можно связаться по электронной почте – вот их адреса: pgarb@uci.edu, CHPAbkhazia@yahoo.com и paatazak@access.sanet.ge.

FOREWORD

Since 1997 the University of California, Irvine¹, has facilitated nongovernmental dialogues between Georgians and Abkhaz. The project is distinct because the topics are not only focused on conflict issues. Participants also analyze the dialogue process itself, evaluate their participation in this process, and assess the potential for citizen peacebuilding to have a positive influence on the peace process at the political level.

Although we have not seen evidence of a significant impact of the citizen dialogue process on the official negotiations, the participants are convinced that the dialogue has promoted mutual understanding at the citizen level and is a necessary component of the peace process. The Abkhaz-Georgian dialogues have not always gone smoothly. The discussions have sometimes been difficult. But we continue to jointly analyze the conflict because the Georgian and Abkhaz participants understand that peace cannot be achieved unilaterally; it requires the efforts of both parties.

Since 1999 the dialogues have taken the form of research conferences devoted to various aspects of the conflict and related topics. In the early stages the participants were chosen from a pool of the best abstracts that they submitted on a given topic. The participants were academics, politicians, members of nongovernmental organizations, and journalists. Eventually each side identified a number of motivated authors and therefore no longer relied on a competitive selection process.

Each conference resulted in a publication of the proceedings. Participants of the third conference made a decision that was unusual even for unofficial dialogues. They agreed to include their discussions of the papers in all future proceedings. Often these discussions covered a wide range of topics not always directly related to the presentation. This was in order to make the informal dialogue process as transparent as possible. This decision reflected our openness and trust in the readers who could now observe this complex quest for mutual understanding. We hope that the publication of these papers and discussions that reflect the evolution of the dialogue have won the trust of the readers in the process.

The public supports this project and the proceedings are read with great interest and discussed by people on both sides. This interest is largely due to the analytical nature of the project. For instance, many innovative proposals for settling the conflict were discussed and “tested” for the first time in this process.

¹ We are grateful for the generous funding received from the William and Flora Hewlett Foundation, a private family foundation in the United States.

Undoubtedly there are different reactions to discussions on such a complex matter as the Georgian-Abkhaz conflict. Disagreements and criticism are natural. However, some of the criticism has resulted from distortions of the published statements and quotations used out of context. This misinforms the public about the content of the dialogue discussions. Despite these difficulties the project is accomplishing its main task, which is to stimulate creative thinking in Abkhazia and Georgia about what went wrong in the relations between the two peoples and how to build normal and stable relations for the future.

Conference participants have discussed a wide range of issues. Several issues, however, have been consistent topics at all the meetings—(1) the effectiveness of citizen peacebuilding, (2) the role of civil society in transforming the conflict, (3) the roots of the conflict, (4) the political status of Abkhazia, (5) the return of refugees, and (6) the underlying interests of the parties. This ninth volume in the series “Aspects of the Georgian-Abkhaz Conflict” is different from all previous volumes because it traces the evolution of the discussions at the dialogue conferences on all six of these issues, thus summarizing the main points debated since the outset of the project. Another departure from the project’s regular publications is that this volume includes articles commissioned from people who did not participate in the project’s dialogues. We asked them to share with us their observations of the project and the Georgian-Abkhaz citizen peace process in the past several years.

We hope that readers will find this volume interesting and will also want to look at previous publications of conference proceedings.

Arda Inal-Ipa,
Center for Humanitarian Programs

Paata Zakareishvili,
Caucasian Institute for Peace, Democracy and Development

Paula Garb,
University of California, Irvine,
The Citizen Peacebuilding Program and International Studies

ПРЕДИСЛОВИЕ

В течение шести лет – с 1997 года – в рамках проекта, осуществляемого под эгидой Калифорнийского университета, развивается диалог представительней грузинской и абхазской общественности.¹ Особенностью данного проекта является то, что двусторонние встречи посвящались не только проблемам конфликта. Участники проекта также анализировали процесс самого диалога, оценивали свое участие в нем, а также пытались понять, каковы возможности неофициальной дипломатии положительно влиять на процесс политического урегулирования. Несмотря на то, что признаков существенного влияния общественного диалога на официальный переговорный процесс обнаружено не было, от встречи к встрече крепло убеждение в том, что диалог ценен сам по себе как попытка достижения взаимопонимания на гражданском уровне и является необходимой частью миротворческого процесса. Двусторонние встречи проходили не всегда гладко, дискуссии порой бывали очень острыми. Однако процесс совместного анализа конфликта продолжался, потому что и грузинские, и абхазские участники понимали, что путь к миру не может быть односторонним, его необходимо прокладывать с двух сторон.

С 1999 г. встречи принимают характер научно-практических конференций, посвященных тем или иным аспектам грузино-абхазского конфликта. Первоначально подбор участников, среди которых были ученые, политики, представители неправительственных организаций, журналисты, осуществлялся через проведение конкурса тезисов статей. Со временем, когда с обеих сторон определился круг заинтересованных авторов, необходимость в конкурсе отпала. По итогам проводимых конференций стали издаваться сборники докладов, представлявших на обсуждение. Участники третьей конференции приняли нетрадиционное даже для неофициальных встреч решение: публиковать в дальнейшем не только доклады, но и стенограммы дискуссий, в которых очень часто затрагивается широкий круг вопросов, выходящих за рамки запланированной темы доклада. Это решение было принято для того, чтобы процесс неформального диалога стал максимально прозрачен. Подобный шаг явился проявлением открытости и доверия к читателям, которые, таким образом, становились свидетелями сложного поиска пути к взаимопониманию. Хочется надеяться, что публикации материалов, отражающих развитие диалога, способствовали тому, что и у читателей возникло доверие к самому процессу. Данный проект, действительно, находит поддержку общественности, а публикуемые материалы привлекают серьезное внимание и обсуждаются по обе стороны конфликта. В немалой степени этот интерес обусловлен исследовательским характером проекта: многие новаторские предложения относительно про-

¹ Мы благодарны Фонду Уильяма и Флоры Хьюлиттов – частному американскому фонду – за финансовую поддержку этого проекта.

цесса урегулирования впервые прозвучали и были «апробированы» именно в процессе двустороннего обсуждения. При этом понятно, что дискуссии, посвященные такому непростому явлению, как грузино-абхазский конфликт, могут вызывать неоднозначное отношение. Вполне естественно, что возникают споры, высказываются критические замечания. Однако наряду с непредвзятой критикой приходится сталкиваться и с таким явлением, как произвольные, порой тенденциозные толкования вырванных из контекста цитат, что дезинформирует общественность о содержании нашей работы. Но, несмотря на все трудности, проект тем не менее выполняет свою основную задачу – способствует тому, чтобы самые разные люди в Абхазии и Грузии задумались над тем, что произошло между двумя народами и как им строить нормальные, стабильные взаимоотношения в будущем.

За время действия проекта на встречах обсуждался довольно широкий круг вопросов, связанных с грузино-абхазским конфликтом. Однако некоторые вопросы вызвали особый интерес. К их обсуждению и анализу участники возвращались на протяжении многих встреч. К таким проблемам, несомненно, относятся вопрос об эффективности народной дипломатии, определение роли гражданского общества в процессе урегулирования конфликта, изучение корней конфликта, проблема политического статуса Абхазии, проблема беженцев, определение интересов сторон и некоторые другие. Данный, девятый, сборник, в котором каждому из перечисленных аспектов грузино-абхазского конфликта посвящена отдельная статья, в некотором смысле подводит итог всему циклу ранее осуществленных публикаций. Однако задачей этого сборника было не только дать представление о тематическом разнообразии статей и обсуждений, проведенных за все прошедшие годы. Целью авторов было также проследить наблюдавшуюся в ходе дискуссий динамику или, если это имело место, эволюцию взглядов представителей абхазской и грузинской сторон относительно той или иной проблемы. Еще одно отличие данного выпуска от предыдущих состоит в том, что его авторами являются не только участники проекта, но и внешние эксперты с абхазской и грузинской стороны. В их статьях предлагается анализ и оценка всего процесса двустороннего диалога, развивающегося в рамках проекта.

Хочется надеяться, что предлагаемый сборник будет интересен читателям и вызовет желание заглянуть в предыдущие выпуски.

Арда Инал-Ипа,

Центр гуманитарных программ

Паата Закареишвили,

Кавказский институт мира, демократии и развития

Пола Гарб,

Калифорнийский университет (г. Ирвайн), Программа гражданского миротворчества и международных исследований

Паата Закареишвили – Я с большой радостью приветствую всех вас, моих друзей. Одни из самых приятных встреч для меня – это встречи именно в рамках данного проекта. Я всегда это подчеркиваю на всех других встречах. Это на самом деле так, я искренне рад, что этот процесс продолжается, и что наши отношения тоже продолжают. Они даже становятся как бы примером того, как можно вести диалог, как соблюдать культуру диалога и т.д. Наверное, об этом мы будем больше говорить завтра. Мне очень приятно, что наш проект оценивается очень высоко, по крайней мере, в Грузии. И в Абхазии, как мне кажется, это тоже так. Я говорю о тех людях, которые хоть раз соприкасались с проектом и как-то следят за ним – чувствуются, что этот проект уважают. Даже если критикуют, то критикуют по делу. То есть, люди чувствуют, что здесь что-то происходит. Даже ярые противники критикуют проект потому, что чувствуют, что в результате что-то получается, возможно, то, чего они не хотели бы.

Что касается текущих событий, то, конечно, ничего хорошего не происходит, если говорить эмоционально и коротко. К сожалению, ситуация в Грузии становится все хуже и хуже. Если в период с 1995 по 1999 год до приема Грузии в Совет Европы, происходили какие-то положительные процессы, которые обнадеживали нас, тех людей, которые хотели видеть в обществе Грузии какие-то демократические преобразования, утверждение гражданских ценностей, то сразу после приема в Совет Европы, можно сказать, начался обратный процесс. И этот процесс продолжается в самых худших формах и проявлениях. Даже от декларированной демократии, которая была в Грузии, ничего не осталось, и теперь никто не хочет ее даже декларировать. Появилась очень большая и очень справедливая критика со стороны Запада в адрес Грузии. Не проходит и недели, чтобы Конгресс США или Совет Европы, или другие европейские структуры, не делали серьезных заявлений о тех разочарованиях, которые возникают, когда они видят процессы, которые происходят в грузинском обществе.

Конечно, за это отвечает политическое руководство Грузии и непосредственно президент. К сожалению, он уже, наверное, не способен контролировать ситуацию, фактически всю ситуацию взяла в руки его семья, не обязательно буквально родственники, но вокруг родственников объединены какие-то силы, которые держат под контролем экономические рычаги и не хотят их упускать. Сейчас все в Грузии, в том числе и Шеварднадзе, думают о постшеварднадзевском времени, о том, что будет после того, как Шеварднадзе уйдет. Все сейчас заняты этим.

И одним из ярких проявлений происходящих в настоящее время процессов были последние выборы в органы местного самоуправления, которые после большого опоздания все-таки прошли под влиянием Запада. Эти выборы сначала были перенесены, но в итоге все-таки состоялись. Результат выборов был ошеломляющим для властей, потому что пятьдесят процентов голосов набрали две партии, два политических блока, у которых были ярко выраженные антишеварднадзевские лозунги. У одних был лозунг демонтажа шеварднадзевского режима, у других – «Грузия без Шеварднадзе». Одни были ярко выраженными левыми, другие – правыми. Но в любом случае и те, кто голосовал за правых, и те, кто голосовал за левых, все голосовали против Шеварднадзе. Это было однозначно. И это было настолько ошеломляюще, что до сих пор не признаны результаты выборов, по крайней мере, в Тбилиси. После каких-то махинаций, дело перешло в суд, потом во вторую инстанцию суда. Очевидно, что не хотят, чтобы результаты этих выборов в Тбилиси были узаконены. Как раз в эти дни идут судебные разбирательства. Если суд примет решение, что неправильно были подсчитаны голоса, тогда будут назначены новые выборы. То есть, выборы будут назначены на достаточно поздний срок, может быть, даже на время парламентских выборов. И не исключено, что будут даже серьезные волнения. По крайней мере, оппозиционные силы готовятся к тому, чтобы начать какие-то волнения в сентябре, в октябре. Хотя лично я категорически против этого, но те силы, к которым я принадлежу, очень хотят этого. Я сам участвовал в этих выборах. То есть, я сам проходил по спискам Саакашвили и был под номером семнадцать. Но прошли первые четырнадцать кандидатов. Реальная вероятность того, что я попаду в городс-

кую думу довольно высокая, но после определенного времени, если, конечно, эти результаты будут признаны.

Я всегда стараюсь критиковать тех людей, которые ближе ко мне, потому что я на них больше надеюсь. Я никогда не надеялся ни на Шеварднадзе, ни на Аслане Абашидзе. И никогда не ожидал от них многого. У меня всегда возникает ощущение обиды и осадка от тех людей, которые хотят демократических преобразований в Грузии, например, от Жвания, бывшего спикера парламента, или Саакашвили. Они постоянно показывают, что для них власть важнее, чем те ценности, которые они собираются реализовывать, когда будут находиться у власти. То есть, для них важнее их фигура во власти, чем то, что они будут делать потом. К тому же очень часто нарушаются все принципы, скажем, моральные, политические и другие. И эти выборы в местное самоуправление явно превратились в политические выборы. Они не имели никакого отношения к самоуправлению. В органах самоуправления совсем другая ситуация, там надо работать, создавать проекты на местном уровне. А эти выборы стали чистой воды генеральной репетицией перед парламентскими выборами. У моих друзей и тех людей, для которых на самом деле важнее увидеть не определенную фигуру во главе государства, а преобразованное общество, после этих выборов остался неприятный осадок, потому что никто о самоуправлении не думал. Даже сейчас, когда не признаны результаты, многих это радует, потому что это означает продолжение борьбы. То есть, никто не собирается работать, а все собираются бороться. Это симптом, который ничего хорошего не обещает сам по себе, потому что борьба может продолжаться бесконечно, и камня на камне в итоге не останется. Я с большим удовольствием более детально объясню ситуацию, если у присутствующих будут вопросы по внутригрузинской политике.

На этом фоне, конечно, про Абхазию почти никто не думает. То есть, тем людям, которые управляют страной, сейчас, скажем так, не до Абхазии. Но зато темой Абхазии спекулируют очень многие псевдо-политики, которые паразитируют на этой проблеме. Это особенно касается так называемого Верховного Совета Абхазской Автономной Республики. Тамаз Надареишвили, так же как и Шеварднадзе, по-моему, полностью потерял всякую логику, хотя никогда у него этой логики и не было. Он делал какие-то абсурдные заявления, и сейчас

даже внутри его команды к нему относятся очень отрицательно, хотя не могут об этом открыто говорить. Если у них такое отношение к нему, почему они не могут об этом говорить громко? Единственный плюс в Грузии – то, что здесь есть хотя бы какое-то плюралистическое общество и можно высказывать свое мнение. Если мы можем позволить критику Шеварднадзе, то почему они не могут себе позволить сказать Надареишвили то, что думают? Или, по крайней мере, сказать об этом в прессе? Слава богу, я не знаю почему, но они меня еще слушают и как-то против меня не выступают. Когда я с ними спорю и говорю это, то они соглашаются. Но это только в узком кругу. Я им говорю: вы не терпите наше оппозиционное мнение, но если вы собираетесь вернуться в Абхазию, то как вы сможете терпеть то противоположное мнение, которое явно есть против вас в Абхазии? Нет абсолютно никакого принятия демократических ценностей, нет понимания того, что вопросы нужно обсуждать, что не надо затыкать оппоненту рот, что не надо против него выступать, а надо его выслушать. Нет никакой демократической культуры, не хотят этого ничего. Явно видно, что на самом деле у них нет никакого желания возвращаться. Они очень хорошо живут, припеваючи. Единственное, что позволяет им держаться на плаву – это постоянное разыгрывание абхазской карты. Кроме них, к сожалению, никто не касается этой темы, никакого серьезного обсуждения не происходит. Все уже становится круг людей, которые ежедневно думают про Абхазию. Это, конечно, тоже настораживает. Но если бы остальные политики были бы честны перед самими собой и перед обществом и в самом деле хотели бы сделать настоящую демократическую Грузию, если это было бы их настоящей целью, тогда можно было бы это понять. Можно было бы понять, что они хотят сначала построить нормальное государство, нормальное общество, а потом уже начать с этих новых позиций общение и диалог с абхазами. Но я не вижу в них вот этого устремления строить здоровое общество и потом разговаривать с этих позиций и обсуждать вопросы с Абхазией. У меня, к сожалению, как всегда пессимистическое настроение, и я был бы рад, если бы мои друзья меня переубедили бы. Я даже специально задал такой тон, чтобы они потом могли меня исправить. Я готов, конечно, на любой вопрос ответить.

Нагелла Акаба – Не знаю, насколько можно об этом говорить вполне открыто, но меня интересует вот что. Ты сказал: «команда Надареишвили». Все-таки, кто эти люди и есть ли среди них умеренные люди?

Паата Закареишвили – По крайней мере, мои слова в штыки они не встречали. Чем больше меня критикуют, тем более популярным я становлюсь. Один даже грубо обозвал меня неприличным словом. Это было в центральной газете. Он просто в заглавие вынес это слово. А потом эту статью сразу перепечатали в «Свободной Грузии». Самое главное было то, каким я стал популярным после этого. То, что было там написано, все поняли совсем по-другому.

Конечно, там есть люди, с которыми можно говорить и работать. Там есть люди, которые думают совсем по-другому. Очень часто мне непонятно, и я много думаю об этом, почему Надареишвили так долго держится. То есть, их власть абсолютно мизерная, у них почти нет никакой зарплаты и никакого влияния. Почему они держатся за эти структуры, что их влечет – для меня абсолютно непонятно. Может быть, какие-то амбиции, трудно сказать. Каждый из них понимает, что чем дольше он находится в этих структурах, тем хуже будет для них потом, тем тяжелее будет оправдать их пребывание там, ведь они все-таки надеются, что мир состоится, будет какое-то примирение, даже о возвращении идет речь. На этом фоне их пребывание в этих структурах трудно будет объяснить. Несмотря на это, они очень упорно там держатся. Есть там нормальные люди, я могу даже фамилии назвать. Но даже те люди, которые там были агрессивными, меняются. У них появляется совсем другое мнение, которого раньше у них не было. И, кстати говоря, вот такие встречи их меняют. Некоторые из них сейчас поехали в Северную Ирландию или участвуют в Шляйнингском процессе. Они приезжают явно измененными. И все-таки, это мое мнение, надо этих людей привлекать к диалогу, именно они создают антиабхазскую погоду в Грузии. Именно их спрашивают в первую очередь, поэтому их надо как-то нейтрализовать. Если привозить на такие встречи по одному человеку и как-то прочищать, нейтрализовать – это было бы, наверное, одной из самых главных задач как нашего проекта, так и североирландского, и Шляйнинга. Это явно видно.

Пола Гарб – Что конкретно видно?

Паата Закареишвили – Видно то, что они явно начинают понимать интересы Абхазии, опасения Абхазии. А я глубоко убежден, что без понимания интересов и опасений Абхазии невозможно продвинуться в разрешении конфликта. Многим на такие встречи запрещает ездить Надареишвили. Иногда по этому поводу возникают большие скандалы. Я все-таки считаю, что надо привозить на встречи людей из этой команды, чтобы менялось их мировоззрение, и потом они могли бы позитивно влиять на других людей из своей среды. Они готовы, не все, конечно, но многие из тех, кто не включен в эту мафию, готовы включиться в процесс диалога. Единственный смысл в этой мафии – делать деньги, но их делают только несколько человек.

Эмзар Джгереная – Проблема в том, что в нашем обществе политики очень зависят от избирателей. Что я имею в виду? Когда выступает Шеварднадзе или какой-то другой политик, то всегда используют националистическую риторику, потому что думают, что самая главная проблема для населения – это национальная проблема. Они думают, что эта тема хорошо продается, и дискуссия у них получается националистическая. А на самом деле, у людей есть конкретные проблемы, но никто не может говорить конкретно или решить какие-то конкретные вопросы. И постоянно в нашем обществе поднимаются вопросы религиозной свободы, появляется какой-то Мкалавишвили, идет какая-то борьба против сект в Грузии. Политики думают, что это хорошо продается, и избиратель охотно воспринимает такие темы. Вот так думают наши люди. А что касается Надареишвили или правительства, которое есть в Тбилиси, они думают, что агрессивность – это хорошо. Если они довольно сильно будут выступать против Абхазии, против Сухуми и говорить, что надо атаковать и т.д., то есть силой решить проблему, они думают, что беженцы лучше примут такой разговор, что для них приемлема именно такая речь. Это доказывает, что наши политики – и правительство Надареишвили, и вообще правительство Тбилиси – не знают свой народ и не знают те проблемы, которые на самом деле существуют. Они не могут создавать конкретные проекты. Вообще для нашего грузинского общества и, я сказал бы, что для всего

постсоветского общества характерно, что люди не могут создавать маленькие проекты и решать проблемы, которые реально есть у людей. Все говорят о каких-то больших проблемах, вспоминают о каких-то исторических проблемах, исторических сказках, мифах – для них это важнее, чем, допустим, решение конкретных проблем.

Я думаю, что мы уже начали так называемый пост-шеварднадзевский период в Грузии. Выборы как раз доказывали то, что Саакашвили, Жвания, лейбористы хотели доказать, кто на самом деле будет править Грузией после Шеварднадзе. Сейчас у нас такая ситуация: сложилась одна партия – так называемая партия «государственников» – это Джорбенадзе и сторонники Шеварднадзе. Они подчеркивают, что надо строить государственные структуры. Они считают, что не надо проводить реформы, это разрушает наше общество, надо сохранить старую систему и т.д. По их мнению, другая часть политиков, таких как, допустим, Жвания и Саакашвили, будто бы несет какую-то разрушительную силу, приносят что-то новое, и это новое разрушит молодое государство. Я думаю, что наше грузинское общество в данный период находится в периоде пубертата, то есть в возрасте 14 или 15 лет, когда еще не решена проблема ориентации, это мужчина будет или женщина. Индивидуально, может быть, мы решили эту проблему, образно говоря. Но для общества этот период может растянуться навсегда, потому что есть народы, которые вечно находятся в процессе пубертата и никогда не станут взрослыми – мужчиной или женщиной. Здесь есть такая опасность. Сейчас, наверное, вокруг Шеварднадзе создается определенное движение – это Джорбенадзе, люди Шеварднадзе, которые осуществляют наступление против либерализма в Грузии. Допустим, недавно Леван Бердзенишвили проиграл процесс в Верховном суде. Дело в том, что Бердзенишвили позволил себе высказывание о том, что некий чиновник коррумпирован. Потом был суд на нижнем уровне, и там Леван Бердзенишвили выиграл дело, но потом в Верховном суде проиграл процесс. Есть еще некоторые другие явления, которые доказывают, что Шеварднадзе сейчас наступает и по сути переживает, так называемый, «кризис жанра». Он возвращается назад, в советский период, к тем стандартам правления, которые он хорошо знает, то есть он берет на вооружение советскую машину. Можно сказать, что он вер-

нулся назад, и что в данный момент он глух. Когда недавно приезжал президент Румынии, охрана была такой, какую можно видеть где-то в арабских странах. Перекрыты были все улицы и т.п. Я думаю, что для Шеварднадзе печатают отдельную газету, где совсем другая информация, может быть. Даже передачи для него готовят отдельно. То есть он находится в плену своего окружения и ничего в данный момент не может решать. Раньше у него были какие-то проблески. Но сейчас он вообще закрылся. Думаю, что в данный момент система, которую создал Шеварднадзе, находится в процессе агонии, и в скором будущем она рухнет, так или иначе, или путем выборов или... Я не знаю, но надеюсь, что это будет «бархатная революция», смена власти путем выборов. Вот в такой ситуации мы сейчас находимся.

А что касается проблем Абхазии, я думаю, что об этом почти никто не думает. Вообще когда появляются надписи типа: «Не забывайте Абхазию» или «Не забывайте ваших братьев и сестер», «Не забывайте людей, которые погибли во время второй мировой войны» – это означает, что уже забыли. Это такая истина, что даже не надо ее объяснять. Везде есть такие надписи. Недавно, когда мы ехали в аэропорт, увидели такую большую надпись – «Помните Абхазию!». Это означает, что не помнят Абхазию и абхазскую проблему. Ну, кто помнит это проблеме? Эту проблему помнят те люди, которые живут рядом – допустим, в Гали, Зугдиди и люди, которые общаются и соприкасаются, и это соприкосновение имеет какую-то практическую цель. Люди хотят просто жить, общаться, делать деньги, допустим, или решать какие-то конкретные проблемы. Вот эти люди помнят об Абхазии, но они помнят не в глобальном политическом плане, а просто в практическом плане – надо переехать в ту сторону, вернуться обратно, обмениваться чем-то или продавать что-нибудь. Меня удивляет то, что международные организации, которые финансируют очень много таких встреч, не финансируют, какие-то общие начинания абхазского или грузинского населения. Допустим, какой-то маленький бизнес, когда можно было бы без политики помогать людям, чтобы они вместе что-то создавали, продавали, жили просто так. Но такого нет. Может быть, это нереально. Но вот такие конкретные вопросы никто не решает. Мы встречаемся, и это очень приятно. Я здесь познакомился с людьми и мне это очень приятно, но что мы решаем на самом деле? То, что мы создаем,

наши публикации, выступления и т.д. – на самом деле их опять же мы читаем, и мы сами же ставим оценку. И ты, Батал, говорил об этом. На самом деле, в Тбилиси, может быть, 10, 12 или 50 человек читают эту книгу. А что это приносит на самом деле? Я думаю, что мы продолжаем делать Советский Союз. Это означает, что мы выполняем роль интеллигенции, мы думаем, что мы имеем огромное влияние на наше общество и т.д. Но наше влияние интеллектуалов или людей из неправительственных организаций – это влияние минимальное. Люди нам не доверяют, раньше была красная профессура, а теперь зеленая профессура, которая финансируется западными деньгами, и еще при этом голубая профессура. За этой интеллектуальной риторикой кроется то, что мы сыты, что у нас нет проблем. Мы пишем какие-то проекты, мы знаем, как это делать. И как они думают, мы живем за счет наших граждан. Я не раз замечал, что они нас ненавидят, потому что они нам не доверяют. (Смех.)

Тенгиз Пачкория – Паата и Эмзар в весьма грустных и пессимистических тонах охарактеризовали политическую ситуацию в Грузии. О многом можно с ними поспорить, хотя есть моменты, с которыми я тоже, и не только я, действительно согласился бы. Потому что налицо серьезный политический кризис. И не только политический, но и экономический, который уже несколько лет тормозит развитие грузинского государства. Но в таких слишком мрачных тонах я бы не стал говорить, потому что были и худшие периоды, особенно период 1993-1994 годов. Что касается постшеварднадзевской эпохи, то два года назад, после того, как Шеварднадзе еще раз выбрали в 2000 году на очередной уже последний по конституции срок, один журналист задал ему вопрос: «Где Вы будете жить после истечения этого срока – в Тбилиси, в Мамати (родное село Шеварднадзе), в Москве, в Вашингтоне?» Шеварднадзе ответил, что пока об этом рано говорить. Я думаю, что если перефразировать этот ответ, то это означает, что рано списывать Шеварднадзе при всем моем негативном отношении к нему. Его еще рано списывать с политической арены, потому что он просто так не уйдет, не позаботившись о том, чтобы последующие руководители страны как-то резко не свернули бы с курса, и этот курс мог бы коснуться и оценки его деятельности на посту главы

грузинского государства. Не случайно сейчас говорят о том, что возможен вариант, который был в России, путинский вариант. То есть можно рекомендовать на пост будущего главы государства человека, который будет иметь определенные обязательства и будет продолжать линию Шеварднадзе. Примерно так, как произошло в России. Хотя российский вариант тоже дал трещину: последние события и взаимоотношения Ельцина и Путина об этом явно говорят.

А что касается абхазской темы, то я согласен, что фактически ни одна политическая сила, включая тех, кто участвовал в выборах, не имеет серьезной программы и концепции того, как решить эту проблему. Одни надеются на Запад, НАТО, ООН и т.д., другие ориентируются на Россию и считают, что в случае сближения с Россией автоматически эта проблема решится в корне. Но какой-либо серьезной программы и концепции нет. Что же касается тех слов, которые были сказаны в адрес Надареишвили, то я не собираюсь быть ему адвокатом, потому что неоднократно лично его критиковал и говорил ему прямо и на пресс-конференциях то, что иногда говорят с расстояния. Но, по-моему, сводить все к тому, что никто не может решиться на открытую критику, было бы неверно. Потому что буквально недавно в двух или трех грузинских газетах были материалы, письма, подписанные людьми, которые занимают определенные посты, в том числе и в этих структурах. Там есть довольно немалая доза критики в адрес тех или иных действий, заявлений и высказываний Тамаза Надареишвили. Конечно, я согласен с тем, что те люди, которые работают в этих структурах, может быть, по каким-то причинам не хотят публично высказывать откровенно противоположные мнения. Но первые симптомы есть, и несколько таких высказываний было в газетах. И, кстати, ответов с его стороны не было. Наверное, он избрал такую тактику – не отвечать на эти заявления. Но заявлять, что они не хотят возвращаться?! Они хотят вернуться, но вернуться с властью. Они видят свой путь, они избрали путь радикальных заявлений, радикальных высказываний, они так видят эту проблему, может быть, это неприемлемо для кого-то, но если это – демократическое общество, то... И поэтому я не считаю, что можно так с улыбкой смотреть и говорить, что они вот такие плохие и не хотят возвращаться, я с этим не согласен. Просто они, может быть, не совсем

реальный путь избрали, но они так полагают. Что же касается того, кто что делает, кто и как зарабатывает, так это проблема и всех других грузинских структур. И много очень пишут, что высокопоставленные чиновники в разных ведомствах, имея весьма небольшие оклады, достаточно прилично и очень богато живут. Недавно был опубликован список двадцати самых богатых людей официально декларированных. Шеварднадзе занял среди них двадцатое место...

У Шеварднадзе около одного миллиона двухсот тысяч официально продекларированного имущества. (У него фактически нет квартиры или официально зарегистрированного дома. Но дело не в этом.) А на первом месте стоит местный бизнесмен Валерий Гелашвили, сейчас он – депутат Парламента. Но это те, кто официально продекларировал свои доходы. Конечно, этот список не соответствует реальному положению дел. Потому что не все обязаны декларировать свое имущество, если они не занимают посты. Надареишвили на пятом месте. Он объяснил, что он включил туда имущество, которое у него было в Гаграх. Не знаю, по каким параметрам он его оценил. Сейчас мне трудно об этом судить.

Я считаю, что самая серьезная проблема, которая стоит перед грузинским обществом, и в этом согласен с Эмзаром, состоит в том, что политики делают заявления, которые сиюминутно нравятся многим избирателям, но серьезной программы не только урегулирования абхазского конфликта, но еще и выхода страны из тупика фактически нет ни у какой политической партии или объединения. И в этом беда. Но, наверное, раз Грузия находится на стадии переходного периода, когда переходный период будет завершаться, такая программа, такие люди тоже появятся. Хотя некоторые заявляют, что у них есть программы, что они обнародуют их. Но внимательное изучение этих программ показывает, что они немножко оторваны от реалий и возможностей сегодняшней ситуации.

И я еще раз говорю, что я не хотел бы сгущать краски. Не так уж плохо все. Был еще худший период. Но все, конечно, живут с надеждой, что один процент в руках серьезных политиков, а это серьезный процент и солидный процент, чтобы выправить эту ситуацию, в том числе и по вопросам, связанным с урегулированием абхазского конфликта.

Гурам Одишария – Я очень коротко буду говорить. Действительно, ситуация в Грузии очень серьезная, и я согласен в этом с друзьями. Когда включаешь телевизор, то в первую очередь на экране обычно появляются политики, одни или другие, или те, которые перешли из одной партии в другую. В общем, они самые популярные люди. А вот когда вообще света не было, самыми популярными людьми были люди света, так сказать, из разных ГЭС. Мы знали хорошо, где какой блок у ГЭС, как он работает, когда останавливается, и другие многие детали. Один период в Тбилиси даже пропала вода, и я понял, что на экране появится человек, который занимается водопроводом. В общем, популярны те люди, которые фактически не делают того, что они должны делать. Политики очень популярны, потому что нет политики. Энергетики популярны, потому что нет света. То же самое можно сказать о людях воды. А вот то, что мы делаем, встречаемся – это не очень популярно и, значит, это действительно существует, мы действительно есть. Поэтому это радует. Так что я хочу добавить немного вот такого оптимистического тона к этим выступлениям.

Действительно, Шеварднадзе правит страной так же, как он умел, или на каком-то автопилоте, наверное. Раньше работал Советский Союз, и тогда существовали другие механизмы. Но этот автопилот тоже очень плохо работает. Еще хочу добавить, что в Грузии все еще много иллюзий – что все будет хорошо, что американцы помогут и т.д. Их поддерживают те люди, которые в течение последнего десятилетия правили, пропагандировали и т.д. И, действительно, жалко общество.

И я боюсь еще одного. В этом году через месяц буквально исполняется десять лет с начала конфликта – грузино-абхазского, трагичного. И вот, когда смотришь на другие конфликты, которые были рождены в последние десятилетия двадцатого века – Палестина и Израиль, Балканы и другие – то видно, что они не урегулированы потому, что, я думаю, во главе этих стран, республик и т.д. такие же люди. И поэтому мы, человечество, не смогли мирным путем все согласовать. А там, где есть военное вмешательство, там конфликт более углубился, стал более широким. Я боюсь, что мы обречены на долгий конфликт. С другой стороны, я – оптимист, и я думаю, что вот эта наша встреча многое значит, и в эти дни мы будем гово-

рить обо всем. И у меня тоже есть некоторые мысли, которые я потом выскажу.

Георгий Анчабадзе – Я хотел бы коснуться того момента, который затрагивал Эмзар. Было сказано, что вопрос Абхазии как бы отошел на задний план и, что когда людей заставляют не забывать об этом, это значит, что они забыли. В определенном смысле это так и есть, потому что у людей столько насущных проблем, что, действительно, реально об Абхазии мало кто думает. Я имею в виду не беженцев, а основное население Грузии. Но все-таки не надо забывать, что произошедшее в Абхазии очень сильно задело грузинскую общественность. Говорить о том, что у грузинской общественности есть настрой начать новую войну, что там есть реваншизм – было бы неправдой. Такого стремления воевать с абхазами не было и в 1992 году. Но тогда с помощью средств массовой информации политиками была создана такая настроенность в обществе, которая делала легитимным в глазах подавляющего большинства населения проведение какой-то силовой акции с целью «поставить абхазов на место и сделать то, что соответствует интересам Грузии». И, к сожалению, несмотря на этот десятилетний срок, который мы после этого прошли, и опыт, который надо было бы в принципе накопить за это время, этот период ничего нового не принес. Опять продолжается нагнетание той же истерии вокруг Абхазии. Не чувствуется никакого желания объяснить причины того, что произошло или показать людям, какова сегодня реальная ситуация. Наоборот, все время делается упор на то, что это было случайно, что у нас произошла неудача, что какие-то третьи силы были виноваты. А сейчас с помощью других третьих сил мы все так поставим все на место, как нам хочется. Как мы решим, так все и будет. И на фоне неустроенности и трудностей, в которых находится грузинская общественность в последние годы, все это не дает возможности как-то изменить отношение общественности к данной проблеме. Хотя, конечно, если расспросить каждого из членов грузинского сообщества – хотят ли они войны с абхазами, большинство из них ответит, что нет, не хотят. Это показывают также социологические опросы. Но, в то же время, есть настроенность на то, что в Абхазии надо сделать то, что хотим мы, и как хотим мы. В сознание

большей части людей еще не вошло, что, может быть, нужны другие подходы, что нужно искать какую-то новую модель взаимоотношений. И вот такая неопределенность создает очень опасную тенденцию. Если будет предпринята любая новая военная авантюра наподобие Кодорской или еще хуже, а с каждым разом эти авантюры становятся все более и более нелепыми, то все это будет встречено общественностью с пониманием. Не будет должного протеста, и легитимность как бы будет сохранена. И вот в этом я вижу очень большую опасность.

Нодар Сарджвеладзе – Наше общество развивается по принципу отрицания. Например, Паата говорил о том, что на выборах был основной лозунг «Грузия без Шеварднадзе». То есть, все эти движения идут на волне отрицания чего-то. А вот политики, которые выигрывают выборы, думают, что люди проголосовали за них. Например, у Саакашвили или Жвания есть иллюзия, будто за них голосовали. На самом деле, они провозгласили это отрицание и получили положительный результат для себя, для выборов. Но это не означает, что народ идет к ним, в их сторону. Это один фрагмент, который, как красная линия, идет через все эти последние десять лет. Например, даже когда Гамсахурдия выиграл выборы, тогда основная волна пошла против коммунистов, но не на национальную войну. Потом Гамсахурдия просто воспользовался случаем. На самом деле, выборы были выиграны им на волне – «Не хотим коммунистов». И это, действительно, очень опасно, когда есть отрицание, но нет позитива. В этом как раз и состоит глубинный смысл кризиса, кризиса сознания как такового в грузинском обществе. Вот, что я хотел сказать.

Марина Пагава – Я на днях встретила одну свою знакомую. Она – из Абхазии, тоже беженка и совершенно вменяемый человек. Работает в университете, филолог. Она не знает, чем я занимаюсь. После Абхазии я ее не видела. И она говорит: «Как ты думаешь, вернемся мы?». Я сказала, что сейчас я меньше надеюсь, чем даже полгода назад. Она сказала: «Ну, ничего. Надареишвили поехал, и что-то, может быть, получится». Что я хочу сказать этим примером? То, что существует дезориентация сознания, о которой говорил Эмзар и ко-

торая свойственна нашему президенту, свойственна и большей части населения. Для многих характерно нечеткое представление о реальности, о том, что на самом деле происходит. И в этом отчасти заключен ответ на вопрос Пааты о том, почему люди работают в автономных структурах. Потому и работают, что держатся за какую-то иллюзорную надежду. И плюс к этому, потому что вообще нет никакой работы, а это какая-то возможность выйти из дома, одеть галстук, чистую сорочку, то есть, опять иллюзия нормального образа жизни. Это – большая проблема.

Шум.

Роман Дбар – Я, наверно, начну с экологической обстановки... (Смех.) Я бы сказал так, что экологическая обстановка в Абхазии очень благоприятная и опасаться за нее не следует, потому что основная проблема у нас не в том, что с экологией плохо. У нас с обществом что-то не так. А с экологией у нас все замечательно. Например, в последние годы у нас на сухумских пляжах поселились краснокнижные кавказские выдры, общая численность которых по всему Кавказу всего шесть тысяч экземпляров. А у нас они там настолько размножились, что стала вполне обычной картина, когда они купаются вместе с отдыхающими на наших городских пляжах. Началось все с того, что один из отдыхающих пришел и сказал, что он видел тюленя. Стали выяснять, что это за тюлень. И оказалось, что это обычный вид выдры, который раньше водился в наших реках, а теперь уже просто поселился на пляже. Это, между прочим, радует.

Причина этого явления в том, что выдры питаются крабами, а повышение чистоты воды привело в увеличению численности крабов у берега. И, естественно, что выдры поселились на пляже. Их даже не пугает присутствие людей. Оказалось, что качество и количество пищи компенсирует фактор беспокойства. С природой на самом деле все очень хорошо, с обществом, конечно, сложности. Я вот слушал то, что говорили наши грузинские коллеги. Я думаю, что наши общества в значительной степени похожи. Все процессы, которые проходят в Грузии, таким или иным образом присутствуют и у нас, можно говорить о каких-то параллельных явлениях и вещах. Можно

говорить о том, что требуется еще достаточно много времени для того, чтобы вызрели нормальные политические структуры, которые будут ответственно относиться к принятию решений и ответственно относиться к своим людям, отвечать за последствия тех лозунгов и тех заявлений, которые они делают. Пользуясь аналогиями, можно было бы представить Абхазию довоенного времени, находящуюся в составе большой страны с разделенным экономическим рынком, в котором Абхазия занимала свое далеко не последнее место, что обеспечивало высокий уровень жизни, в образе небольшого залива в огромном океане. Сегодня, когда все это отшнуровалось и с каждым годом происходит уменьшение объема образовавшейся лагуны, то, естественно, по зоологическим законам большие и крупные организмы оказываются просто неспособными там выживать. Им просто не хватает там ни пространства, ни ресурсов и т.д. То же самое происходит и у нас. Потому что мы теряем наиболее крупные, заметные фигуры по одной простой причине, потому что этого пространства, в котором в свое время они сформировались, оказывается недостаточно. Мы все уменьшаемся в размерах, сами того не подозревая. С нами происходит некий процесс уменьшения до микроскопических размеров. Только таким способом и можно выжить в небольшом водоеме. Поэтому те процессы, которые происходят в Абхазии, конечно, меня лично пугают. Они пугают, потому что большей частью не носят созидательного характера. Это – процессы, связанные просто с выживанием. Я считаю, одним из наиболее замечательных произведений последних лет – эссе нашего коллеги Даура Начкебия «Смертная болезнь». Мы так любим смерть, и это оказалось так характерно и свойственно нам, что мы сами того не подозревая, стремимся к ней. Можно даже говорить о любви к ней. Ничего мы так не уважаем и так не почитаем, как отношение к смерти и всему, что связано со смертью. Это тоже достаточно серьезный симптом, показатель того, в каком состоянии находится наше общество. Ну а в целом, все нормально.

Эмзар Джгереная – Между этнической и экологической чистотой есть такая сильная корреляция, да?

Манана Гургулия – Я бы не стала говорить о корреляции этнической и экологической чистоты, потому что, несмотря на большое количество беженцев...

Эмзар Джгереная – Я просто пошутил.

Манана Гургулия – Да, я понимаю, но, несмотря на большое количество уехавших беженцев, этническое разнообразие в Абхазии как раз присутствует. Рома как бы в шутку говорил, но, увы, печален тот факт, что как раз таки уезжающих абхазов много – это миграции, вызванные экономическими и еще какими-то проблемами. И более того, умирающих абхазов тоже становится много. И, кстати, процент суицида тоже достаточно высокий. Поэтому эта проблема стоит достаточно остро.

Батал Кобахия – Ситуация такая – уезжающих абхазов много, приезжающих грузин мало.

Манана Гургулия – В общем-то не очень много людей находятся в Абхазии.

Вопрос – Сколько?

Манана Гургулия – Я не могу сказать, потому что перепись обещают провести только в 2003 году. Есть какие-то предварительные цифры. Но та цифра, которой пользуются власти – это 320 тысяч. Насколько она соответствует действительности, я никак не могу сказать. Например, согласно визуальным наблюдениям, в прошлом году людей в Абхазии летом было больше. Сейчас их пока мало. Может быть, в июле-августе будет всплеск.

Тенгиз Пачкория – Международные эксперты дают цифру около 180 тысяч.

Манана Гургулия – Кстати, те же международные эксперты давали цифру от 180 до 240 тысяч. Поэтому какой-то одной общепринятой

четкой цифры, точно так же, как и цифры, отражающей количество беженцев, просто нет. Я думаю, что эту цифру может дать только перепись.

А если говорить о каких-то политических процессах, то я думаю, что следует согласиться с грузинскими коллегами. Потому что все мы живем в постсоветском пространстве. Многие процессы, которые происходят в Грузии, в Абхазии, в России до обидного похожи. Здесь, кстати, разнообразия меньше. А если говорить конкретно о тех политических процессах, которые происходят в Абхазии, то у меня такое ощущение, что законодательная ветвь власти – парламент, избранный в достаточно жесткой и не всегда чистой борьбе, пытается осуществлять некоторые шаги для того, чтобы играть свою роль и не быть ветвью, полностью сращенной с исполнительной властью. Какой точно будет эта роль – я пока сказать не могу. Но, по крайней мере, желание играть самостоятельную роль в этой большой политической игре заметно...

Нателла Акаба – И в экономической тоже.

Манана Гургулия – Да, и в экономической тоже. Кстати, в отличие от прошлого состава, в этом парламенте есть люди, у которых есть реальные экономические рычаги, есть бизнесмены...

Даур Начкебия – Рома как представитель науки, правда, менее фундаментальной, чем физика, предложил определенную аналогию. А я как бывший физик могу сказать, что это очень пессимистическая модель. Он сказал, что мы живем в параллельных мирах. Параллельные миры, в евклидовой геометрии, во всяком случае, не встречаются. Но мы постараемся... В геометрии Лобачевского они встречаются. Может быть, это неудачная шутка. Но очень много схожего.

Олег Дамения – Есть еще и другая геометрия, где расходятся.

Даур Начкебия – Очень много схожего, конечно. Но есть и некоторые отличия. Вот такого типа публикации, о которых рассказывал наш друг, в Абхазии невозможны. Мне рассказывали, что на телеви-

дении в Грузии бывают очень резкие выпады друг против друга. Но я вчера говорил, что это неудивительно, потому что грузинская нация очень артистичная и любит сцену. Абхазы в этом плане, конечно, более сдержанны и у нас больше табу, ограничивающих наше поведение.

Роман Дбар – Я, проводя аналогию с этим водоемом, не довел как бы до конца...

Батал Кобахия – До болота не довел. (*Смех*).

Роман Дбар – Есть один очень серьезный итог этого процесса. Дело в том, что по мере того, как мы уменьшаемся в размерах, становимся микроскопическими, мы от этого добрее не делаемся. Мы становимся гораздо более агрессивными, нежели были до того. И то, что в нашей печати, как говорит Даур, нельзя встретить каких-то резких выпадов, является прямым результатом нашей агрессивности. Потому что, в силу определенных обстоятельств, практически все молчат. Говорят, что настоящего политика в Абхазии встретить практически невозможно. Потому что, если он начнет говорить, то не должен сказать ничего, что могло бы лично обидеть или оскорбить кого-то или даже содержать намек на это. Конечно, это меня беспокоит, потому что увеличивающаяся внутренняя агрессивность общества не позволяет вступить в эту лагуну кому-либо еще, потому что он там сразу заразится и умрет. Мы и не подозреваем, что даже те абхазы, которые пять-шесть лет тому назад уехали из Абхазии и живут сейчас, скажем, в Москве, не смогут вернуться обратно, потому что в это пространство войти уже невозможно. Дело в том, что эти люди уже вышли из схемы, в которой идет процесс очень жесткого формирования очень жесткого маленького общества, в которое, по сути дела, вернуться невозможно. Там уже совсем другая динамика, там другой темп жизни, схемы взаимодействий людей друг с другом там становятся другими. Многие не подозревают того, что эти схемы и циклы носят совсем иной характер, нежели, скажем, здесь же в Москве или в любом другом городе. И когда мы говорим о возвращении беженцев, даже продекларированном правительством, всегда надо иметь в виду, что в это наше общество не может вернуться даже тот, кому,

казалось бы, ничто не препятствует, не говоря уже о тех, кого изначально не принимают.

Батал Кобахия – Здесь как в параллельных мирах.

Роман Дбар – Это такой общий момент, и он связан, конечно, с процессами, которые протекают в нашем обществе.

Лиана Кварчелия – Если в Грузии сейчас общество не волнует абхазская проблема, то грузинская проблема абхазское общество волнует. И хотя у нас сейчас по удельному весу внутривнутриполитические проблемы сравнивались с внешнеполитическими, тем не менее, тот факт, что наше общество состоит из женщин, стариков, детей и резервистов, говорит о том, насколько остро стоит эта проблема. И прошлогодние кодорские события, и то, что до сих пор в Кодорском ущелье находится грузинский военный контингент, все это создает тот фон, на котором и развиваются события. Я хотела спросить у грузинских коллег, как они оценивают присутствие Соединенных Штатов, интересов Соединенных Штатов в этом регионе. У нас эта проблема воспринимается очень серьезно, делаются далеко идущие геополитические выводы. Последнее время проходит под знаменем уточнения взаимоотношений между Россией и США. Видимо, именно те решения, которые были приняты на очень высоком уровне между президентами России и Соединенных Штатов, и определяют ход дальнейших событий. И вот на этом фоне происходят два очень важных события – это принятие российского гражданства абхазским населением и начало приватизационных процессов. Многие связывают такое развитие событий именно с теми решениями, которые были приняты более мощными игроками.

Что касается внутривнутриполитической ситуации, то она в значительной степени определяется тем обстоятельством, что президент в настоящее время болеет, и страной фактически руководит премьер-министр. Это тоже создает ситуацию неопределенности. И многие, включая, кстати говоря, и оппозиционные силы, в настоящий момент активных действий не предпринимают, а просто выжидают. Вот таким образом я вижу сегодняшнюю ситуацию.

Пола Гарб – А возвращение президента? Сказали, что он уже вроде бы выздоровел? Были такие сообщения.

Тенгиз Пачкория – Он полностью работает дома.

Лиана Кварчелия – Я имела в виду, что публично он не появляется. Мы его видели по телевидению в день его рождения, когда его поздравляли. Это было в мае.

Тенгиз Пачкория – Полтора месяца прошло.

Пола Гарб – То есть, он не участвует в администрации?

Манана Гургулия – Решения он принимает. Но это решения, которые обсуждаются у него дома. Официально на работу он не выходит.

Реплика – А премьер-министр остается...

Манана Гургулия – Вообще, если брать структуру власти, то формально следующая фигура – это вице-президент. Но все же решающей фигурой пока является премьер-министр, которому как раз и принадлежит идея приватизации крупных курортных объектов, лелеемая им в последнее время, потому что, как он говорит, его заслуга – поиск людей, которые готовы инвестировать в экономику Абхазии, и, в частности, в курортный бизнес. Эти предложения ведутся от имени премьера. А действительно, в ситуации, при которой либо президент болен, либо, как в вашем случае, здоров, но кем-то ограничен, чиновники находятся в состоянии выжидания. Они боятся взять на себя какую-то ответственность в процессе принятия решений. Они, скорее всего, ждут, и это понятно. В условиях политической борьбы это такое время, когда чиновник действует по принципу «не навреди себе тем, что ты берешь на себя какую-то ответственность и принимаешь какие-то решения, которые могут послужить тебе во вред». Что касается народа, то, конечно, ему от этого не легче. Все-таки легко, когда есть конкретные люди, которые принимают решения, отвечают за них и есть с кого спросить. А вот, когда нет

людей и вокруг какое-то неопределенное молчание – то это вызывает какие-то дополнительные сложности.

Нателла Акаба – Я бы хотела все-таки несколько поподемизировать с Ромой, когда он говорит о каком-то водоеме, где преобладают какие-то застойные процессы, насколько я поняла. Насчет животного мира мне трудно судить, я – не специалист. Но я хотела бы сказать, что, несмотря на то, что поверхность этого водоема выглядит очень спокойной или, может быть, даже застывшей, внутри происходят какие-то процессы, и я думаю, довольно серьезные процессы, хотя непонятно к чему они приведут. И я бы хотела заметить, что здесь, по-моему, мало говорилось, и никто не анализировал тот факт, что все-таки в Абхазии оппозиция существует открыто. Для меня, честно говоря, это большая неожиданность, что наше общество и наши власти в конечном итоге сумели переварить этот факт, а власти даже в какой-то мере смирилась с этим. А то, что сегодня эта оппозиция, может быть, находится в несколько дремлющем состоянии – это совершенно естественно, если учесть то, что мы сегодня находимся в состоянии политического кризиса в силу всех обстоятельств, о которых уже здесь говорилось. Потому что по сути дела мы не можем сегодня ожидать от власти каких-то четких решительных действий, поскольку не очень понятно, кто все-таки будет нести ответственность за эти действия, за их последствия. Сегодня, действительно, выживание – это основная форма существования. И поэтому, когда Рома говорит, что никто не может открыто никого критиковать, я с этим никак не согласна. Может быть, кто-то и не хочет связываться и навлекать на свою голову лишние проблемы. Но есть люди, которые это делают и премьер-министра, кстати, критикуют... Президента сегодня критиковать трудно, поскольку, человек болен и это неэтично и не соответствует ни абхазским традициям, ни, наверное, общечеловеческим. В то же время все-таки полемика идет, есть довольно острые статьи. И мне немножко удивительно слышать, что будто бы никто не рискует кого-то критиковать. Другое дело, что уровень политической культуры, конечно, крайне низок, и эта полемика порой происходит в не очень удобоваримых формах.

Я еще хотела сказать два слова о выборах. Все-таки я считаю, что на выборах творились безобразия, это были именно безобразия (тут кто-то очень мягко сказал, что не все было хорошо). На самом деле, к сожалению, нет механизма, который мог бы позволить показать всю степень нарушений, всю серьезность нарушений, которые были допущены на этих выборах. Наш суд, к сожалению, оказался совершенно несостоятельным. Но, тем не менее, надо отметить, что и сегодня продолжаются несколько судебных процессов, связанных с этими выборами. В частности, мое дело все еще находится в суде. Я, конечно, не настолько наивна, чтобы думать о том, что может быть изменен результат выборов, и что все будет переиграно. Но, тем не менее, меня радует то, что все-таки наш суд начал понемногу работать в этой сфере. И мы как бы подтвердили, показали им, что суды все-таки являются ветвью власти. Несмотря на все, что произошло, я рада, что в Абхазии состоялись такие выборы, потому что впервые в истории Абхазии выборы были похожи на настоящие. Хотя это, конечно, очень тяжелый и грустный урок для многих и, в частности, для оппозиции, потому что она оказалась не готова к такому откровенному попранию закона. Но я, тем не менее, считаю полезным то, что мы прошли через это. И это вселяет определенный оптимизм.

Олег Дамения – Можно одно уточнение? Я, конечно, не берусь оценивать и подводить какие-либо итоги, но хотелось бы в двух-трех словах обобщить то, что здесь говорилось, и ответить на такой вопрос – где мы находимся – и грузины, и абхазы? Мне лично представляется, что, находясь на стадии понимания того, что произошло и того, что мы имеем в настоящий момент, мы, к великому сожалению, оказались бессильными в плане определения того, что нам надлежит делать в этих условиях. Не только у властей нет каких-либо конкретных проектов, программ выхода из этого тотального, всеобщего кризиса, но к великому сожалению, у общества и, скажем, у его наиболее мыслящих, элитных структур тоже нет таких проектов и программ – как выбираться из создавшегося положения. Видимо, такое положение вещей сложилось не случайно, потому что и грузинам, и абхамам на протяжении многих десятилетий не приходилось заниматься решением таких проблем, таких задач. Мы все были на каком-то ог-

ромном корабле и плыли вместе с этим кораблем. За нас эти проблемы решали другие. И вдруг в одночасье на нашу голову выпала вот такая беда, и мы оказались совершенно не готовыми к тому, чтобы...

Реплика – Вы войну имеете в виду?

Олег Дамения – Войну и не только войну. И мы, к великому сожалению, не оказались готовыми к тому, чтобы более серьезно, более глубоко заниматься вопросом о том, как строить свое будущее, каким мы себе его представляем. Мне кажется, что нам именно этому следует уделять больше внимания. Хотя я этим не хочу сказать, что мы должны меньше внимания уделять реально существующим проблемам нашей жизни в настоящем.

Багал Кобахия – Постараться кратко? Спасибо, что напомнили. Последнее время мне все время напоминают о краткости. Но я слежу за стенограммами, и выясняется, что более лаконичного участника, чем я, нет, потому что я говорю меньше всех.

Я, собственно, хотел сказать то, о чем сейчас говорил Олег Несторович. Видимо, было естественно, что мы много говорили о том, что именно сейчас происходит в Грузии и в Абхазии, и при этом чувствовали, что у нас нет стратегического планирования на будущее. Этого нет ни в Грузии, ни в Абхазии. Мне казалось, что такого нет и в России, но все-таки они больше планируют свое будущее. У них более конкретные цели, которые они реализовывают, а мы в их целях теряем свою ориентацию и полностью в них растворяемся. Я убедился в том, что в последнее время в Абхазии все аморфно и непонятно. Вот Нателла говорит, что есть оппозиция. Оппозиция, конечно, есть, как форма некоего оппонирования власти. Но для меня оппозиция – это конкретные цели и задачи, конкретная стратегия действий, конкретная концепция развития. Вот в этом смысле я не вижу ни у оппозиции, ни у лидеров гражданского общества, ни в среде представителей неправительственных организаций, ни у власти картины более понятного будущего, нечто вроде систематизированной национальной идеи развития, к которому можно либо стремиться, либо его отрицать, либо от него отталкиваться. Такого я не вижу и

в Грузии. Вот Нодар совершенно точно говорит, что мы идем от отрицания и никогда не знаем, куда мы придем. И это большая проблема. Но с другой стороны, наблюдается много схожего. Достаточно похожие процессы проходят и в России, и в Грузии, и в Абхазии. То есть, мы – манипулируемые. И это ощущение усиливается, в особенности, после событий, которые произошли 11 сентября. Все стало совершенно непредсказуемым. И, наверное, показательно, что в Грузии сегодня очень мало думают об Абхазии, потому что Грузия тоже находится в критическом состоянии, когда люди должны думать только о себе. Если кто-то выдвигает какие-то тезисы об Абхазии, то это чаще всего сам Надареишвили, потому что на этом зиждется его пятое место в рейтинге грузинских миллионеров, заметьте именно миллионеров, а не политиков. Иначе, он станет просто никем.

Недавно во время предвыборной кампании многие очень четко начинали говорить о своих позициях. И какие-то моменты стали проясняться. Я, например, думал, что, в основном, в Абхазии все стремятся к независимости. Но я очень ошибался, потому что представители достаточно сильных структур не согласились со мной, когда я сказал, что, естественно, я желаю для Абхазии независимости. Мне возразили: «Нет, без старшего братка мы не проживем».

Реплика. – Это что, были кто-то из оппозиции?

Батал Кобахия – Нет, это была не оппозиция. А что, оппозиция – это сильная структура, что ли? Я имею в виду тех людей, которые приближены сегодня к реально существующей власти. И у них существует такая четкая ориентация на Россию. Примером и показателем этого служит то, что в Абхазии идет массовая паспортная война, война за гражданство. Очень странно, но мы оказались в такой ситуации, когда первые лица государства говорят, что они ничего не могут с этим поделать... в связи с тем, что этот процесс организовали общественные организации. Я как-то заметил на одной встрече: «Интересно, если какая-то общественная организация инициировала бы процесс по массовой грузинской паспортизации в Абхазии, то власти так же на это смотрели бы?» Разумеется, нет. Во всяком случае, совершенно четкие ориентиры в этом смысле есть. Я не вижу, что

Абхазия сегодня может вести какую-то независимую политику. Но глубоко сомневаюсь, что независимую политику может позволить себе также и Грузия. И везде декларируются общедемократические ценности, демократический путь развития: и в России, и в Грузии, и в Абхазии. Но я вижу, что идет перекрытие всех каналов для всех этих демократических ценностей. Во всяком случае, это уже сказывается на том, как власти наступают на инициативы в области гражданского общества и вообще любых свобод. И вот сейчас, когда стало меняться законодательство в России в отношении гражданских организаций, возникли какие-то проблемы и в Грузии, и у нас. То, что гражданские организации сосредоточены на стратегическом будущем, вызывает раздражение и опасения у властей, и тех, кто привык постоянно ориентироваться на мнение сверху.

Абесалом Лепсая – Я слушал, о чем говорили, и заметил, что часто употребляются такие слова, как «кризис», «застой» или, наоборот, «динамичность». Я думаю, что, используя такие термины невозможно понять ситуацию, потому что практически, если на самом деле что-то и происходит, то на очень локальном, малозаметном уровне. В целом ситуацию невозможно понять в таких терминах, потому что кризис или застой или что-то вроде этого происходят в обществах, которые все-таки развиваются, куда-то движутся, и в этом движении вдруг происходит кризис, остановка. То есть что-то произошло и надо разобраться с возникшей проблемой и потом двигаться дальше. В наших обществах этого нет, хотя мы и применяем такие термины. Мы говорим «кризис», возникли какие-то проблемы и т.д., но на самом деле я думаю, что наши оба сообщества находятся в каком-то совершенно особом состоянии. Одним словом – это абсурд, то есть это – неопишуемые общества. Есть такой термин, Эмзар, наверное, подтвердит. Эти общества невозможно описать в общепринятых каких-то категориях. Это – совершенный абсурд, в котором никто ничего не может, и никакие твердые общепринятые характеристики к таким обществам не приложимы. Хотя мы по необходимости ими пользуемся, потому что, когда мы говорим, мы должны какими-то категориями пользоваться. На самом деле, нет ни кризиса, нет ни застоя, есть просто какая-то совершенно аннигилирующая черная

дыра, которая все поглощает. И даже наши действия, когда мы стараемся что-то рациональное предложить, тоже подключаются к этой игре абсурда и только, так сказать, его увеличивают. Тем не менее, если все-таки попробовать как-то описать, найти какое-то слово, то, я думаю, что самым подходящим выражением той ситуации, в которой сейчас находится наше абхазское общество, является, безусловно, «ситуация этноцида». Здесь уже говорилось о суициде, а на уровне описания этноса есть понятие этноцида. У нас фактически может быть состояние бессознательного этноцида. Это порой происходит в таких обществах, в которых никто серьезно на ситуацию влиять не может. Общество свою судьбу в своих руках не держит, оно никак четко не артикулирует ни свои потребности, ни свои интересы, все живут сами по себе, взаимодействия в системе не происходит. И тогда наступает не кризис, кризисы происходят в развивающихся обществах, в наших обществах нет кризиса. У нас возникает ситуация этноцида. У нас даже возникли проблемы с идентификацией населения, население вообще не знает, где оно находится. Оно стремилось к независимости, а теперь оно принимает гражданство другой страны. Его – население – нельзя обвинять в том, что оно принимает гражданство или почему оно принимает гражданство, потому что оно живет в тяжелой ситуации и вынуждено как-то выживать и выбираться из нее. Поэтому, собственно, людей трудно обвинять в том, что они не знают или не хотят независимости и т.д., потому что они не видели вообще, что это реально означает, и что это может им принести. И предсказать, как ситуация будет развиваться в будущем, трудно, опять какой-то непонятный эксперимент происходит. Я считаю, что это настоящая ситуация этноцида и это очень опасная вещь. Это то же самое, что суицид для отдельного конкретного человека. Общество изнутри разрушается и снаружи пока этого не видно. Может быть, я сейчас сгущаю краски, но мне кажется, что лучше радикально и резко описать происходящее, чтобы понять ситуацию, чем как-то пытаться ее облагородить.

Мне хотелось бы использовать еще одно слово, которое, может быть, нам тоже поможет более четко увидеть складывающуюся ситуацию. Если попытаться определить тип власти, который постепенно у нас формируется, а я думаю, что это характерно и для Грузии тоже,

то у нас сформировалась или формируется плутократия. У власти оказываются не политики, а плутократы. Это плутократия, которая подменяет политику преследованием каких-то очень ближних целей, задач. При этом отсутствует стратегия и т.д., вот такое плутократическое правление постепенно формируется у нас в Абхазии.

Что еще можно сказать? Я думаю, что во многом эти процессы происходят от того, что нет в наших обществах какой-то реальной силы. Дело в том, что политики не могут осуществлять реальную политику, если не имеют какой-то реальной силы, это в принципе справедливо для любого государства. Сила – это вообще ключевой момент политики. Другое дело, в чьих руках она находится, и как ею распоряжаются. Но без силы никакой политики быть не может. Бессильные люди не могут осуществлять политику, и это очень ясно видно в наших обществах.

Шум в зале

Абесалом Лепсая – Это в принципе коротко то, что я хотел сказать. Если есть вопросы или замечания, то я готов ответить.

Лиана Кварчелия – У меня замечание по поводу этноцида. Во-первых, я считаю, что никто не должен снимать ни, в первую очередь, с себя лично, ни с гражданского общества, ни, конечно же, с руководства ответственность за то, что происходит у нас в обществе. Во-вторых, если говорить по поводу ориентации Абхазии, то нельзя забывать о давлении извне. Потому что в достаточно сложной ситуации, находясь под давлением Грузии и Запада, Абхазия фактически вынуждена делать определенные движения. Поэтому я не очень согласна с тем, что мы находимся в размытом, совершенно не связанном с какими-то внешними факторами, состоянии, когда никто не знает, что происходит и почему происходит. Я не согласна с такой постановкой вопроса.

Манана Гургулия – Я с удовольствием выслушала несколько сюрреалистическое эссе, экзистенциалистское эссе со стороны своего молодого коллеги. Его интересно слушать, но есть вещи, с которыми

я все-таки принципиально не согласилась бы. Наверное, говорить об этноциде можно только в том случае, когда это соответствует государственно заявленной политике. Уж, по крайней мере, этого нет. Это – первое.

Второе. Абхазия – это не моноэтническое государство, поэтому тогда нужно было бы говорить об этноцидах русском, армянском, абхазском, грузинском и многих других. Это – второе.

Третье. По поводу того, что кризис возможен там, где имеется развитие. Кризис возможен как раз таки тогда, когда возникают сложности в развитии, когда прекращается развитие. И именно поэтому мы говорим о кризисе. Я не знаю никакого социального организма, который представлял бы собой совершеннейший застой, потому что застой – это тоже какое-то движение и, может быть, регрессивное. На мой взгляд, все-таки в Абхазии происходят какие-то процессы. Может быть, они не очень гладкие, не очень четко выстроены. Но процессы происходят.

Теперь, что касается той политики, которая есть или которой нет у этого непризнанного государства. Кроме империй или такой страны, как Штаты, которые превращаются в виртуальную империю, я не знаю таких государств, которые могли бы придерживаться только одной абсолютно четкой политической линии. В таких государствах должна быть очень сильной властью армии. В принципе все маленькие государства пытаются выжить, пытаются лавировать в этом сложном океане и поэтому их политика, кстати, чаще всего состоит в том, чтобы ориентироваться на политические курсы соседей. Именно это происходит и с Абхазией. А что касается ее ориентиров – я могу совершенно четко сказать, что существуют три ориентира. Если брать Гальский район, то его жители хотели бы иметь какие-то договорные или какие угодно отношения с Грузией. Если брать представителей основной части населения Абхазии, то даже при том, что они сегодня принимают российское гражданство, это вовсе не означает, что они отрицают факт независимости своего государства. Просто это означает, что возникает вопрос о возможности принятия двойного гражданства. Это вполне реальный и вполне легитимный вопрос, который решается положительно куда более развитыми, куда более могущественными государствами, чем Абхазия. Да, есть какая-то

часть политической элиты, которая ориентирована прямо на Россию, на ассоциированные отношения либо ассоциированное членство. Такие ориентиры есть. Может быть, нет совершенно четкого деления, но у людей, которых Абесалом назвал плутократией, есть несколько политических ориентиров. И поэтому говорить о том, что ничего не происходит, никакие процессы не происходят, я бы не стала. По крайней мере, я знаю, для чего я живу в Абхазии, я знаю, что я хочу в Абхазии, я знаю, что я могу сделать в этой Абхазии. Я хочу, чтобы там развивался гражданский сектор и делаю для этого что-то, и все вы делаете для этого что-то. Я хочу, чтобы развивались демократические институты. Может быть, я делаю для этого очень мало, но, тем не менее, каждый из нас что-то делает в этом в этом направлении. Мы говорим о необходимости образования и в этом направлении тоже что-то делаем. Поэтому этот сюрреализм вывел меня немножко из себя.

Кроме ответственности государственной есть еще личная, индивидуальная ответственность каждого из нас, тем более в маленьком государстве, за то, что у нас происходит.

Даур Начкебия – Я хочу сказать несколько слов в защиту абхазской оппозиции. Я хотел бы рассказать небольшую предысторию, в том числе и для абхазов, которые, может быть, не знают всех подробностей возникновения этого движения и его программы. Может быть, не так часто читают наши материалы.

Сделать абхазов оппозиционерами очень тяжело. Законопослушание и почитание властей за семьдесят лет советской власти очень сильно вошло в кровь абхазов, и это мы все прекрасно знаем. То, что говорил Рома, совершенно правильно. Публичных политиков в Абхазии нет, к сожалению, которые могли бы открыто говорить о своих целях и о своих задачах и критиковать кого-то. Но раз в Абхазии возникла оппозиция, значит, возникла серьезная кризисная ситуация, несмотря на то, что некоторые отрицают, что кризис в Абхазии был возможен. И эта оппозиция в Абхазии возникла именно как ответ на осознание того, что абхазский этнос находится в критическом состоянии. Можно перечислить массу факторов, которые привели к этому. В частности, я как-то писал об этом. Я извиняюсь, что позволю про-

цитировать себя – «до развала империи мы находились под крылом большой империи и были в защите и безопасности и вдруг оказались наедине с миром. И мы не знаем, как быть и что делать». И потом еще произошла война, такая разрушительная, с такими огромными жертвами, и мы оказались в большой растерянности. И из-за этого всего, конечно, говоря с некоторым пафосом, народный дух оказался как бы надломлен. За семьдесят лет мы отвыкли от возможности того, что на нас кто-то может пойти войной и уничтожить. А сейчас оказывается, что это возможно и, несмотря на то, что мы вроде бы неплохой народ, и у нас есть свои очень высокие ценности, нас могут уничтожить, растоптать. И это все привело к тому, что в обществе возникли такие настроения. И вот возникло оппозиционное движение, целью которого было противостоять этому упадку, поднять дух народа. Для нас власть никогда не была самоцелью. Но, к сожалению, один из наших друзей-оппозиционеров опрометчиво сказал, что мы пойдем во власть. Это, конечно, у многих вызвало опасения. Чисто терминологически, конечно, оппозиция как политическая организация должна стремиться к власти, но в Абхазии не такая ситуация, чтобы сформировалась чисто политическая организация. Нет таких ресурсов. Не такая ситуация, чтобы возможна была чисто политическая организация, которая, как в Грузии, скажем, будет выступать по телевидению и обливать грязью своих оппонентов и потом любой ценой рваться к власти и т.д. То, что мы отказались от выборов – это опять подтверждает тот факт, что власть для нас – не самоцель. Может быть, придя во власть, мы не сможем спасти абхазский этнос. Речь идет о том, что люди, не только оппозиционеры, очень многие люди в нашем обществе осознают, что абхазский этнос действительно находится перед вопросом – быть или не быть. Это без всякого ложного пафоса. Лично я считаю, что на самом деле так и есть. И за последние десять лет, когда мы оказались включенными в этот бешено мчащийся мир, угрожающие сохранению этноса процессы ускорились необыкновенно. И так может произойти, что совсем незаметно, без всяких видимых катастроф, мы просто можем раствориться. И никаких вопросов об урегулировании грузино-абхазского конфликта, о возвращении беженцев уже не будет. Очень тонкое замечание, как мне кажется, сделал Рома насчет того, что люди,

сами этнические абхазы, которые покинули это общество несколько лет назад, уже не смогут вернуться обратно, потому что процесс деградации, что ли, пошел еще дальше. И поэтому оппозиция, осознавая всю опасность, по большому счету является оппозицией к смерти и гибели, извините, что я с таким пафосом говорю. Но на самом деле, люди, которые объединились и кто им сочувствует, и кто стоит рядом с ними – это те люди, которые осознают, что основной вопрос здесь не вопрос политической борьбы и выбора – по какому пути пойти – демократическому или недемократическому. Вопрос стоит более насущный – вопрос выживания абхазского этноса. И оппозиция, хотя она оформлена как политическое движение и, наверное, будет идти на выборы в будущем, но всю эту бурю вызвала из-за опасения, что абхазский этнос не дотянет до середины века. Речь идет об этом. Я хочу, чтобы вы все понимали, что именно это имеется в виду. А насчет того, что все там плохо, то это не так. Действительно, не так плохо, раз есть оппозиция.

Батал Кобахия – Я хочу задать вопрос, чтобы понять то, о чем вы говорите. Гениальное замечание Ромы о том, что в Абхазию не могут вернуться даже абхазы, я понимаю. Но ты это обосновываешь тем, что в Абхазии происходят такие деградационные процессы, что именно поэтому люди, выкупанные и откормленные в Москве, уже не смогут туда вернуться. Объясни мне ситуацию. То есть, не могут вернуться и беженцы, и абхазы, потому что в Абхазии все деградирует что ли? Объясните мне. Либо вы слова не те используете, либо...

Шум.

Роман Дбар – Я постараюсь прояснить. Во-первых, я сразу хотел бы выбросить из лексики такие слова как «застой», потому что на самом деле никакого застоя нет. Слово «застой» никто не произносил, во всяком случае, из моих уст оно не прозвучало. Если ты произнес, то ты за них отвечаешь. «Застой» и «деградация» – это то, что не относится к нашему обществу, потому что застой это всегда некое явление, которое происходит на стадии какого-то пресыщения и затем стагнации. Для застойного состояния у нас нет никаких ресурсов.

Деградация – конечно, любой процесс включает всегда несколько разнонаправленных процессов.

Батал Кобахия – Конкретнее говори.

Роман Дбар – Я говорю очень конкретно, ты только внимательно слушай. Если взять какие-то одни параметры, то они будут деградировать. Но если взять другие параметры, то они будут находиться совсем в другом состоянии. Поэтому эти два термина не имеют никакого отношения к тому, как можно описывать общество. В нашем обществе происходят на самом деле очень серьезные динамические процессы. И я вам могу точно сказать, что какую-то часть процессов можно, глядя на них, назвать сокращением численности населения или сокращением, может быть, этнического разнообразия. Но в принципе все, что происходит сегодня в абхазской среде по своей динамике направлено на сохранение. И я совершенно точно могу сказать, что если у кого-то возникнет вопрос о том, тратить ли деньги на подготовку спецназа, то они потратятся. Потому что абхазское общество в эти ближайшие пятьдесят лет точно не сдастся. И никакого этноцида, который приведет к уничтожению нации самым естественным образом, тоже не произойдет.

Есть какие-то малоприятные вещи... Я, например, как личность не могу переделаться за такой короткий промежуток времени. Это – очень нервный, психический процесс, который оказывает на меня очень сильное воздействие. Я с трудом переделываюсь. Но это касается лично меня. На самом деле общество динамично... Общество сегодня гораздо быстрее меняется нежели, чем личность. Вот в чем вся проблема. И отсюда, естественно, происходят эти оценки. Потому что общество быстрее принимает и осознает необходимость каких-то действий, нежели чем конкретно взятый человек, потому что общественное сознание шагает впереди индивидуального сознания.

Галия Калимова – Собственно говоря, Рома уже частично сказал о том, на что я хотела обратить внимание. Я была не согласна с этим положением об этноциде. Мне кажется, что уже десятый год после начала конфликта наблюдается просто какая-то определенная уста-

лость, психологическая усталость. На самом деле, я бы не назвала это глубокой депрессией или кризисом. Я согласна с Ромой, что, действительно, идут и другие процессы в нашем обществе и есть очень много показателей этого. Даже в какой-то степени прошедшие выборы – это тоже очень большой показатель того, насколько развивается абхазское общество. Это была единственная моя реплика. Мне трудно согласится с таким пессимизмом, потому что я прожила в Абхазии практически последние девять лет, свидетель всего того, что было. И поэтому мне трудно с этим согласиться.

Делая и анализ прессы, и анализ выступлений политиков и глядя на то, как развивается государство и общество – это не та оценка. Да, абхазы оказались в очень сложной ситуации, да, они жили в какой-то период эти семьдесят лет, можно сказать, в оранжерейных условиях, да, за них решали. Но сейчас они оказались в ситуации, когда они вынуждены сами рулить, вынуждены сами выбирать тот или иной путь. Да, может быть, не хватает каких-то ресурсов, да, может быть, не хватает каких-то аналитических групп как инструментов для того, чтобы более четко определиться и выработать какие-то стратегические направления развития своего общества. Но все-таки при тех ресурсах, которые имеются, и при тех условиях, которые диктуются извне, это делается. Поэтому назвать это стагнацией и этноцидом мне очень трудно.

Нателла Акаба – Я хотела бы как кавказская феминистка обратить ваше внимание на то, насколько отличается женский и мужской взгляд в оценке ситуации в Абхазии. Удивительно. Что сегодня случилось с нашими мужчинами? Может быть, они злоупотребили горячительными напитками или... не знаю, что с ними произошло. Но сегодня я просто удивлена, слыша такие апокалиптические высказывания, которые по-моему основаны на эмоциях и очень мало используют аналитические механизмы, если можно так сказать. Мне кажется, что то, что происходит сегодня в Абхазии, в Грузии и на всем постсоветском пространстве – это так похоже и мы можем найти очень много аналогий между всеми этими процессами. Просто в Абхазии это как бы более выпукло, поскольку очень маленькое общество. Природе или богу было угодно поставить над нами какой-то очень странный

эксперимент. И сейчас мы все являемся обитателями какой-то лаборатории, где происходят какие-то процессы, и никто из нас не может сказать, к чему это все приведет. И тем более я не согласна и удивлена оценкой Абесаломы, потому что я уважаю его аналитические способности. Почему такой пессимизм и почему такая безоговорочная констатация конца всему? Я тоже с этим не согласна. И с другой стороны, я хотела возразить Баталу, потому что он сказал, что ни у кого нет никакой программы, ни у кого нет никаких целей. Меня это очень удивляет, потому что он сам участвовал в нашем брейн-сторминге, когда «Возрождение» готовило свою программу, и сам он высказывал свои предложения и даже любезно все это записал. И потом помог привести все это в порядок. Мне кажется, что это такая расхожая формула, очень типичная для наших властей, мол вот вы все разрушаете и ничего не предлагаете. Я думаю, что не нужно никаких сложных целей сегодня выискивать и никаких изощренных программ изобретать. Просто нужно, чтобы люди жили в нормальном демократическом обществе, чтобы развивалась частная собственность, чтобы человек мог заниматься тем, в чем он может себя реализовать. И для этого не нужны какие-то особые программы и особые ухищрения.

А что касается российского гражданства, не могу не сказать, что опять меня удивляет вот этот всплеск эмоций. Во-первых, я вижу, что и те, кто шокирован, тоже получили это гражданство. И это нормально. Мы все должны воспринимать эту ситуацию как инструмент, как способ нормального существования, как то, что поможет нам реализовать свои права и свои возможности. Я не думаю, что те, кто получил российское гражданство, сразу повернулись на сто восемьдесят градусов и стали ориентироваться на Россию. Это не так. Другое дело, что мы обязаны предусмотреть какие-то механизмы, которые при всем том позволят Абхазии защитить свои интересы. И самое главное – осознать эти интересы, вот в чем проблема. А не в том проблема, что кто-то принимает российское гражданство.

Арда Инал-Ипа – Я начну с того, чем закончила Нателла. Несколько слов о российском гражданстве. Мне кажется, что мы очень давно и долго говорили о санкциях. Эти обсуждения велись многие годы и на разных уровнях. Говорили, в частности, о том, каков результат этих

санкций, как они реально изменили ситуацию и т.д. И много раз, мне кажется, и не только в абхазском, но и в грузинском обществе приходили к выводу, что принятые против Абхазии санкции с точки зрения урегулирования конфликта, никакого позитивного результата не принесли. Что же произошло сейчас? Фактически население Абхазии массовым принятием российского гражданства свело «на нет» эти санкции – вот что произошло. Во-первых, именно этими санкциями люди были доведены до того, что для них российское гражданство оказалось единственным путем к тому, чтобы вновь обрести какие-то свои личные, человеческие права. Мы наблюдаем, как я считаю, итог действия этих санкций, если давать оценку этому событию. Я считаю, что произошло важное событие, поскольку мы давно не наблюдали таких массовых процессов в Абхазии, когда толпы людей одновременно заняты одним делом. Очень большая часть населения была включена в этот процесс не потому, что их куда-то гнали, а потому, что это действительно соответствовало их желанию. И я считаю, что в течение этого месяца таким своеобразным способом, как бы снизу, произошло практическое снятие экономических санкций. Мне жаль, что все-таки обсуждение этого вопроса о санкциях не было в свое время доведено до конца. Много раз на разных уровнях возвращались к этой проблеме, и хотя многие соглашались с тем, что санкции ничего не дают в смысле урегулирования конфликта, их никто так и не отменил.

А что касается общей ситуации, то я хочу констатировать, что Паата вновь оказался прав, когда после кодорских событий сказал, что грузинские власти этой авантюрой сделали большую ошибку и непоправимо ухудшили свои шансы в урегулировании отношений с Абхазией. На самом деле, если сравнивать ситуацию до кодорских событий и после, то, судя по настрою населения относительно перспектив урегулирования и т.д., ситуация действительно изменилась: общество еще более ожесточилось и гораздо более пессимистичным стало восприятие возможных добрососедских отношений с Грузией. Вся весна у нас прошла под знаком готовности к войне, и этот вопрос до сих пор так и не снят, все наготове. Действительно, недаром чаще звучит слово «резервист» и т.д. То есть, общество стало действительно другим после кодорских событий.

К сожалению, ничего не было сделано для того, чтобы снять эти опасения с абхазской стороны. И, конечно, это создает очень сложные условия для миротворческого процесса. Политика грузинских властей, которые постоянно используют военные методы, в нашем населении создает и усиливает настроение бесперспективности и нецелесообразности диалога с грузинской стороной. К сожалению, это факт. И изменившиеся условия мы очень скоро на себе почувствовали, насколько сложнее стало работать в этой области и насколько сложнее находить какое-то понимание. Ситуация до кодорских событий была совсем другой. И относительно нашего проекта тоже. Вот этим я хотела закончить.

КОРНИ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТА

В ВЫПУСКАХ СБОРНИКОВ «АСПЕКТЫ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТА»

Изучение корней всякого конфликта представляет собой сложную проблему. Обычно, когда говорят о корнях конфликта, имеется в виду довольно широкая историческая ретроспектива. Хотя в данной статье мы и употребляем термин «корни», как наиболее распространенный, тем не менее, вызывает сомнения оправданность его использования. Он представляется неопределенным, допускающим произвольные толкования, вследствие чего позволяет некоторым авторам в обоих сообществах находить или подразумевать корни конфликта в сколь угодно далеком прошлом. Может быть, правильнее было бы использование терминов «истоки» или «происхождение конфликта», позволяющих более точно фиксировать зарождение именно тех процессов, которые со временем привели к противостоянию двух народов. В дальнейшем мы будем использовать также термин «истоки» как синоним термина «корни», несмотря на то, что это не представляется вполне очевидным.

В первом сборнике проблема корней конфликта занимает еще мало места. Этот сборник посвящен в первую очередь исследованию роли собственно неформальной дипломатии. Это был замысел, с которого начинался проект. (В скобках заметим, что со временем проект перерос скромную первоначальную задачу и, сохраняя свое исследовательское значение, в то же время сам стал весьма существенным фактором неформальной дипломатии). Поэтому вопрос об истоках и причинах конфликта затрагивается в нем только в связи с другими проблемами. Так, например, истоки противостояния затрагивает в своей статье «Попытки нейтрализации грузино-абхазского конфликта методами народной дипломатии» Георгий Анчабадзе, отметив, что «xx век в грузино-абхазских взаимоотношениях – это период постепенного отчуждения и роста напряженности, приведшие эти два, некогда действительно братских на-

рода к кровопролитной войне 1992-1993гг.» (1). Здесь он выделяет, но пока очень фрагментарно, одну из составляющих конфликта – политизированные научные идеи и споры и, в частности, теорию грузинского ученого П. Ингороква о прищлости абхазов, как катализатор конфликта.

В своей статье Г.Анчабадзе приводит весьма показательный пример того, как разногласия среди историков становятся конфликтогенным фактором. Учебник по истории Абхазии, подготовленный абхазскими учеными, вызвал возражения со стороны грузинских ученых, несогласных с некоторыми содержащимися в нем выводами. Это вызвало ответную реакцию группы молодых абхазских историков, выдвинувших к книге претензии противоположного характера. Специально созданная смешанная грузино-абхазская редакционная коллегия около двух лет занималась урегулированием данного вопроса, после чего удалось выпустить книгу фактически в первоначальном виде. Какое значение придавалось разногласиям среди историков, свидетельствует то обстоятельство, пишет автор, что совещания и обсуждения проходили под контролем партийных органов, опасавшихся, что историческая тема станет катализатором массовых выступлений. Данный эпизод относится еще к 1984-1986 годам.

Целый ряд факторов, повлиявших на возникновение конфликта, выделен (хотя и очень бегло) в статье Мананы Гургулия «Народная дипломатия: реальность и иллюзии».

Это и национально-территориальное устройство в советский период, когда иерархическое деление народов стимулировало борьбу за национальное равноправие; это и стремление к контролю над ресурсами, над территорией Абхазии; религиозный фактор отмечается ею, как совершенно незначительный; как важный экзистенциальный фактор автор отмечает угрозу национальной идентичности. Появление в Грузии многочисленных партий и движений откровенно националистического толка вызвало ответную реакцию в абхазской среде, обострив чувство национального достоинства. Как отмечает М. Гургулия, напряженности в грузино-абхазских отношениях содействовала и грузинская пресса, в которой достаточно часто публиковались антиабхазские материалы (2).

Значительно большее место причины грузино-абхазской войны занимают во втором сборнике. В своей статье «О некоторых популярных мифах» Нателла Акаба сосредоточилась на анализе представлений, характерных для грузинского общества и ставших психологической подоплекой конфликта.

Первый фактор в цепи психологических обстоятельств, который отмечает Н.Акаба – это миф об особой толерантности грузин, особом их гостеприимстве. По отношению к абхазам данное обстоятельство выразилось в том, что гостеприимные грузины якобы приютили их на своей земле. Вследствие этого национальные требования абхазов расценивались грузинами как проявление неблагодарности. Н. Акаба подчеркивает, что по мнению, господствовавшему в Грузии, положение абхазов было привилегированным. Для подтверждения этого мнения часто ссылаются на непропорционально высокое представительство абхазов в Верховном Совете (парламенте) республики. Причем, факт этот оценивается, как факт апартеида. По крайней мере, такую оценку давали наиболее радикально настроенные грузинские авторы накануне войны. Акаба развенчивает этот миф указанием на то обстоятельство, что по сути «власть абхазской элиты была в высшей степени иллюзорной, т.к. она ничего не решала самостоятельно»(3). Н. Акаба упоминает также об использовавшемся грузинскими властями мифе о мусульманстве абхазов и постоянно муссирующийся (до сих пор) тезис о некой «руке Москвы».

Георгий Анчабадзе в своей статье «Изучение вопросов этнической истории абхазов на фоне грузино-абхазского конфликта» принял дальнейшее исследование исторической составляющей конфликта. Анчабадзе отмечает два характерных подхода к истории – с ее помощью представители враждующих сторон стараются доказать свои эксклюзивные права на спорные территории и с этой целью производится удревнение конфликта. Его корни и истоки отодвигаются во все более далекое прошлое. Сосредоточившись на различных теориях, объясняющих происхождение абхазского народа, Г. Анчабадзе прослеживает последовательные этапы, через которые эти теории прошли. Первый этап, от появления первых работ по этногенезу в XIX – до первой половины XX в., характеризуется им, как в целом не выходящий за рамки сугубо академической культуры. «Рез-

кий перелом в этом отношении наступил в середине XX в.», с появлением книги П. Ингороква «Георгий Мерчуле – грузинский писатель XV в» (4), в которой выдвигается версия о пришлости абхазов, их происхождении от будто-бы захвативших во второй половине 17 в. северо – западную часть Грузии (Абхазию) адыгских племен. Основной причиной, вызвавшей острую реакцию абхазов на книгу, перечеркивавшую их историю, не говоря уже о содержавшейся в ней «теории», Анчабадзе считает политическую и национальную дискриминацию абхазского народа, проводившуюся кремлевскими политиками под флагом грузинизации. Хотя, как показывает автор, среди грузинских специалистов «теория Ингороква не получила поддержки, но среди многих неспециалистов, особенно писателей, она была встречена с энтузиазмом.

«С конца 50-х годов начинается новый этап в разработке проблем истории древней и средневековой Абхазии» (5). Появляются монографии З. Анчабадзе, Ш. Инал- Ипа, А.Куправа и других профессиональных абхазских историков, поставивших доказательство автохтонности абхазского народа на твердую научную почву.

В 1989 г. вспыхнувший этноконфликт резко усилил политизацию истории и исторической тематики. Первенство здесь захватили неспециалисты и непрофессионалы. Произошла реанимация теории Ингороква, причем профессиональные грузинские историки разделились на два лагеря. Одни (меньшинство) стали придерживаться теории Ингороква и версии о пришлости абхазов, другие (большинство) – версии о двуаборигенности абхазов и грузин на территории Абхазии. Стороны стали концентрироваться на разделяющих моментах в истории и противопоставлять их друг другу. Абхазские историки начали писать об изменении этнодемографической ситуации в Абхазии во второй половине XIX в. – начале XX в. и репрессиях 20-40-х гг. Грузинские историки стали пересматривать этническую характеристику населения древней и средневековой Абхазии. Если первые представляли дело таким образом, будто до второй половины XIX века грузины в Абхазии вообще не проживали, то вторые писали, что в древний и средневековый периоды абхазы не проживали в Абхазии, а пришли туда позднее, вытеснив проживавшее там до этого грузинское население.

Несмотря на то, что сам Г. Анчабадзе не делает такого вывода, из его исследования можно вывести следующее резюме: не полемика на историческую тематику приводит к возникновению конфликта, а возникший конфликт обостряет споры по поводу истории. В целом, по его мнению, не следует избегать споров на исторические темы, т.к. замалчивание не способствует умиротворению. «Вооружившись знаниями, легче разрешать сложные ситуации» (6) – отмечает Анчабадзе.

Последовательный анализ истоков и причин грузино-абхазского конфликта содержится в статье Торнике Гордадзе «Морально-идеологические препятствия к урегулированию грузино-абхазского конфликта». Анализ этот многофакторный, т.к. по справедливому замечанию автора, «абхазский конфликт нельзя анализировать как результат воздействия только одного фактора», справедливо отмечая в связи с этим, что распространенное в Грузии мнение о том, что только Россия виновата в войне в Абхазии, является ошибочным. Лишь напряжение, существовавшее между двумя сообществами, могло привести к взрыву. Свой анализ Гордадзе строит в двух направлениях – вертикальном, или диахроническом; и в горизонтальном, или синхронном. Первым трагическим последствием классификации, которая четко разделила две этнические группы региона-абхазов и грузин, Гордадзе совершенно справедливо считает махаджирство. Исход значительной части абхазского населения в Турцию, привел к тому, что опустевшие земли заняли представители других национальностей. Власти Российской империи покровительствовали этому процессу т.к. после подавления восстания 1864 года, царская администрация рассматривала абхазов, как «виновный народ». «После отмены крепостного права в Западной Грузии и освобождения крестьян без земли, совпавшего по времени с махаджирством, многие грузинские крестьяне обосновались в Абхазии»(7) – пишет Гордадзе. Такая политика, по его мнению, только способствовала формированию враждебных представлений друг о друге. Позднее ситуация меняется. С абхазов снимается их «вина». Рост грузинского национализма приводит к тому, что царская Россия начинает чувствовать в нем угрозу себе и поэтому отныне делает ставку на абхазов. Начинается политика «разделяй и властвуй».

Противостояние вышло на новый этап с созданием независимого грузинского государства в 1918–1919 гг. Как отмечает Гордадзе, когда этнос сталкивается с национальным государством его коллективная идентификация усиливается, что и произошло с абхазами при их столкновении с грузинским национальным государством. Противостояние приняло форму классовой борьбы между меньшевиками, правившими в Грузии, и абхазским повстанческим движением (киаразовцами), ориентированным на большевиков. Гордадзе отмечает несомненное присутствие национального компонента в событиях того периода. «Несмотря на полное пробуждение абхазского национального самосознания в начале XX века и опыт 1918-1919 гг. среди абхазов еще не сформирован окончательно негативный имидж грузина-врага»(8). Окончательно разрушили мост доверия между двумя народами события 1930-1950гг. Репрессии, запрещение абхазского языка в школах, снижение удельного веса абхазов в составе населения по сравнению с грузинами, все это способствовало тому, что у абхазов окончательно сформировался образ грузина-врага. Причем, как верно подметил автор, последствия на сей раз оказались катастрофическими, т.к. уровень национальной идентичности у обоих народов был намного выше, чем в XIX веке. Напоследок, Гордадзе называет в качестве фактора, способствовавшего конфликту, мифологизированные представления о своем прошлом. Мифологизированные представления замещают реальное знание истории, их легче усваивать, но и труднее устранять именно в силу их легкой усваиваемости.

С помощью методов углубленного интервьюирования участников процесса народной дипломатии с грузинской стороны, постаралась ответить на вопрос о причинах грузино-абхазского конфликта Марина Никурадзе. Большинство опрошенных усматривает корни конфликта в XIX в., когда в результате махаджирства изменился демографический баланс. Несмотря на то, что, по их мнению, это было в основном делом рук России, заселение страны грузинами вызвало у абхазов страх ассимиляции и привело к созданию «образа врага» в лице Грузии.

Этот страх усилился в сталинские времена, когда определенное количество грузин было насильственно перемещено в Абхазию. В свою очередь грузины были недовольны положением абхазов как

«титულიной нации» и считали себя этим ущемленными. Среди них стало господствовать представление об абхазах как о пришлом народе. Постепенно у двух народов сложились мифологизированные представления друг о друге. «Абхазы считают, что грузины завоеватели, захватившие их землю. Для них совершенно неприемлемо, что грузины считают Абхазию своей землей. Грузины считают Абхазию не только своей землей, но и землей абхазов, так как у них (у абхазов) нет другой родины, хотя полагают, что прав у них больше чем у абхазов»(9). Другой причиной является отчуждение грузинской и абхазской культур. Постепенно втянувшись в российскую орбиту, абхазы переняли русский язык, как язык культуры, в то время как до этого абхазская аристократия владела кроме родного и грузинским языком. Так же и богослужение из грузинского со временем стало по языку русским. Роль России в конфликте респонденты оценили следующим образом: все они считают, что проводя политику «разделяй и властвуй», Россия поощряла абхазский национализм.

Большинство респондентов считает, однако, что роль России не является решающей в разжигании конфликта. и ответственность несут прежде всего сами стороны. «Россия ничего не добилась бы, не будь достаточно серьезной почвы для конфликта»(10)- цитата из интервью. Другая, меньшая часть респондентов, главную ответственность возлагает именно на Россию, считая ее главной виновницей вспыхнувшей вражды между народами.

Любопытный подход демонстрирует в своей статье «Вопрос о земле и другие проблемы абхазо-грузинского урегулирования» Арда Инал-Ипа. По мнению автора, за стремлением добиться признания собственного независимого государства стоит цель утвердить таким образом неотъемлемое и неоспоримое право народа Абхазии на владение абхазской землей. Причем, судя по статье, Инал-Ипа не ставит вопрос в том смысле кто является автохтонным, коренным народом. Во всяком случае это не озвучено. Берется не исторический ракурс (кто первый здесь заселился), а психологически-эмоциональное, традиционное отношение к земле абхазов. Инал-Ипа приводит различные высказывания, иллюстрирующие отношение абхазов к своей земле. Например-«Любили ли абхазцы свою землю, свою родину? Да, они любили, коли многие из них при переселении в Турцию бра-

ли в мешки горсть родной земли, чтобы с ней лечь в могилу на чужой земле» (11). Автор приходит к выводу о том, что без признания принадлежности земли Абхазии народу Абхазии достичь мирного решения конфликта невозможно. Но из-за недостаточной конкретизированности того, что понимать под правом на землю этот вопрос зависает. На наш взгляд, Инал-Ипа свела воедино несколько аспектов, каждый из которых следовало бы рассматривать отдельно. Это, как уже говорилось, психологически-эмоциональное отношение к земле, наиболее завершенное выражение находящее в культуре Родины. Это проблема независимости с одной стороны и территориальной целостности с другой, и здесь присутствует также тема собственности на землю, присутствующая в рассказе о восстании 1866 года. Хотя, думается, было бы не лишним, если автор четче разграничил право на собственную землю и право собственности на землю. Недифференцированное отношение к этому вопросу мешает вполне четкому осознанию того, что же имеется здесь в виду под правом на землю? Но вопрос о земле и Родине, или Родине-земле для любого этноса или нации непростой. Что и кому здесь принадлежит? Любопытна фраза в рассматриваемой статье: «На самом деле, ощущение своей принадлежности этой земле и земли народу – одно из базовых ощущений абхаза» (12). Эта противоречивая фраза прекрасно отражает суть проблемы. Не является ли в действительности, именно принадлежность народа этой земле, а не принадлежность земли народу, базовым мироощущением абхаза? Эмоциональное, а не правовое отношение к земле по прежнему доминирует в его сознании. Данная тема была еще раз затронута участниками дискуссии, опубликованной в пятом сборнике «Аспектов грузино-абхазского конфликта». Один из участников с грузинской стороны Михаил Мирзиашвили задал вопрос: смогут ли представители других национальностей, проживающих в Абхазии передать землю в наследство, или земля будет принадлежать только абхазам? Участник с абхазской стороны Далила Пилия ответила в том духе, что все это решается по доброй воле, установлениями обычного права. «Государство учитывает национальный менталитет в этой области, оно не вмешивается» (13).

Как фактор, препятствующий урегулированию, А. Инал-Ипа отмечает проблему равенства. По ее мнению сложившееся противо-

стояние как бы уравнивает стороны. Как пример она приводит общепринятое словосочетание «две стороны конфликта», по которому эти стороны (Абхазия и Грузия) равноправны как стороны конфликта. Поэтому у абхазов сложилось представление о том, что пока они воюют и сражаются их будут воспринимать уважительно и на равных. На первый взгляд данное обстоятельство непосредственно не связано с корнями конфликта, но указание автора статьи на проблему равенства само по себе является важным, т.к. позволяет понять или может рассматриваться, как одна из психологических подоплек конфликта: чувство некоторой приниженности, желание возвыситься, быть на равных могли быть одной из психологических предпосылок конфликта. Этот же момент затрагивается и в статье Марины Элбакидзе из пятого сборника «Применение психологической модели для описания грузино-абхазского конфликта». Она характеризует взаимоотношения грузин и абхазов до конфликта, как Родитель-Дитя, или Дитя-Дитя. Претензии грузин играть по отношению к абхамам родительскую роль вызывали у последних раздражение и, в то же время закрепляли у них самих синдром обиженного ребенка. «Неравные отношения порождают агрессивные чувства и импульсы» (14). По мнению Элбакидзе стороны и сегодня не готовы перейти на уровень отношений «Взрослый-Взрослый», хотя некоторые симптомы этого и наблюдаются.

Распад советской империи привел к тому, что прежде закабаленные республики обрели надежду на реальную свободу и самоопределение, указывает в своей статье «Проблема четкой определенности языка общения официальной и неофициальной дипломатии в процессе урегулирования грузино-абхазского конфликта» Тамара Шакрыл. Причем суверенитет, по ее мнению, нужен был в первую очередь автономным республикам.

Лицемерная политика сильных государств, декларировавших право наций на самоопределение, но на деле отказывавших в этом праве малочисленным народам, в том числе абхазскому, привело к войне, считает Тамара Шакрыл. Полемизируя с некоторыми авторами она отмечает как несостоятельные ряд их аргументов. По ее мнению нельзя говорить о том, что в средние века, например, весь абхазский народ был включен в грузинское культурно-политическое про-

странство, как об это пишет Гия Нодия. Весьма любопытное толкование дает автор термину «нацменьшинство». Она считает, что коренное население не может быть меньшинством, т.к. в старину нацменьшинствами именовались инородцы или пришельцы. В подтверждение своего мнения автор ссылается на толковый словарь В. Даля. «...подлинным атрибутом, определяющим этот термин (нацменьшинство — А.Л.) в качестве дефиниции, является не численное превосходство представителей одного народа над другим, а автохтонность одного из них» (15) — пишет Шакрыл. Не давая оценку этому довольно экстравагантному выводу, замечу только то, что оно является отражением болезненного отношения абхазов, или какой-то их части, к факту их малочисленности на своей собственной родине.

Констатируя факт свершившейся отчужденности абхазского и грузинского народов, Иракий Сургуладзе в статье «Возможная роль традиции в урегулировании грузино-абхазского конфликта» задается вопросом об основах этого явления. Этнокультурные и социальные различия между двумя народами Сургуладзе считает незначительными. «Противоречий между ними, кроме надуманных, порой являющихся следствием тактической ошибки, не существует» (16). Основная ответственность по автору лежит на периоде советской власти. Именно в этот период абхазская интеллигенция и молодежь постепенно русифицируется и не чувствует необходимости в грузинских республиканских властях. Те преступления, которые чинились за годы коммунистического господства, списываются теперь абхазами на счет грузинского национализма. Грузины, для которых Абхазия всегда была неотделима от понятия Родины, антигрузинские тенденции среди определенной части абхазов, прежде всего интеллигенции, расценивали как вероломство и возмущались этим. По мнению Сургуладзе процесс отчуждения шел методично, целенаправленно и высокоорганизованно, а сами народы были лишены возможности влиять на этот процесс. Отсюда, следовательно, можно сделать вывод, что все это происходило по вине имперской политики России. На наш взгляд Сургуладзе склонен преуменьшать ответственность самих сторон в конфликте и переносит акцент на не зависящие от них обстоятельства.

В своем анализе истоков грузино-абхазского конфликта Олег Дамения («Абхазо-грузинский конфликт: проблемы и перспективы

урегулирования») исходит из ресурсной концепции, согласно которой вряд ли Грузия могла и может преследовать в Абхазии какие-то иные цели, кроме как овладение ее природными ресурсами, в то время как перед Абхазией стояла задача сохранения за собой этих природных ресурсов (17). В то же время Дамения не считает ресурсный фактор фатальным для грузино-абхазских отношений, указывая на то обстоятельство, что абхазы и грузины жили без войн на протяжении столетий. Ресурсный фактор срабатывает только в том случае, если складываются соответствующие обстоятельства. О. Дамения обращает внимание на тип расселения этнических общностей на Кавказе, границы которых, как правило, совпадали с соответствующей экологической нишей. Этот тезис приводит автора к утверждению того, что «каждая этническая общность достаточно четко осознавала свою естественную, изначальную сращенность с данной территорией (средой), вне которой она себя не мыслила» (18). Кавказские народы, сознавая себя частью общего кавказского социо-культурного пространства, в то же время чувствовали себя самостоятельными в пределах своего собственного этно-культурного и природного ареала существования. В этих условиях, по Дамения, исключалась претензия на чужую территорию, территорию другого этноса. Данный контекст, считает автор, позволяет адекватно понять суть грузино-абхазского противоречия. Грузинское сознание воспринимает Абхазию, как часть Грузии, но то же самое сознание считает абхазов самостоятельным, не грузинским этносом. Территория Абхазии является частью Грузии, но абхазский народ не является частью грузинского народа – таково противоречие в сознании грузин. В то же время и абхазы и грузины считают себя кавказскими народами. На это противоречивое сознание в дальнейшем наслонилась советская политическая конъюнктура, приведшая к созданию образа врага в лице грузин и агентов Кремля в лице абхазов. Таков в общих чертах анализ Олега Дамения.

В заключение - несколько общих замечаний и характеристик. Во-первых, авторы, чьи статьи мы здесь рассматривали в связи с корнями конфликта, исследуют в основном морально-идеологические и исторические аспекты (в смысле роли, которую играет история во взаимоотношениях абхазов и грузин), опуская остальные аспекты (со-

циальные, экономические, политические) или затрагивая их вскользь. Объясняется это обстоятельство просто тем, что каждый из авторов не ставил своей целью всестороннее исследование корней конфликта, его генезиса, а брал тот аспект, который был ему ближе и привлекал его внимание. Например, понятно, что Г. Анчабадзе, как историк, сосредоточивает свое внимание на историческом контексте. Вторых, бывает нередко трудно определить, четко разграничить, что по мнению авторов, является причиной конфликта, а что его последствием. Помимо того, что это и сама по себе, если можно так выразиться, весьма проблематичная проблема (т.е. причины и следствия нередко сливаются друг с другом), но и сами авторы (опять-таки в силу того, что они не ставили перед собой специальной цели) иногда не совсем четко разделяют эти вещи. Более четкий подход в этом отношении наблюдается у Торнике Гордадзе и еще у Марины Никурадзе. Что касается Г. Анчабадзе, то он не акцентируется на том, что является поводом, причиной или последствием, употребляя более нейтральный термин-составляющая. У Нателлы Акаба речь также идет фактически о составляющей конфликта, хотя такого термина она и не употребляет.

Литература

1. Георгий Анчабадзе. Попытки нейтрализации грузино-абхазского конфликта методами народной дипломатии (на основании личного опыта) // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. Ирвайн, 1999, с. 19.
2. Манана Гургулия. Народная дипломатия: реальность и иллюзии // Там же, с. 114.
3. Нателла Акаба. О некоторых популярных мифах (к истории грузино-абхазских взаимоотношений) // Аспекты грузино-абхазского конфликта. Т. 2. Ирвайн, 2000, с. 16.
4. Георгий Анчабадзе. Изучение вопросов этнической истории абхазов на фоне грузино-абхазского конфликта // Там же, с. 24.
5. Георгий Анчабадзе. Там же, с. 27.
6. Георгий Анчабадзе. Там же, с. 37.
7. Торникэ Гордадзе. Морально-идеологические препятствия к урегулированию грузино-абхазского конфликта // Там же, с. 57.
8. Торникэ Гордадзе. Там же, с. 60.
9. Марина Никурадзе. В чем видит грузинская народная дипломатия причины грузино-абхазского конфликта // Там же, с. 128.

10. Там же, с. 129.
11. Арда Инал-Ипа. Вопрос о земле и другие проблемы абхазо-грузинского урегулирования // Там же, с. 121.
12. Там же, с. 121.
13. Аспекты грузино-абхазского конфликта. Т. 5, с. 130.
14. Там же, с. 219.
15. Тамара Шакрыл. Проблема четкой определенности языка общения официальной и неофициальной дипломатии // Там же, с. 113.
16. Ираклий Сургуладзе. Возможная роль традиции в урегулировании грузино-абхазского конфликта // Там же, с. 274.
17. Олег Дамения. Абхазо-грузинский конфликт: проблемы и перспективы урегулирования // Там же, с. 330.
18. Там же, с. 326.

ДИСКУССИЯ

Вопрос – Прослеживается ли некоторая эволюция во взглядах на эту тему?

Абесалом Лепсая – Нет, какой-то эволюции не было. Чтобы как-то менялись представления или подходы от статьи к статье – такого не было. Наверное, просто потому что эта тема не являлась все-таки определяющей для этих сборников.

Вопрос – Но можно ли было как-то обобщить существующие различия в понимании корней конфликта представителями двух сторон?

Абесалом Лепсая – Фактически разница была очень небольшой, даже затрудняюсь назвать. Все называют какие-то определенные исторические события – махаджирство, подход к истории. То есть, все называют эти факторы как конфликтогенные.

Серьезных противоречий здесь нет. Потому что тема о корнях конфликта не была вопросом специального обсуждения или дискуссии. Я попытался выделить те моменты, которые были озвучены. И думается, что важен еще и тот момент, что все-таки авторы сами являются представителями неформальной дипломатии. То есть, здесь

как бы имплицитно подразумевается некоторое понимание и согласие относительно того, как конфликт возник и как он развивался. И поэтому эти вопросы как-то не дискутировались. То есть, не было существенных противоречий.

Пола Гарб – Может быть, на мой вопрос сейчас трудно будет ответить. Это вопрос ко всем. Поскольку все материалы, относящиеся к данной теме были в основном опубликованы в двух сборниках, в которых мы еще не печатали стенограммы. Поэтому теперь мы зависим от нашей памяти, потому что много интересного содержалось в обсуждениях этих разных пунктов. Это помогло бы все-таки выделить противоречия, которые, может быть, заключены в этих статьях. Но особенно мы помним, что было бурное обсуждение по поводу статьи Арды. Может быть, общими усилиями мы могли бы выделить какие-то наиболее важные моменты этих обсуждений, чтобы это тоже можно было отразить в статье. Потому что по другим темам опубликованы обсуждения, по которым мы можем проследить развитие диалога.

Абесалом Лепсая – В основном проблема корней конфликта затрагивается во втором сборнике. На этой встрече меня не было и я не могу ничего сказать. Но если будет опубликована стенограмма, конечно, это будет очень интересно. И тогда я смогу включить эти данные в статью.

Нателла Акаба – Я не помню, в какой день это было. Но это была реакция на статью Арды. Когда Арда говорила о земле, кто-то из грузинской группы спросил: «Почему тогда абхазы больше обижены на грузин, а не на русских, которые их сделали изгнанниками?» На это Галя сказала, что эта обида усиливается тем, что грузины повели себя не по-кавказски, что абхазы воспринимали их как кавказцев, а они в данной ситуации повели себя не так, как должны были бы повести.

Реплика – Речь шла о XIX веке?

Нателла Акаба – Да, о XIX веке. Когда заселили освободившиеся земли.

Шум.

Батал Кобахия – В тот день после долгих обсуждений возникла вот такая проблема. Кто-то высказал мнение: «Тогда зачем мы вообще занимаемся диалогом, если видно, что у нас совершенно разные ценности и интересы – если отношение к земле и к собственности, которое отразила Арда, совершенно не соответствует отношению к земле и собственности, которые есть у грузин, и это еще больше уводит нас друг от друга?» Это было еще во время негативного этапа обсуждения. К концу мы нашли некоторые точки соприкосновения. Но вот такой момент фрустрации был и у той, и у другой группы.

Георгий Анчабадзе – Тогда, как мне показалось, был очень интересный разговор. И наши беседы вышли на другой уровень. Потому что мы до того момента не касались таких острых вопросов. И тогда были поставлены в принципе самые волнующие вопросы, и обе стороны высказали свое мнение. Это обсуждение все-таки прошло в форме беседы, какого-то острого спора, но оно не переходило определенных рамок, что вполне можно было бы ожидать при таком накале, и в других ситуациях вполне могло перейти в неприемлемое русло. Поэтому я после этого обсуждения всегда говорил, что в Конобеево мы вышли на какой-то новый уровень. И у меня была надежда, что мы дальше и дальше будем так подниматься. Но это, видимо, не совсем так происходит. Но тогда, все-таки, это был очень значимый разговор. Потом это касалось уже, насколько я помню, отношения к земле. Арда привела такой пример, обращаясь к Марине Барцыц, «разве у вас не особое отношение к вашим холмам?» Тогда еще Мамука спорил, что там живут и грузины, и почему их надо ставить в другую плоскость? Я тогда особенно не высказывался по этому поводу, хотя был солидарен с Ардой... Потом разговор перешел на другое, и я не успел сказать, что нельзя равнять одно с другим. Одно дело, когда люди живут на этой земле. Но действительно, отношение к земле тех, кто считает, что там всегда жили их предки, конечно, совсем другое. Да, был очень интересный разговор, но я не помню всех подробностей.

В чем все-таки суть проблемы? В том, чей суверенитет должен быть. Суть проблемы находится в этом. И из-за этого и был разговор, конечно.

Нателла Акаба – По поводу суверенитета я очень хорошо помню, что мы тогда согласились с тем, что у нас не хватает чисто правовых знаний, чтобы правильно сформулировать эту проблему...

Лиана Кварчелия – Я помню момент, когда выступала Марина Пагава. Она говорила о том, что у беженцев сильное чувство отождествления себя с Абхазией, то есть, самоидентификация связана именно с Абхазией. Я помню тогда свою реакцию – неужели нужно было случиться войне, чтобы те грузины, которые жили в Абхазии, наконец, сказали, что они из Абхазии. А ведь до войны, когда уже была достаточно напряженная ситуация, они себя отождествляли только с Грузией. Им даже трудно было сказать, что они из Абхазии. Я вспоминала такие примеры, когда у нас с друзьями происходили какие-то разговоры, и если мы еще к тому же находились в третьей стране, то они всегда говорили, что они из Грузии. А сейчас для них стало важным говорить, что они из Абхазии. Как все меняется. Это тоже моменты из тех неопубликованных обсуждений.

Батал Кобахия – Выступление Арды в Конобеево, я помню, вызвало у Левана Берадзе острую реакцию. Он еще раз повторил, что нет для них такого понятия как «Абхазия», вообще такого слова, такого термина нет, а есть термин «Двуречье». И мы тогда обсуждали, насколько у нас разные позиции, совершенно разные. Другое дело, что на последующих встречах, которые были не только в рамках этого процесса, у самого Левана изменились взгляды, и он уже без лишних опасений называл Двуречье Абхазией и спокойнее к этому относился.

Паата Закареишвили – Двуречье – это между какими реками Абхазии?

Батал Кобахия – Ингур и Псоу, он имел в виду эти реки. Хотя, конечно, может быть, он пересмотрел бы и реки. Он бы пересмотрел,

но кто ему даст такую возможность? Но, во всяком случае, что было очень важно и мы это отмечали, что называя Абхазию Двуречьем между Псоу и Ингуром, он еще раз подтвердил право на землю, о котором Арда говорила. Потому что Арда не говорила об участке между Гумистой и Кодором. Она имела в виду собственно ту территорию, на которую мы сейчас и претендуем. И даже в этом негативном плане он как бы подтвердил право на землю именно на этой территории. Это тоже был очень интересный момент.

Арда Инал-Ипа – В общем-то, когда я готовила это выступление, я не собиралась говорить именно о корнях конфликта. Мне казалось, что моей целью было понять, на какой основе миротворчество может стать более реальным в наших условиях. И я тогда привела пример из новеллы Лакрба о том, что если бы у абхаза было спокойное и никем не оспариваемое осознание своей принадлежности земле и земли народу, то это дало бы гораздо больше миротворчеству. Думаю, что в признании того, что он является хозяином этой земли, содержатся ресурсы к примирению, к прощению, к пересмотру каких-то моментов. Без этой спокойной уверенности в том, что землю у него и право на землю никто не отнимает, я не вижу вообще возможности для урегулирования. В этом смысле мои взгляды не изменились. Я также считаю, что если бы эта принадлежность была бы подтверждена, то абхазы были бы более готовы к каким-то шагам на пути урегулирования.

Нателла Акаба – В связи с тем, что сказала Арда, я вспомнила, что кто-то привел пример войны в Чечне. Мол, в данном случае Россия как бы не посягает на эту территорию, и никогда русские не говорили, что это русская земля, а чеченцы – пришельцы. И вот в этом как бы заключено отличие наших конфликтов.

Олег Дамения – Отношение абхазов к земле – это не исключительное явление, это общекавказское явление. Это характерно для всех горцев Кавказа и объясняется дефицитом земли в условиях гор. И, кроме того, объяснение находится еще и в том, что население Кавказа в прошлом с точки зрения той сложившейся исторической этно-

карты, серьезным образом отличается от того, что мы сегодня имеем. Вот если проследить исторически какую-то ретроспекцию, то мы наблюдаем, что население этнически не смешано, каждый этнос занимает определенную экологическую нишу и границы экологических ниш и границы этносов, как правило, совпадают. И в этих условиях отдельный кавказский этнос, видимо, долгие годы, а то и столетия вел себя в рамках антропогеоценоза, то есть, он строил свою жизнь в рамках тех экологических норм и ресурсов, которые данная ниша позволяла. И это, конечно, в сознании не только абхазов, но и тех же чеченцев, кстати говоря, сохранилось. Это у всех горцев хорошо просматривается. И потому мне кажется, что то, что Арда писала с точки зрения социальной психологии имеет и этнографический аспект. Я хочу сказать, что это имеет полное научное подтверждение. И я тоже отчасти писал об этом в своих работах. И даже здесь на наших встречах говорил об этом.

Тенгиз Пачкория – Здесь вспоминают не только то, что было сказано на второй встрече, а речь идет о причинах конфликта. А можно перейти к тому, что говорил, допустим, Абесалом? Или только надо вспоминать то, что было и в этом будут участвовать только те, кто участвовали в той встрече?

Батал Кобахия – Да, мы сейчас занялись воспоминаниями.

Тенгиз Пачкория – Я читаю все эти сборники и знаю, что там написано. Но не все туда попадало. В последние сборники вошло гораздо больше информации. А на первом этапе печатались, в основном, только доклады и выступления. Конечно, тема конфликта будет много и много десятилетий предметом многочисленных диссертаций и научных монографий. И никогда она не будет исчерпана, даже когда урегулируют конфликт, или может быть на каком-то этапе законсервируют, достигнув консенсус, чтобы не дразнить ситуацию и т.д. Но все будут излагать события по-своему. Как я понял, Абесалом постарался в своем стиле использовать мнение различных сторон и различные источники и создал внешне, в хорошем смысле, видимость того, что он и грузинскую позицию отобразил, хотя в контексте...

Даур Начкебия – Вы Абесалома не обижайте.

Тенгиз Пачкория – Мы его не обижаем. Я хотел бы во-первых, ответить на некоторые реплики, которые прозвучали в ходе этого обсуждения. Я думаю, что недостаточно много внимания уделено роли крупных государств в этих конфликтах, потому что кульминация этих отношений и этих конфликтов, которые Абесалом исторически обозрел, приходится на какие-то крупные события мирового значения. Те же 1918-1921 года – когда происходил очередной этап передела мира с участием России, Турции и западных стран. Тот же период начала 90-х годов, когда тоже наступила новая эпоха передела, и в какую зону должен был попасть Кавказ интересовало многих. Поэтому я думаю, что при освещении вопроса о причинах конфликта обязательно нужно больше внимания уделять той роли, которую здесь играли другие государства. Если же мы говорим о причинах войны, то они шире, чем причины конфликта, потому что не обязательно, чтобы конфликт, который назревал, перерос в войну, ее можно было бы избежать. И было бы неплохо, если при освещении этих причин задаться целью выяснить, что в будущем нужно было бы сделать грузинским и абхазским политикам, чтобы предотвратить войну и остановить дальнейшее углубление конфликта. Что же касается разговоров об идентичности, то это серьезная тема. Здесь было сказано, что беженцы, мол, сейчас по-другому осознают свою идентичность. На самом деле, они всегда осознавали, только в ином ракурсе. Когда они находились в других регионах Грузии, они не только осознавали, но даже подчеркивали, что живут в Абхазии, потому что подавляющее большинство грузин всегда этим гордились по многим причинам. А если они, допустим, куда-то выезжали и говорили, что они из Грузии, то они, грузины, считали и считают, что Абхазия – это часть территории Грузии. Это – психология, и поэтому говорить о том, что они сейчас только это поняли, а было бы неплохо, если бы раньше поняли – я думаю, что это не совсем правильно. И это не означает, что если они сейчас поняли и сейчас развивают эту мысль, то они совсем по-другому думают. Люди меняются, и мировоззрение тоже меняется. Но я не думаю, чтобы люди не понимали, где они живут. Подавляющее боль-

шинство прекрасно понимало, в каком прекрасном регионе и прекрасном уголке планеты они живут.

И еще здесь момент о том, что не по-кавказски поступили. Грузины всегда считали, считают и, наверное, будут считать Абхазию частью территории своей родины. И поэтому, когда их переселяли, они думали, что они переселяются из одного региона своей родины в другой. Психология была такой, и поэтому они не считали, что этот поступок не кавказский. Я помню, может быть, кто-то читал внимательно о том, что грузинская интеллигенция выступила в защиту абхазов, которых вынудили уехать в Турцию. И Илья Чавчавадзе, и другие выступали в газетах, и эти документы сохранились.

Арда Инал-Ипа – В последних сборниках и, в частности, в восьмом, не было специального выступления о корнях конфликта, но в обсуждениях часто звучала мысль о том, какие силы повлияли на его обострение или возникновение. Можно было бы это тоже включить в исследование, как мне кажется.

Паата Закареишвили – Я хорошо помню, что я первый отреагировал на то выступление Арды. На самом деле, для меня, и не только для меня, но и для нашего проекта ее выступление в Конобеево было, наверное, ключевым, то есть поворотным. Нам стало легче говорить и говорить более принципиально. До сих пор ее выступление на самом деле остается одним из ключевых. Я выступал сразу после нее. Я хорошо помню некоторые позиции. Мой основной принцип был такой. Я Чечню привел в пример, но в Чечне все-таки тупиковая ситуация. Там – замкнутое пространство, Кавказ. И там могут развиваться какие-то традиционные ценности. Но если Абхазия намерена выйти на какой-то уровень и стать государством, она не может основываться на традиционных ценностях. Она обязательно должна разорвать общинные ценности, которые характерны для замкнутого общества, закрытого общества. И вот это отношение к земле, отношение к крови – это все ценности прошлого. Конечно, можно их сохранить, но с этими ценностями невозможно продвигаться, невозможно модернизироваться. Многие уже нахо-

дятся в постмодернистской эпохе, а мы, наше общество, до сих пор не можем перешагнуть в этот современный мир. И в Грузии то же самое, мы пребываем в каких-то общинных, замкнутых отношениях. Поэтому мой лейтмотив был такой – да, это очень важно – отношение к земле, отношение к фамилии, родственные отношения. Но если не перейти к более современным формам, у Абхазии будет очень много проблем, потому что она находится на трассе. То есть, через нее, если можно так сказать, будут проходить культурные и другие важные ценности. Если Абхазия должна состояться как государство, то невозможно по-другому. Если вы эти традиционные ценности не будете менять сами на гражданские демократические ценности, то все труднее и труднее будет Абхазии развиваться. Я так говорил, и я это хорошо помню.

Пола Гарб – Вот продолжение именно этого разговора, мне кажется, относится к докладу Нателлы.

Арда Инал-Ипа – Проблема в том, чтобы эти традиционные ценности современно юридически осмыслить и оформить. И это вполне возможно.

Паата Закареишвили – Конечно, можно. Не об этом идет речь. Я не видел, чтобы это обсуждалось в абхазской прессе.

Абесалом Лепсая – Я хотел бы высказаться по поводу того, что сказал Тенгиз. Дело в том, что я использовал те статьи, которые были в сборниках. Не моей задачей было обобщать все существующие материалы. Я добросовестно постарался передать то, что писали авторы и сделать обзор.

Арда говорила о том, что можно добавить влияние внешних факторов, каких-то сил, об этом Тенгиз тоже говорил в своем выступлении. Но если включать эти факторы, то это расширит рамки статьи. Я вначале попытался сказать, что когда мы употребляем термин «корни», то подразумеваем определенную историческую ретроспективу. Если я буду писать о том, что писали в статье о каком-то конкретном факторе – о России, о геополитическом раскладе или политической

обстановке – это будет уже относиться к непосредственным причинам. Если это можно включить, то тогда надо будет тематику статьи немного по-другому формулировать. Если мы говорим о корнях, то мы говорим о какой-то исторической ретроспективе.

Лиана Кварчелия – Я хотела отреагировать на то, что сказал Паата, потому что потом это будет в отрыве от контекста. Я вспоминаю уже другую встречу, где этот вопрос возникал, когда Гоги Гвахария сказал в Сочи, что в Грузии сейчас никого не волнует проблема идентичности, и что для грузин это второстепенный вопрос. Я помню тогда нашу реакцию. Я тогда ответила, что в принципе вопрос идентичности возникает тогда, когда этой идентичности что-то угрожает.

Паата Закареишвили – К сожалению, этот вопрос все-таки стоит.

Лиана Кварчелия – Если взять нашу конкретную ситуацию, то этот вопрос для нас важен, и традиционные ценности для нас важны, потому что, если говорить о том же праве на землю, то мы чувствуем, что это право оспаривается, и что есть реальная угроза. С другой стороны есть вопрос о том, как развиваться и не утратить эти ценности. И это является предметом обсуждений в нашем обществе. Может быть, эта дискуссия несколько беспорядочная и не такая внятная, как бы хотелось. Мы сами себя ругаем за то, что очень часто нам просто не хватает времени для того, чтобы проговорить очень важные вещи. Но у нас в обществе полемика по этому поводу идет. Есть люди, которые придерживаются более крайней позиции, кто исключительно ориентирован только на традиционные ценности или только на модернизацию. С другой стороны, есть и те, кто не видят возможности сохранить эти ценности, если одновременно не идти вперед. Именно этой позиции придерживаются многие представители гражданского общества, хотя их несправедливо обвиняют в том, что они отказываются от традиционных ценностей и вообще отрываются от них. На самом деле это совсем не так.

Олег Дамения – У меня тоже реплика. Она перекликается с тем, что говорила Лиана. Но немножко иная. Когда мы говорим об отноше-

нии к земле, то, естественно, это традиционные ценности, традиции, от которых надо как-то, насколько это возможно, абстрагироваться и учитывать новые реалии, несомненно. Мы не говорили о том, что их надо консервировать, что их надо вообще абсолютизировать, метафизировать и т.д. Но речь в данном случае, на мой взгляд, должна идти в первую очередь о том, что такая ментальность, такой менталитет – это реальный фактор сегодня, с которым следует считаться. И более того, чем более оперативно, административно мы будем к этой ментальности относиться, тем более она будет сопротивляться. Мы можем навредить делу. И потому, задача, на мой взгляд, социальной политики как раз состоит в том, чтобы учитывать те или иные реалии, потому что формирование гражданских структур проходит, скажем, где-то во Франции или в Америке, или в Японии одним образом, а на Кавказе, по всей вероятности, будет проходить другим образом. Вот о чем должна идти речь.

Эмзар Джгереная – Я, к сожалению, не читал доклад Арды «Об отношении к земле». Но что это означает? Что я люблю свою землю в гражданском смысле? Если я люблю свою землю, то это я понимаю. Но в гражданском смысле или в юридическом смысле – это что-то должно означать. На том, что я люблю свою землю, нельзя строить общество. Законы должны быть такими, чтобы вот это чувство стало более гражданским. И когда человек говорит об этом, я извиняюсь, но я вижу в этом какое-то националистическое в плохом смысле выражение. Если любить свою землю и иметь к ней какое-то отношение, но не перевести это отношение на гражданский язык, на язык закона и так просто оставить, то я считаю, что это просто опасные отношения. Наверное, вы это не имели в виду.

И, во-вторых, кому принадлежит земля и т.д. – это такая проблема. Но земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает. Это все должно быть отражено в законе. И я думаю, что и грузинскому, и абхазскому обществам как-то надо освободиться от такого отношения к своей собственной земле. Я думаю, что у грузин есть такое отношение к своей собственной земле, какое-то мифопоэтическое, не социальное, не гражданское отношение к собственной земле – это опасное отношение, как я думаю.

Георгий Анчабадзе

НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И МИРОТВОРЧЕСТВО

По материалам постоянно действующей грузино-абхазских конференции, организованной Калифорнийским университетом (г. Ирвайн)

На данном этапе, когда процесс грузино-абхазского урегулирования на официальном уровне, несмотря на активную работу посредников – ООН, ОБСЕ и других международных организаций – фактически находится в тупике, особенно актуальным видится использование ресурса народной (неформальной) дипломатии. Проект Калифорнийского университета (г. Ирвайн), имеющий целью содействовать конструктивному диалогу между широкими кругами представителей грузинской и абхазской общественности, по сравнению с другими подобными проектами более «плотно» занят разработкой теоретических и практических основ народной дипломатии. В результате появилось несколько уникальных в своем роде книг – сборников статей о различных аспектах абхазо-грузинского конфликта. Авторы этих статей – грузины и абхазы, участники постоянно действующей научно-практической конференции, организованной в рамках названного проекта.

Приоритетной темой для изучения в проекте с самого начала мыслилась народная (неформальная) дипломатия. Неслучайно первый сборник носил название: «Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе». В предисловии к нему профессор Калифорнийского (Ирвайнского) университета г-жа *Пола Гарб*, благодаря стараниям которой и родился этот проект, подытоживая результаты первого года коллективной работы, очертила следующие основные задачи:

- 1) содействие конструктивному диалогу и сотрудничеству между представителями обеих сторон грузино-абхазского конфликта;
- 2) внесение вклада в теорию конфликтологии путем использования методологий, позволяющих проследить влияние неофициальной дипломатии на участников этого проекта;

- 3) распространение результатов проекта как в регионе, так и среди международных организаций и специалистов, занимающихся разрешением конфликтов.

В предисловии говорится также, что «предлагаемые исследования раскрывают отношение к официальной и неофициальной дипломатии среди граждан с обеих сторон, а также потенциалы и препятствия в разрешении конфликта».¹

В дальнейшем обозначились и другие приоритетные темы, но проблема народной дипломатии постоянно присутствует и в последующих сборниках конференции (вып. 2, 4, 5, 7). Кроме того, те или иные аспекты народной дипломатии затрагиваются и в выпусках, описывающих встречи участников проекта с абхазской и грузинской общественностью в Сухуми и Тбилиси в 1999 и 2000 гг. (вып. 3 и 6).

Прежде чем приступить к рассмотрению статей, опубликованных в этих сборниках, следует отметить, что отношение к народной дипломатии, в целом, не является однозначным. Так, многие профессиональные дипломаты и политтехнологи невысоко оценивают ее роль, сводя ее, в лучшем случае, к улаживанию остаточных проявлений конфликта после достижения мирной развязки на уровне официальной политики. В этом смысле не составляют исключения и современные Грузия и Абхазия, где существует большой разброс мнений по этому вопросу. Например, в газете «Литератури Сакартвело» от 22-28 февраля 2002 г. ректор Дипломатической академии Грузии С. Цинцадзе резко отрицательно охарактеризовал народную дипломатию, которая, по его мнению, абсолютно не способна решать политические проблемы. Интересно, что, по совпадению, в те же дни (21-22 февраля 2002 г.) в абхазском официозном печатном органе «Республика Абхазия» была опубликована статья под названием: «Зачем смотреть на Тбилиси и делить ответственность с агрессором?», где неформальные встречи представителей абхазских и грузинских неправительственных структур оценивались весьма негативно.

Для подтверждения своей правоты авторы, отрицающие эффективность народной дипломатии, нередко ссылаются на затяжные конфликты в Азии (палестинский, кашмирский и др.) и в Черной Африке, где, несмотря на солидные вложения сил и средств, использование методов народной дипломатии до сих пор не принесло ощути-

мых результатов. Однако возникает встречный вопрос: а добилась ли установления прочного мира в этих регионах официальная дипломатия, располагающая неизмеримо большими средствами?

Создается впечатление, что профессиональные дипломаты, политики и близкие к ним круги не всегда четко понимают цели народной дипломатии, или неформального (гражданского) миротворчества (если словосочетание «народная дипломатия» для них неприемлемо).²

Конечно, на неформальных встречах представителей противостоящих сообществ конкретные вопросы политического урегулирования решаться не могут, но эти встречи подготавливают общественное мнение к мирной развязке и необходимым для нее взаимным уступкам, расширяя, таким образом, официальным лицам поле для маневра. Народная дипломатия не может подменить профессиональную, но она должна делать свое дело параллельно ей, а не тянуться вслед. Вот что пишет об этом в первом сборнике Георгий Анчабадзе (Институт истории и этнологии АН Грузии): «Урегулирование этнических конфликтов – прерогатива государственной власти, официальной дипломатии. Однако народная (неформальная) дипломатия создает благоприятные условия для действия официальных структур. Она призвана способствовать ослаблению межэтнической напряженности, преодолению «образа врага» и, как следствие этого, нейтрализации конфликта, то есть отказу сторон от силовых действий и продолжению политической борьбы исключительно мирными средствами. При этом не следует думать, что народная дипломатия является «младшей сестрой» официальной дипломатии и копирует ее методы работы. Поле деятельности «неформальных дипломатов» значительно шире, ибо их усилия должны быть направлены не только на оппонентов из противостоящего лагеря, но и, не в меньшей степени, на трансформацию общественного мнения своей стороны, всех слоев общества».³

Важным моментом, определяющим успех нетрадиционной дипломатии в формировании широкого общественного мнения, является ее массовость. Как справедливо отмечает *Арда Инал-Ина* (Центр гуманитарных программ), «народная дипломатия не может быть эффективной, если процесс поиска взаимопонимания между двумя народами ограничивается узким кругом лиц. Общественность по обе

стороны конфликта должна быть, по меньшей мере, хорошо информирована о развитии диалога. В противном случае даже при успешной работе процесс позитивной трансформации затронет лишь участников встреч, не имея «пространства» для дальнейшего развития».⁴

О роли общественных настроений в политической жизни современного Кавказа пишет той же книге *Олег Дамениа* (Институт экологии горных территорий Кабардино-Балкарского научного центра РАН при Адыгейском госуниверситете): «...В условиях сложившейся сегодня на Кавказе ситуации только усилиями лидеров противостоящих сторон и других структур трудно добиться успеха в восстановлении стабильного мира в регионе. Если лидерам сторон в конфликте даже и удастся найти и принять взаимоприемлемое решение, что маловероятно при такой полярности позиций, то оно может обрести реальную силу лишь тогда, когда будет поддержано «низами», роль которых в последнее время, особенно в войне, заметно возросла. Ведь в этих конфликтах воевали друг против друга не регулярные войска, а именно они – «низы», разделившиеся накануне и в ходе войны по этническому признаку. Эта особенность... осложняет разрешение проблем полномасштабного урегулирования, поскольку участники конфликта хорошо знают даже на бытовом уровне друг друга. Сегодня «низы» – это не просто масса, не только социальная опора лидера, но также реальная, в том числе и военная, сила, с которой в политике нельзя не считаться. Поэтому лидерам часто приходится заигрывать со своими «низами», чтобы поддержать свой имидж».⁵

Другие участники сборников также пишут о важном значении общественного мнения и народной дипломатии в деле урегулирования такого многомерного конфликта, как грузино-абхазский. Например, *Абесалом Лепсая* (Абхазский институт гуманитарных исследований) пишет: «Этот конфликт охватил все уровни отношений между двумя народами, двумя общностями. Глубокая пропасть пролегла между массами людей, и, если не преодолеть существующие противоречия и обиды на всех уровнях, то политическое соглашение окажется не более чем латанием дыры над бездной... Отсюда вытекает вся важность и все значение народной, неформальной дипломатии в урегулировании грузино-абхазского противостояния».⁶

Еще более категорична *Нателла Акаба* (Центр поддержки демократии и прав человека): «Надо быть очень наивным человеком, чтобы полагать, что достаточно лидерам Абхазии и Грузии подписать некий документ, определяющий контуры политико-правовых взаимоотношений, как сам собой начнется процесс примирения, вернутся в свои дома беженцы, и оба сообщества приступят к мирному строительству... Приходится сожалеть, что достижения конфликтологической науки, в частности, теория трансформации конфликта, еще не так часто находят практическое применение в рамках официального переговорного процесса».⁷

В этой связи А. Лепсая упоминает скандал, разразившийся в Абхазии, когда там стало известно, что на переговорах в Москве 25 июля 1995 г. был согласован – и даже завизирован – протокол о грузино-абхазском урегулировании. Предвидя, наверное, резкую реакцию населения, абхазская сторона была вынуждена впоследствии заявить о невозможности парафировать этот документ.⁸ Это наглядный пример того, как неподготовленность общества к решениям, принимаемым политиками, становится серьезным фактором, препятствующим их выполнению.

Сравнивая плюсы и минусы официальных и неофициальных переговоров, Н. Акаба отмечает, что на неформальных встречах легче говорить и спорить на неприятные темы: «Если на официальных переговорах их участники связаны определенным мандатом и правилами дипломатического протокола, то встречи в рамках народной дипломатии проходят в неформальной обстановке и в ходе их могут затрагиваться самые болезненные темы. На практике это может создавать проблемы как для участников, так и для фасилитаторов, но, на наш взгляд, открытость и искренность в конечном итоге принесут больше пользы, чем уход от острых и неприятных тем ради соблюдения показного спокойствия и миролюбия».⁹

По мнению Н. Акаба, среди самых дискуссионных тем – истоки и причины грузино-абхазского конфликта. «Официальные посредники на переговорах, как правило, не считают полезным вновь и вновь возвращаться к истории, а утверждают, что надо устремиться в будущее. Подобная точка зрения противоречит теории трансформации конфликтов, да и просто логике войны и мира. Поскольку в основе

каждого конфликта лежат неравенство и несправедливость, представляется чрезвычайно важным, чтобы каждая из сторон осознала, в чем, по мнению оппонентов, они заключаются. Нейтрализация наиболее болезненных моментов истории грузино-абхазских отношений явилась бы одним из первых шагов к построению долгосрочного мира. И сделать это под силу лидерам среднего уровня в рамках народной дипломатии. На следующем этапе можно было бы приступить к строительству новых мостов доверия между двумя сообществами, причем делать это надо с привлечением лидеров третьего (локального) уровня».¹⁰

Говоря о необходимости объединить усилия профессиональной дипломатии и гражданской инициативы, Н. Акаба отмечает, что народная дипломатия должна рассматриваться не в качестве альтернативы официальному переговорному процессу, а в качестве импульса к расширению мирного процесса, хотя пока можно только мечтать о «дипломатии нескольких уровней», в которую, помимо руководителей высшего уровня – официальных политиков, были бы вовлечены неформальные лидеры, т.н. лидеры среднего и низшего ранга – авторитетные старейшины, активисты НПО, представители академических кругов, религиозные деятели и т.д.¹¹

Б. Кобахия (Центр гуманитарных программ) выделяет «смешанный тип дипломатии» – сочетание официальной дипломатии с народной (неофициальной), когда в переговорном процессе, вместе с представителями различных ведомств и низовых структур власти, принимают участие и неформальные лидеры, пользующиеся влиянием в своем обществе. Такой процесс находится под контролем официальных структур, но результаты его не протоколируются, а использование элементов народной дипломатии придает этим встречам неофициальный характер и способствует быстрому принятию решений. Автор отмечает, что тематика переговоров при этом, как правило, сужена, привязана к локальным проблемам и не преследует долгосрочных интересов. В отличие от договоренностей на официальном уровне, результаты таких переговоров реализуются в ускоренном режиме.¹²

Примерами такой «смешанной» дипломатии *Б. Кобахия* считает переговоры в Латах (Кодорское ущелье) в 1994 г. (благодаря кото-

рым в северо-восточной Абхазии на несколько лет были приостановлены боевые действия), отдельные контакты и соглашения в Гальском районе, а также договор о совместной эксплуатации Ингурской ГЭС.¹³

Соглашение по Ингурской ГЭС относит к сфере народной дипломатии и *Л. Кварчелия* (Добровольцы ООН)¹⁴, однако я в данном вопросе не согласен с этими авторами. Для обеих сторон конфликта ИнгурГЭС является жизненно важным источником энергии, значение которого трудно переоценить. Пользоваться этой гидроэлектростанцией грузины и абхазы могут только сообща – уникальный с архитектурной точки зрения каскад разделен между противостоящими сторонами: плотина и часть деривационного туннеля находятся на грузинской стороне, а часть того же туннеля, подземная электростанция, перепадная ГЭС и еще три электростанции – на абхазской. Вынужденные к сотрудничеству в области энергетики, стороны подписали меморандум, в котором заявляют: что бы ни случилось, они примут все меры, приложат все силы для обеспечения безопасности ИнгурГЭС. Таким образом, соглашение о совместном использовании гидроэлектростанции носит характер *межгосударственной договоренности*. Элементы народной дипломатии, конечно, могут – и будут – иметь место в ходе совместного обслуживания и охраны объектов гидроузла, но их значение в деле спасения и дальнейшей эксплуатации ИнгурГЭС, конечно, далеко уступает значению соглашения, заключенного, фактически, на высоком политическом уровне.

Паата Закареишвили (Кавказский институт мира, демократии и развития) касается в своей статье вопроса об отношении официальных лиц к неформальной дипломатии. Он пишет о наметившейся тенденции властных структур брать под контроль успешно развивающиеся связи между представителями НПО Абхазии и Грузии. Автор подчеркивает, что участники неформального процесса, безусловно, стремятся сотрудничать с заинтересованными правительственными органами, но как равные партнеры, а не как сателлиты. Между тем, единственный интерес, который они чувствуют от правительства – это попытки воспользоваться их неформальными каналами для собственной пропаганды и влияния на позиции оппонентов и международных организаций.¹⁵ Такая заинтересованность со сторо-

ны властей – это уже, фактически, косвенное признание определенных успехов НПО-сектора Грузии в народной дипломатии.

О результативности усилий представителей НПО (в данном случае, уже абхазских) на пути неофициальной дипломатии пишет и *Батал Кобахия*. По многим позициям они опережают шаги, принимаемые на официальном уровне, и к тому же гораздо более последовательны, без резких скачков в стороны.¹⁶

Лиана Кварчелия считает, что грузинские и абхазские неправительственные некоммерческие организации (НКО, или НПО), участвующие в народной дипломатии, работают в разных условиях. Международные организации отмечают гораздо большую готовность грузин к сотрудничеству с абхазской стороной в совместных проектах, чем у абхазов, и многие представители абхазских организаций объясняют это тем, что у грузинских НКО стремление к совместным проектам и тесному взаимодействию совпадает с общим стремлением к объединению на государственном уровне. У абхазских же участников готовность взаимодействовать на уровне народной дипломатии сочетается со стремлением к независимости собственного государства.¹⁷

Кстати говоря, среди абхазских НКО нет однозначного мнения относительно контактов с грузинскими представителями. Некоторые считают, что любые контакты способствуют лишь восстановлению единого пространства с Грузией. По мнению же Л. Кварчелия, поскольку конфликт у Абхазии произошел именно с Грузией, именно с ней в первую очередь и нужно говорить об урегулировании, что вовсе не означает отказа от независимости. Вместе с тем, Л. Кварчелия считает, что народная дипломатия, будучи не в силах решить глобальные проблемы, и не ставит себе таких целей.¹⁸

Незначительной или не очень заметной считает роль народной дипломатии в урегулировании грузино-абхазского конфликта *Манана Гургулия* (Фонд «Гражданская инициатива и человек будущего»). Причины этого она видит в этнической неприязни и недоверии, возникших из-за столкновения национальных интересов, кровопролитной войны и послевоенного прессинга на Абхазию. Тем не менее, она считает, что в трансформации конфликта, т.е. его переводе из насильственной в ненасильственную форму (что является важной

составляющей урегулирования – Г.А.), роль народной дипломатии может оказаться незаменимой.¹⁹

Незначительной, или не очень заметной, считает роль народной дипломатии в урегулировании грузино-абхазского конфликта *Манана Гургулия* (Фонд «Гражданская инициатива и человек будущего»)²⁰ Причины этого она видит в этнической неприязни и недоверии, возникших из-за столкновения национальных интересов, кровопролитной войны и послевоенного прессинга на Абхазию. Тем не менее, она считает, что «если народная дипломатия не играет очень заметную роль собственно в урегулировании конфликта, то в его трансформации, переводе из насильственной в ненасильственную форму, она может оказаться незаменимой» (курсив наш. – Г. А.).²¹ Эта фраза, на первый взгляд, содержит некоторое противоречие. Ведь трансформация конфликта – важная составляющая урегулирования, и, признавая возможности народной дипломатии в этом отношении, нельзя говорить об ее незначительной роли в вопросе урегулирования в целом. Видимо, под урегулированием («собственно урегулированием») М. Гургулия понимает политическое урегулирование конфликта, что действительно не является задачей народной дипломатии – это дело политиков. Но как отмечает сам автор, «переговоры по политическому урегулированию... не всегда встречают поддержки со стороны всего населения. Радикально настроенная часть общества, а она есть и в Грузии и в Абхазии, опасается переговоров, возможных компромиссов».²² Поэтому трудно добиться политического решения конфликта, если общество не будет к нему готово, не преодолет этническую неприязнь и недоверие, «образ врага», сформированный в условиях конфликта. Вот в деле решения этих задач народная дипломатия может сыграть очень важную роль, считает М. Гургулия. Преодоление поствоенного синдрома, в том числе «образа врага», необходимо не только для того, чтобы приблизить момент политического решения проблемы, но и для внутреннего оздоровления общества, травмированного конфликтом. Трудно не согласиться со словами М. Гургулия: «Образ врага опасен еще и тем, что при исчезновении внешнего врага начинаются поиски внутреннего, а тут недалеко и до «охоты на ведьм»».²³

Некоторые грузинские участники конференции изучали вопрос о роли народной дипломатии в глазах определенных социальных

групп населения Грузии. В частности, *Марина Элбакидзе* (Кавказский институт мира, демократии и развития) провела социологическое исследование в пяти фокус-группах: 1) студенты; 2) интеллигенция; 3) журналисты и представители НПО; 4) безработные; 5) смешанная группа работающих разных категорий.

По наблюдениям Марины Элбакидзе, грузинские граждане воспринимают народную дипломатию неоднозначно. Эффективность ее тоже оценивается по-разному: кто-то считает ее единственным возможным механизмом урегулирования конфликта, а кое-кто скептически относится к этим «неофициальным играм».

Тем не менее, на основании данных общей выборки М. Элбакидзе приходит к выводу, что хотя население Грузии «занимает пассивную гражданскую позицию, но чувствуется, что большинство готово в определенной ситуации – при наличии внешнего толчка – включиться в процесс народной дипломатии». Особенно высокую готовность проявили студенты, а также те, кто уже участвовал в народной дипломатии, имеет родственников-абхазов или когда-то жил в Абхазии (беженцев в фокус-группах не было).

Автор считает нужным активизировать этот положительный потенциал, привлекая таких граждан к сотрудничеству с организованными группами народной дипломатии.²⁴

Вторая статья М. Элбакидзе посвящена исследованию мнения грузинских военных о роли народной дипломатии в грузино-абхазском конфликте. Дискуссия проводилась в двух фокус-группах: 1) офицеров действительной службы, принимавших участие в войне 1992-93 гг., и 2) невоевавших солдат срочной службы. Мнение офицерской группы: народная дипломатия, в случае поддержки со стороны правительства, может создать определенный благоприятный фон для разрешения конфликта, но главные факторы, от которых зависит его разрешение – это правительственная политика и сила. Солдаты же, как выяснилось, были мало информированы о сути народной дипломатии и почти ничего не знали о деятельности НПО.

По заключению М. Элбакидзе, сравнительно низкая оценка эффективности народной дипломатии в военных фокус-группах вызвана, в основном, дефицитом информации. Автор считает необходимым изучать уровень информированности, эмоциональный настрой

и потенциальную активность социальных групп, составляющих субъекты конфликта, и соответственно направлять усилия народной дипломатии.²⁵

Нодар Сарджвеладзе (Фонд развития человеческих ресурсов) исследовал видение роли народной дипломатии грузинскими беженцами из Абхазии. (Исследование проводилось в Тбилиси и Зугдиди, в центрах компактного проживания вынужденно перемещенных лиц, методом дискуссии в фокус-группах.) Как оказалось, многие беженцы просто не понимают, что такое народная дипломатия, другие же считают, что польза от нее – очень большая. По заявлению мужчины-педагога из Гальского района, «народная дипломатия может принести больше пользы, чем Афинская встреча политиков». Мужчина средних лет изрек простую истину, нередко игнорируемую политиками: «Нельзя сегодня называть их сепаратистами, а завтра садиться за столом переговоров». Беженцы часто отмечали, что охотно включились бы и сами в процесс народной дипломатии, рассказывали, что некоторые из них вступали в переговоры с главой абхазской администрации Гальского района, но подвергались за это критике и даже угрозам – их объявили предателями; к тому же абхазская сторона далеко не всегда реагировала на их самостоятельные попытки установить контакт.

В плане перспективных шагов народной дипломатии, предложения беженцев оказались довольно скудны, однако ими были предложены такие мероприятия, как встречи стариков и старейшин, молодежные встречи, пасхальные встречи абхазов и грузин, поездки на кладбища и др.²⁶

Вопрос о народной дипломатии глазами беженцев затронут и в другой статье Н. Сарджвеладзе, написанной в соавторстве с *Дареджан Джавахишвили* и *Теймуразом Сихарулидзе* (все из Фонда развития человеческих ресурсов).²⁷

Марина Никурадзе (Центр кросскультурных и социологических исследований) изучала личный опыт группы грузинских участников процесса народной дипломатии методом углубленного интервьюирования. Из десяти респондентов двое были перемещенными лицами из Абхазии, остальные – жителями Тбилиси. Некоторые из них до того, как ввязаться в этот процесс, практически ничего не знали

об абхазах. В целом, у большинства респондентов отношение к абхазам изменилось к лучшему, и только у двоих – к худшему («Слишком уж они агрессивные!»). Как заявил один из респондентов: «До этого они (абхазы – Г.А.) были врагами, а сейчас стали обыкновенными, нормальными людьми». Отношение к народной дипломатии изменилось к лучшему у всех. Как и следовало ожидать, наиболее активно продолжают свою деятельность в этой сфере в промежутках между встречами респонденты, являющиеся членами НПО, занимающихся народной дипломатией в рамках конкретных программ.

Почти все респонденты были единодушны в том, что переговоры, организованные третьей, нейтральной стороной, более эффективны. Предпочтение отдавалось структурированным встречам по заранее определенному плану, и только один респондент ответил, что предпочитает неструктурированные встречи без медиаторов. Большинство опрошенных при этом считает, что рамки переговоров не должны быть очень жесткими, это мешает сближению. Большое значение придавалось искусству фасилитатора.

Результаты исследования выявили некоторые аспекты народной дипломатии, в направлении которых грузинской стороне следует направить свои усилия. Самыми важными из них являются: координация процесса, выработка стратегии и тактики, налаживание сотрудничества с представителями официальной дипломатии и журналистами, создание общественного мнения, благоприятствующего справедливому разрешению конфликта, и информирование общественности о своей деятельности.²⁸

Во втором сборнике М. Никурадзе продолжает интервьюирование грузинских участников встреч (опрошено 10 человек, все они встречались с абхазами более одного раза). Цель исследования – выяснить, в чем представители Грузии видят причины грузино-абхазского конфликта и насколько повлияли на их мнение встречи с абхазами. Ответы на первый вопрос, по большому счету, не отличаются от тех, какие могли бы дать большинство граждан Грузии, не принимавших участия в таких встречах – причинами конфликта тут называются: разная историческая память абхазов и грузин; радикальность национальных движений грузин и абхазов; российский фактор; непримиримость политических элит; ввод грузинских войск в Абха-

зию; политика правительства Ардзинбы и др. Разница только в том, что респонденты придают им разное значение в зарождении и развитии конфликта. Всё же, однако, в ответах чувствуется, что беседы с абхазами повышают у грузин знание некоторых моментов истории Абхазии (кроме одного респондента, представления которого о конфликте, как пишет автор статьи, были «весьма поверхностными»).²⁹

В статье *Арды Инал-Ипа* (Центр гуманитарных программ) приводятся результаты социологического опроса 104-х граждан Абхазии (в основном, жителей Сухуми) по вопросу об отношении абхазского общества к народной дипломатии и о степени его информированности о ходе абхазо-грузинских встреч.

Данные опроса отразили низкую осведомленность населения Абхазии о текущем процессе неофициальной дипломатии. Из числа респондентов, знавших о существовании контактов с представителями грузинской стороны (24%), более половины имели в виду лишь афинскую встречу, проведенную по инициативе миссии ООН осенью 1998 г. и имеющую весьма отдаленное отношение к взаимодействию сторон на неправительственном уровне. Далее, исследование показало, что опрошенные мало верят в возможности урегулирования конфликта средствами народной дипломатии (48%), но большинство все же считает ее полезной для Абхазии (76%).

Вторая часть этого социологического исследования проводилась среди 9 участников двусторонних народно-дипломатических контактов. Практически все опрошенные заявили, что верят в народную дипломатию, но на второй вопрос – привносит ли она ощутимый вклад в разрешение конфликта – ответы чаще всего звучали так: «В какой-то мере».

Третья, заключительная часть опроса была ориентирована на сотрудников различных НПО Абхазии. Каждого из 24-х респондентов просили выделить в порядке предпочтения приоритетные сферы деятельности (наука, образование, культура, малый бизнес, медицина, права человека, народная дипломатия и др.) для вложения средств, полученных от гипотетического фонда. Результаты опроса оценивались в баллах. И оказалось, что самой неактуальной сотрудники абхазских НПО считают работу в области неофициальной дипломатии, получившей наименьшее количество баллов.³⁰

В целом, исследование А. Инал-Ипа показывает, что общество недостаточно готово к миротворческой деятельности. По мнению автора, эта неготовность обусловлена рядом причин, главные из которых следующие.

1. Исторические или идеологические причины, обусловленные влиянием особенностей преподавания истории в СССР, для которого было характерным затушевывание этнополитических аспектов межнациональных отношений и перенесение акцента на социальные конфликты. Соответственно, среди широких кругов населения не было информации не только об этнополитических конфликтах, но и о возможности их преодоления. Поэтому противостояние с Грузией очень многими в Абхазии воспринимается как необратимая катастрофа.
2. Психологические причины, вызванные инерцией военного мышления. В народе трудно происходит трансформация мотивации от «нам нужна только победа» до «мир – самая большая ценность, которую мы должны делить со вчерашним врагом». Для рядового человека может быть привлекательным официально одобряемое проявление агрессивных инстинктов.
3. Стереотипы народных дипломатов (может быть, вернее было бы сказать: «различных миротворцев». – Г.А.), полагающих, что решение проблемы – в механическом восстановлении довоенной обстановки.
4. Степень заинтересованность властей в процессе примирения. Трудно не согласиться с мнением автора, что «только тогда когда по политическим причинам примирение становится желательным, у народной дипломатии появляется шанс на успех. Все встречи, организованные до этого момента, несомненно, имеют смысл, но с точки зрения возможных политических последствий и влияния на общество преждевременны».³¹

По мнению *Георгия Анчабадзе* (Институт истории и этнологии АН Грузии), к настоящему времени в гражданском миротворческом процессе приняло участие максимум двести-триста человек – в основном, представителей НПО. Чтобы эти встречи приняли более

массовый характер, необходимо найти способ, чтобы люди встречались как-то и сами, без помощи посредников. Такую возможность он видит в «открытии» Абхазии (так он называет снятие экономических санкций и возобновление сквозного движения транспорта и грузов через территорию республики). Превращение Абхазии в евразийский транспортный «коридор» в немалой степени поможет восстановлению ее разрушенной экономики. В контексте «открытия» страны Г. Анчабадзе рассматривает и возможность смягчения пограничного режима на р. Ингури, что облегчило бы общение между людьми, готовыми к диалогу и взаимным уступкам, и, по мнению автора, способствовало бы мирному урегулированию.³²

Некоторые работы в сборниках посвящаются экологической теме в рамках народной дипломатии. На важном значении экологических проблем в современном мире заостряет внимание *Роман Дбар* (Экологическое общество «Апсабара»). Его статья – это попытка ответить на вопрос, какое место может занимать экологическая тема в постконфликтном урегулировании для сближения позиций сторон и выработки мер доверия в фокусе неформальной дипломатии.³³

Вторая статья *Р. Дбара* посвящена проблемам расширения ресурсной базы переговорного процесса, трудностям процесса поиска взаимопонимания, а также необходимости сближения позиций сторон для совместного решения экологических проблем, представляющих взаимный интерес. По словам автора, к вопросам, требующим первоочередного совместного решения, относится подготовка соглашения по охране редких и исчезающих видов мигрирующих животных — опыт послевоенных абхазо-грузинских отношений показывает, что в настоящее время это возможно только в рамках гражданской дипломатии.³⁴

Экологическую тему в народной дипломатии продолжает *Шалва Джаошвили* (Институт динамики берегов). Приоритетной целью совместных экологических исследований он называет спасение Черного моря и полноценный мониторинг его восточного побережья. В дальнейшем необходимо увеличить ареал и объем работ и с улучшением общей ситуации проводить совместные экспедиции и тренинги.³⁵

Ряд статей, написанных абхазскими учеными, вводит читателя в необыкновенный мир абхазо-адыгских адатов и исторических пре-

даний. История народной дипломатии и ораторства, традиционное правосознание, культура мира в абхазской традиции, традиционные формы примирения, обычное право как источник народной дипломатии – вот основные темы, которые освещают в своих статьях *Марина Барцыц* (Абхазский институт гуманитарных исследований)³⁶, *Аслан Гуажба* (Абхазский государственный музей)³⁷ и *Зураб Джануа* (Абхазский институт гуманитарных исследований)³⁸. Эти работы содержат ценные материалы, раскрывающие особенности национального характера и нормативной культуры абхазского, а также близкородственных ему адыгского и убыхского народов.

При обсуждении этих докладов Б. Кобахия отметил одну закономерность: абхазы на встречах часто обращаются к историческому прошлому, фольклору, этнографическим материалам, а грузины в своих выступлениях всегда ориентируются на современную ситуацию.³⁹

По мнению *Гоги Гвахария*, в этих статьях – ностальгия по прошлому и традициям, и они напоминают ему статьи грузинских националистов, которые пишут об особой ментальности Грузии.⁴⁰ Его поддержал *Лаиша Бакрадзе*, отметивший, что исторические традиции нам часто видятся слишком радужными. По словам Л. Бакрадзе, «...с обеих сторон в этой (грузино-абхазской – Г.А.) войне было очень много вероломства. И для меня более интересно, почему происходило такое вероломство, чем как было бы хорошо, если бы все шло по традиции, и как бы мы тогда могли бы лучше друг с другом говорить. Если мы будем говорить о вероломстве грузин и абхазов, то, по-моему, больше будем знать друг о друге...».⁴¹

На мой взгляд, представление абхазскими учеными фольклорных материалов не заслуживает такого гиперкритического отношения, хотя бы потому, что большинство грузинских участников конференции, пожалуй, впервые получили возможность ознакомиться с историческими преданиями, раскрывающими духовную жизнь абхазо-адыгских народов. *Далила Пилия*, отвечая на позицию Г. Гвахария и Л. Бакрадзе, заметила: «...без учета национальной психологии и национального характера народная дипломатия, наверно, будет страдать, поскольку надо знать оппонента: каков его менталитет, какие у него устоявшиеся традиции».⁴²

Впрочем, против соблазна примитивно копировать приемы народной дипломатии, засвидетельствованные в фольклорных произведениях, предостерегают и некоторые абхазские авторы. Многовековой опыт народных традиций частично может быть использован в процессе миростроительства и сегодня, однако при этом следует остерегаться упрощенческого подхода, справедливо замечает в своей статье О. Дамения: «В первоизданном виде, в каком такой опыт исторически сложился и служил своему обществу, в наши дни он использован быть не может: уж слишком большая разница во времени. Он должен быть специально изучен и критически переосмыслен с точки зрения современных реалий».⁴³

В том же ключе рассматривает устные предания о народных миротворцах и А. Инал-Ипа. По ее мнению, «при знакомстве с историческими свидетельствами об успешных примерах действия народной дипломатии в прошлом, возникает соблазн перенести в современность традиционные способы восстановления мирных взаимоотношений. Но мнение о том, что простое повторение традиционных приемов приведет к успеху, нам представляется ошибочным. Под использованием ценного опыта из прошлого часто понимают копирование внешней формы, которая в наше время может выглядеть только архаичной. Мы часто забываем о том, что участники исторических событий были очень современны для своего времени. И для того, чтобы быть похожими на своих предков в их лучшие моменты, мы тоже должны быть очень современны. Поэтому, изучая продуктивный опыт прошлого, очень важно выделить именно существенные, внутренние признаки успешной традиционной народной дипломатии, знание которых может быть полезно для современного народно-дипломатического процесса».⁴⁴

Некоторые авторы касаются в своих статьях тех или иных конкретных примеров абхазо-грузинских встреч и переговоров на общественном уровне – с 80-х гг. XX в. до наших дней; некоторые из них делятся при этом своим собственным миротворческим опытом.

До того, как грузино-абхазский конфликт перерос в военную фазу, попытки его нейтрализации методами народной дипломатии предпринимались, в основном, отдельными представителями обеих сторон, выступавшими обычно от имени появившихся в конце 80-х гг.

общественно-политических движений. Однако, к сожалению, очень мало тогда оказалось людей, готовых с полной отдачей заняться делом сохранения мира, не имевшим еще международной поддержки, а общество меньше, чем сейчас, понимало его значение. Недаром отмечает *Ираклий Сургуладзе* (Институт истории и этнографии АН Грузии) – подразумевая, вероятно, определенные круги – что до кровопролития заинтересованность в войне, видимо, была сильнее, чем желание найти оптимальный выход, удовлетворяющий всем интересам обеих сторон.⁴⁵

Коротко о довоенном этапе грузино-абхазской неформальной дипломатии пишут *Н. Акаба*⁴⁶, *М. Гургулия*⁴⁷, *Л. Кварчелия*⁴⁸. Н. Акаба, в частности, отмечает, что в период правления в Грузии З. Гамсахурдиа (1990-91 гг.) грузинские и абхазские «неформалы», представляющие широко развернувшиеся в то время народные движения, встречались по собственной инициативе и пытались наладить конструктивный диалог. Войны, как известно, избежать не удалось, и с началом боевых действий в 1992 г., пишет она, народная дипломатия практически сошла на нет.⁴⁹ Л. Кварчелия, напротив, считает, что неформальные контакты не прекращались и после начала войны, имея в виду отдельные соглашения гуманитарного характера (обмен заложниками, выдача трупов и т.д.).⁵⁰ М. Гургулия вспоминает некоторые подробности из бурного периода конца 80-х годов, в частности, раскол Абхазского университета по национальному признаку (отделение грузинского сектора), приведший к первому вооруженному столкновению между абхазами и грузинами (15-16 июля 1989 г.), и безуспешные попытки части сотрудников университета, в том числе и самой М. Гургулия, содействовать началу конструктивного диалога.⁵¹

Более подробно о довоенном этапе народной дипломатии пишет в специальной статье автор этих строк, рассказавший о своем 15-летнем опыте гражданских миротворческих инициатив (с 1984 по 1999 гг.). Г. Анчабадзе вспоминает, как в период, предшествовавший грузино-абхазской войне, он самостоятельно или совместно с некоторыми другими лицами старался предотвратить надвигающееся столкновение. Тесно связанный с обеими сторонами конфликта, Г. Анчабадзе был в 1989-92 гг. связующим звеном между грузинскими и абхазскими политобъединениями. Он был единственным предста-

водителем грузинских политических организаций, кто был вхож в штабквартиру абхазского народного движения. В 1992 г. в знак протеста против ввода грузинских войск в Абхазию и начала боевых действий Г.Анчабадзе ушел из политики, но продолжает участвовать в процессе гражданского миротворчества. Среди рассматриваемых в статье эпизодов можно отметить: борьбу автора (историка по профессии) за объективное изложение истории – одной из самых «взрывчатых» проблем грузино-абхазских взаимоотношений в середине 80-х гг.; публичные выступления в Тбилиси и Сухуми с целью воспрепятствовать разрастанию конфликта; организацию встреч между грузинскими и абхазскими политиками и «неформалами»; историю создания абхазского землячества в Тбилиси накануне грузино-абхазской войны и др. В статье приведены некоторые малоизвестные факты, предшествующие войне 1992-1993 гг.⁵²

Хотелось бы подробнее остановиться на двух статьях о недавней встрече абхазских и грузинских старейшин. Как известно, до недавнего времени разрешение конфликтных ситуаций в горах Кавказа было делом старейшин. В этом плане здесь был накоплен позитивный опыт и существовала древняя традиция (см. в материалах грузино-абхазской конференции указанные работы М. Барцыц, А. Гуажба, О. Дамения, З. Джапуа). Можно, конечно, спорить, каков будет эффект от использования этого опыта в современных условиях, но совершенно сбросить его со счетов – неправильно.

Чтобы задействовать этот ресурс построения мира, проф. Н. Сарджвеладзе с помощью международной организации “Help Age International” реализовал проект «Старейшины за построение мира в Грузии и Абхазии». В своей статье, посвященной опыту фасилитации первой встречи старейшин, *Н. Сарджвеладзе* называет два источника идеи этого проекта: 1) многочисленные беседы сотрудников возглавляемой им НПО «Фонд развития человеческих ресурсов» с вынужденно перемещенными лицами из Абхазии в ходе осуществления долгосрочных программ по психосоциальной реабилитации и 2) грузино-абхазские встречи в рамках народной дипломатии, организованные Полой Гарб, т.е. наша постоянно действующая конференция.⁵³

Описанная в статье встреча старейшин (14 мужчин с обеих сторон в возрасте от 61-82 лет, причем абхазы представляли Совет ста-

рейшин Абхазии, а грузины – инициативную группу «Движение примирения») состоялась в г. Сочи в августе 1999 г. Фасилитировали ее Н. Сарджвеладзе и представитель «Центра гуманитарных программ» М. Гумба из Абхазии.

В первый рабочий день фасилитаторы предложили участникам встречи вести диалог по определенной схеме, согласно которой сначала каждый из них должен был представиться и вкратце обрисовать пройденный жизненный путь. Далее надо было обсудить мотивацию вовлеченности в движение за примирение, наметить долгосрочные и краткосрочные планы этого движения, представить свои предложения.

Каждый из старейшин подробно рассказал о своих горестях и надеждах, о личных усилиях по предотвращению грузино-абхазской войны, о своих опасениях и претензиях к противоположной стороне. Такая открытость и искренность в первый же день способствовали началу доверительного общения, тем более что многие из делегатов были знакомы друг с другом еще с довоенных времен. Однако необходимо учитывать и то, что война и ее последствия не обошли стороной практически ни одного из участников встречи (трое из них потеряли во время войны своих сыновей).

На следующий день фасилитаторы предложили старейшинам обсудить краткосрочные и долгосрочные цели движения за примирение. Грузинская сторона была настроена завершить встречу подписанием совместной декларации, абхазы же воздерживались, предлагая неторопливое установление доверительных отношений без принятия какого-либо документа на первой встрече. Высказывались опасения, что если текст документа по каким-либо признакам не понравится общественности на той или другой стороне, то «подписанты» могут оказаться в трудном положении. Тогда фасилитаторы предложили старейшинам подумать над текстом, исходя из следующего принципа: «Пусть во время работы над общим документом грузины особенно заботятся о безопасности абхазских участников диалога, а абхазы, со своей стороны, о безопасности грузинских коллег». Это сработало, и в течение последующих полутора дней было составлено заявление, под которым поставили свои подписи все участники встречи.

Основные положения этого заявления состоят в следующем:

- 1) продолжить начатый диалог и встречи, придав им регулярный характер;
- 2) разработать программу «От конфронтации – к миру и согласию». Главной целью Программы должна стать разработка рекомендаций по снятию напряженности отношений между народами Грузии и Абхазии;
- 3) признать первоочередной задачей деятельности участников на ближайший период, до завершения разработки Программы, принятие необходимых мер по недопущению разжигания межнациональной розни: унижения национального достоинства – особенно фальсификации фактов истории и жизни абхазского и грузинского народов – и других враждебных действий.

Оценивая результаты этой встречи, Н. Сарджвеладзе пишет, что она достигла своей цели и «подтвердила тот факт, что старость – символ глубокого опыта и мудрости, а не болезни и беспомощности».⁵⁴

Эту встречу описывает в своей статье и один из активных ее участников, *Давид Силагадзе* (Неправительственное общественное движение «Примирение», зарегистрировавшееся как самостоятельный союз после сочинской встречи»). По его сообщению, несмотря на то, что почти все участники диалога были хорошо знакомы друг с другом, для адаптации и взаимного привыкания им понадобилось почти два дня. Но, в целом, и Д. Силагадзе считает, что встреча принесла положительные результаты, несмотря на то, что многие вопросы остались открытыми.

В соответствии с предложением сочинского заявления, возглавляемое Д. Силагадзе НПО «Примирение» разработало проект программы «От конфронтации к миру и согласию». Этот проект содержит такие предложения, как объявить грузино-абхазскую конфронтацию тягчайшим преступлением перед грузинским и абхазским народами и призвать виновных к ответу; в рамках народной дипломатии начать диалог о государственном устройстве и определении политического статуса Абхазии; подготовить общественное мнение к мысли, что все перемещенные лица должны достойно вернуться в свои дома и др.

Программа уделяет большое внимание развитию процесса неформальной дипломатии и вовлечению в него новых групп населения.⁵⁵

Таким образом, в материалах постоянно действующей грузино-абхазской конференции, проводимой Калифорнийским университетом (г. Ирвайн) с 1998 г., вопросы неформального миротворчества занимают важное место. Темы народной дипломатии в той или иной степени коснулось большинство участников конференции, а многие авторы посвятили специальные статьи самым разным аспектам неофициального гражданского миротворчества – от его роли в разрешении конфликта до возможности использования народных традиций и возможностей сотрудничества в области экологии. Много внимания уделяется изучению отношения к народной дипломатии различных социальных групп (беженцы, военные, студенты, журналисты, активисты НПО и т.д.), а также обобщению результатов пройденного пути в гражданском миротворчестве.

Практически все участники конференции считают народную дипломатию важным инструментом урегулирования конфликта и отмечают, что она в состоянии воздействовать на общественные настроения в сторону разрядки напряженности и разрушения «образа врага», без чего политическим соглашениям, даже достигнутым на высшем уровне, не суждено будет реализоваться.

¹ П. Гарб. Предисловие. // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. Материалы грузино-абхазской конференции. Март 1999 г., Сочи. UCI, Ирвайн, 1999, с. 5.

² По моему мнению, вопрос, можно ли называть словом «дипломатия» частные миротворческие инициативы, осуществляемые нетрадиционными методами, не стоит того, чтобы ради него ломать копыя. Ведь ясно, что этот процесс никогда не заменит дипломатию в прямом значении этого слова и не будет на это претендовать. Но ввиду того, что неформальное миротворчество, являясь вспомогательным средством миротворческого процесса, имеет, как правило, те же конечные цели, что и официальная дипломатия (т.е. урегулирование конфликтов мирным путем), я считаю, что для ее обозначения вполне допустимо применение термина «дипломатия» (разумеется, в сочетании со словами «народная», «гражданская», «неформальная» или «нетрадиционная»).

³ Г. Анчабадзе. Попытки нейтрализации грузино-абхазского конфликта методами народной дипломатии. // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе, с. 17.

⁴ А.Инал-Ипа. О причинах малой эффективности народно-дипломатического процесса в грузино-абхазском конфликте. // Там же, с. 168.

⁵ О. Дамения. Народная дипломатия как феномен кавказской культуры: истоки и смысл. // Там же, с. 132.

⁶ А. Лепсая. Грузино-абхазский конфликт и деятельность неправительственных организаций: изучение накопленного опыта и возможные перспективы. // Там же, с. 201.

⁷ Н. Акаба. Конфликты нового времени. // Там же, сс. 8-9.

⁸ А. Лепсая. Ситуация в Абхазии как модель замкнутого общества при наличии внешнего конфликта. Факторы, влияющие на урегулирование. // Аспекты грузино-абхазского конфликта, 4. Ирвайн, 2000, с. 62.

⁹ Н. Акаба. Указ. соч., с. 15.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 14.

¹² Б. Кобахия. Различные уровни дипломатии (официальной и неофициальной) по преодолению абхазо-грузинского конфликта. // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе, с. 189.

¹³ Там же, сс. 189-190.

¹⁴ Л. Кварчелия. Неправительственные организации и народная дипломатия (на примере абхазо-грузинских взаимоотношений). // Там же, с. 178.

¹⁵ П. Закарешивили. Успехи и проблемы неформальной дипломатии в общем процессе разрешения грузино-абхазского конфликта. // Аспекты грузино-абхазского конфликта, 2. Ирвайн, 2000, с. 115.

¹⁶ Б. Кобахия. Указ.соч., с. 192.

¹⁷ Л. Кварчелия. Указ. соч., с. 182.

¹⁸ Там же.

¹⁹ М. Гургулия. Народная дипломатия: реальность и иллюзии. // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе, сс. 126-128.

²⁰ М.Гургулия. Там же, с. 126.

²¹ Там же, с. 128.

²² Там же.

²³ Там же, с. 127.

²⁴ М. Элбакидзе. Отношение к народной дипломатии (результаты социологического исследования). // Там же, сс. 247-264.

²⁵ М. Элбакидзе. Военные о роли народной дипломатии в трансформации абхазского конфликта (результаты социологического исследования). // Аспекты грузино-абхазского конфликта, 2, сс. 143-152.

²⁶ Н. Сарджвеладзе. Народная дипломатия глазами грузинского беженца из Абхазии. // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе, сс. 232-246.

²⁷ Н. Сарджвеладзе, Д. Джавахишвили, Т. Сихарулидзе. Беженцы о примирении, безопасности и возвращении в Абхазию. // Аспекты грузино-абхазского конфликта, 4, сс. 232 ff.

²⁸ М. Никурадзе. Народная дипломатия в грузино-абхазском конфликте: пути развития глазами участников. // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе, сс. 220-231.

²⁹ М. Никурдзе. В чем видит грузинская народная дипломатия причины грузино-абхазского конфликта. // *Аспекты грузино-абхазского конфликта*, 2, сс. 126-134.

³⁰ А. Инал-Ипа. О причинах малой эффективности народно-дипломатического процесса в грузино-абхазском конфликте. // *Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе*, сс. 168-176.

³¹ Там же, сс. 174-175.

³² Г. Анчабадзе. Базовые интересы Абхазии и Грузии: шаги к укреплению доверия. // *Аспекты грузино-абхазского конфликта*, 8. Ирвайн, 2002, сс. 138-143, 171-172.

³³ Р. Дбар. Тема экологии в гражданской дипломатии на примере абхазо-грузинских поствоенных отношений. // *Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе*, сс. 143-152.

³⁴ Р. Дбар. Ресурсы и трудности экологической темы в гражданской дипломатии (на примере абхазо-грузинских поствоенных отношений). *Аспекты грузино-абхазского конфликта*, 2, сс. 100-109.

³⁵ Ш. Джаошвили. Экологические проблемы восточной части Черного моря и их роль в народной дипломатии. // *Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе*, сс. 153-167.

³⁶ М. Барцыц. Выход из конфликта в традиционном правосознании абхазов. // Там же, сс. 38-54. Она же. Культурно-психологические традиции абхазов и конфликт. // *Аспекты грузино-абхазского конфликта*, 2, сс. 41-50. Она же. Из культуры мира в абхазской традиции. // Там же, 5. Ирвайн, 2001, сс. 58-69.

³⁷ А. Гуажба. Обычное право абхазов как возможный источник методов народной дипломатии. // *Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе*, сс. 59-109. Она же. Народная дипломатия и ораторство на Кавказе (статья I). // *Аспекты грузино-абхазского конфликта*, 2, сс. 66-82. Она же. Народная дипломатия и ораторство на Кавказе (статья II). // Там же, 5, сс. 82-85, 279-296.

³⁸ З. Джанауа. Традиционные формы примирения в повествовательном фольклоре абхазов. // Там же, 5, сс. 51-58, 243-266.

³⁹ Дискуссия. // Там же, с. 72.

⁴⁰ Там же, с. 75.

⁴¹ Там же, сс. 75-76. Под «вероломством» в данном случае, вероятно, подразумеваются преступления против человечности, нарушения законов и обычаев войны.

⁴² Там же, сс. 76.

⁴³ О. Дамениа. Указ. соч., сс. 135.

⁴⁴ А. Инал-Ипа. Указ. соч., сс. 172-173.

⁴⁵ И. Сургуладзе. Возможная роль традиции в урегулировании грузино-абхазского конфликта. // *Аспекты грузино-абхазского конфликта*, 5, с. 266.

⁴⁶ Н. Акаба. Указ. соч., сс. 14.

⁴⁷ М. Гургулия. Указ. соч., сс. 115-116.

⁴⁸ Л. Кварчелия. Указ. соч., сс. 177.

⁴⁹ Н. Акаба. Указ. соч., с. 14.

⁵⁰ Л. Кварчелия. Указ. соч., с. 177.

⁵¹ М. Гургулия. Указ.соч., с. 115-116.

⁵² Г. Анчабадзе. Попытки нейтрализации грузино-абхазского конфликта методами народной дипломатии. // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе, сс. 17-37.

⁵³ Н. Сарджвеладзе. Опыт фасилитации диалога старейшин Грузии и Абхазии. / Аспекты грузино-абхазского конфликта, 2, сс. 135.

⁵⁴ Там же, сс. 137-142.

⁵⁵ Д. Силагадзе. Народная дипломатия в абхазском конфликте (из опыта неправительственного общественного движения «Примирение»). // Аспекты грузино-абхазского конфликта, 4, сс. 33-59.

ДИСКУССИЯ

Арда Инал-Ипа – Я помню, что мы начали с того, что поставили вопрос – оценить роль гражданской дипломатии. Это для нас был вопрос. Может быть, для кого-то и не был, но для многих был вопрос – помогает или не помогает урегулированию неофициальная дипломатия. Но со временем мы все-таки поверили в полезность этого процесса. Я помню это, потому что занималась расшифровкой стенограмм и помню, когда мы начинали встречи с ответа на вопрос о том, почему каждый из нас находится на этой встрече, какие у нас цели. Из этих слов было ясно, что участники встреч все более и более четко начинают понимать, что это полезное занятие. Мне кажется, что какая-то динамика была. Она, может быть, не так проявилась в этих статьях и, может быть, она больше осталась в том, что не входит в сборники, потому что мы не публиковали наши мотивы, которые мы проговаривали в начале. Но, может быть, ваше собственное представление можно было бы отразить. С тем же вопросом мы остаемся после этих нескольких лет, или мы как-то на него уже ответили?

Георгий Анчабадзе – Я думаю, что раз мы продолжаем эту деятельность, то мы считаем, что она полезная, это как раз-таки ответ на вопрос. Разумеется, народная дипломатия одна не может какие-то кардинальные вопросы решать, но она призвана как-то воздействовать на сообщество, она способствует толерантности, помогает видеть проблему глазами противостоящей стороны. Я думаю, что ос-

новая задача «народных дипломатов» именно в этом и заключается. Часто от противников, людей, которые большей частью далеки от этого дела, можно слышать, что эта народная дипломатия ничего не принесет. Хотя есть и совершенно противоположные мнения тоже. Но они обычно говорят – что изменилось? Ничего не изменилось, вот вы ездите, встречаетесь. Но в таком случае, политики тоже встречаются. Они даже более регулярно встречаются. У них более интенсивные попытки. Они ведь тоже ничего не достигли. Поэтому делать заключение о возможностях народной дипломатии, основываясь на том, что нет движения вперед, к урегулированию – неправильно. На этом основании можно было бы говорить как раз о крахе официальной дипломатии, как я полагаю. Я считал и считаю, и говорю это всегда, что наилучшие результаты будут достигнуты в том случае, если усилия официальных дипломатов и народных представителей будут направлены в одну сторону. Сегодня этого нет. Мне кажется, что на уровне народной дипломатии процесс развивается более правильно, как он и должен развиваться. А вот по поводу официальной дипломатии я думаю, что они не совсем правильно действуют. И это и есть главная причина того, что в тупике находится переговорный процесс.

Пола Гарб – А в чем собственно эта разница? В чем неправильность официальной политики и правильность неофициальной политики?

Георгий Анчабадзе – Мне кажется, что если будут официальные стороны искать более реальные взаимоприемлемые компромиссы, то в этом существенно им сможет помочь неофициальная дипломатия своими возможностями как-то влиять на общественное настроение, потому что политикам необходим соответствующий фон для принятия иногда радикальных решений.

Лиана Кварчелия – Мне кажется, что когда мы говорим о том, какие результаты дала народная дипломатия, то это нас, в общем-то, возвращает к вопросу, который задал Эмзар. Это по поводу дефиниций, то есть, что такое народная дипломатия, и как она определяется с точки зрения ее функций, задач, участников и т.д. Потому что, действительно, у народной дипломатии есть какие-то свои краткосрочные и долгосрочные задачи.

Мне кажется, что даже в большей степени она ориентирована на долгосрочные задачи. Если, допустим, в Гальском районе возникла какая-то чрезвычайная ситуация, то краткосрочная задача состоит в том, чтобы решить конкретную проблему. А тот уровень, на котором работаем мы, имеет более долгосрочную перспективу. И важно, конечно, нам самим четко представлять, какие мы ставим перед собой задачи. Я не помню, были ли даны достаточно широкие дефиниции народной дипломатии, когда мы только начинали разговор о роли народной дипломатии. Я в своей первой статье немного писала о задачах и не столько говорила о функциях, сколько об участниках, чтобы как-то отделить разные уровни. Сейчас хочу сказать о другом. Почему важно все-таки быть осторожными с терминами? Вот недавно я, Манана и Рома участвовали в круглом столе, организованном газетой «Эхо Абхазии» (редактор – Виталий Шария). И вот там возникла проблема, потому что в Абхазии есть люди, которые воспринимают этот термин «народная дипломатия» в смысле – дипломатия от имени народа. И, в общем-то нас там стыдили, как можно на себя брать такую функцию и пытаться говорить от имени народа. И нам пришлось вносить терминологическую ясность и объяснять, что это не дипломатия от имени народа, а дипломатия неофициальная. Потому она так и называется, в отличие от официальной. Но я думаю, что когда мы начинали, мы, может быть, более романтично относились к тому, что в наших возможностях и несколько идеализировали ситуацию. А сейчас, может быть, нам стоит попытаться сформулировать это понятие. Мы сможем дать более четкую и ясную дефиницию, исходя из своего собственного опыта, потому что кто может претендовать на то, что он дает исчерпывающую дефиницию? Мне кажется, что это было бы интересно. Есть ли у нас общее понимание народной дипломатии? Это тоже интересно.

Гурам Одишария – Гия, мне интересно твое мнение. Ты прочитал те статьи, которые мы читали в течение нескольких лет. И эти мнения как бы сконцентрированы в твоей итоговой статье. Мне очень интересно, какую бы встречу или какую-нибудь статью мог бы привести для примера того, что это – успех народной дипломатии. Это из статей, которые были опубликованы, потому что Арда тоже сказала, что у нас были и какие-то успехи, о которых трудно судить по сборникам. И, действительно, эти успехи есть.

Багал Кобахия – Я не знаю, отражен ли в этих восьми книгах относительно народной дипломатии такой момент. И вот пытаюсь вспомнить. Почему в последнее время многие ополчились против народной дипломатии? Во всяком случае, я имею в виду у нас в Абхазии. Потому что финансирование на этом уровне идет со стороны западных фондов. И поэтому, когда, как Лиана говорила, нам задают вопрос о том, кто нас уполномочил говорить от имени народа, то имеет в виду, что общество воспринимает некую ангажированность лидеров народной дипломатии. То, о чем говорил Гия, свидетельствует о том, что и до событий 1992 года были определенные усилия народных дипломатов. Но тогда это происходило более независимо, потому что это движение не финансировалось ни партиями, ни властью, ни какими-то фондами. И тогда усилия народных дипломатов действительно носили более неформальный характер. Думали ли мы в этом контексте? Потому что, если вы замечаете, даже вот это собрание народных дипломатов, скажем так, тоже фасилитируется. Бывают встречи жестко фасилитируемые, бывают мягко фасилитируемые. Иногда мы сами чувствуем некоторое раздражение от того, какой формат задается той или иной народнодипломатической миссии, в которой мы участвуем. Фонды, которые организывают этот процесс, имеют свою концепцию того, как эта народная дипломатия в том или ином конфликте, регионе должна протекать и иногда пытаются влиять на ее ход. И нам иногда приходится серьезно отстаивать свое видение того, как должен развиваться процесс. И, может быть, есть смысл нам вообще исследовать, как эта народная дипломатия, ее участники, выдерживают такой натиск. С одной стороны, со стороны властей у себя в регионах, с другой стороны, натиск со стороны международных организаций, у которых своя концепция и понимание. И, может быть, есть смысл в том, чтобы подумать над тем, что нам нужно сделать, чтобы изменить вот этот имидж, ярлык, стереотип о том, что народные дипломаты сегодня являются ангажированными и не являются проводниками своих независимых идей. Как мы это могли бы изменить и что мы могли бы сделать? И тогда, может быть, нам было бы легче дать и дефиницию народной дипломатии. Что это такое, какие у нее уровни, какие корни, какие мотивы, к чему мы стремимся и т.д.

Роман Дбар – Я вполне согласен с Лианой в том смысле, что нам необходимо иметь, конечно, достаточно четкое определение народной и гражданской дипломатии по одной простой причине. Когда мы начинали, то у нас были одни представления. А сегодня у нас уже как бы другие представления. Чтобы представить всю широту активности в сфере гражданской дипломатии, то обязательно нужно включить отношения между родственниками, их контакты, отношения между друзьями, их общение и взаимодействие, контакты, которые происходят в криминальной сфере, которые по своему объему и задействованным средствам, во много раз превосходят все остальные сферы. И если еще к этому добавить активность, которая реализуется в сфере гражданской дипломатии в третьем секторе, то тогда получится достаточно широкий поток гражданской дипломатии, в котором третий сектор со своей активностью занимает очень небольшое место. А если с другой стороны взять официальную дипломатию с ее успехами и воздействием на конфликтующие общества, то окажется, что здесь вообще никаких достижений по сути дела нет. А процессы в сфере народной дипломатии на самом деле оказывают очень мощное воздействие. И здесь возникает естественный вопрос. Так как этот процесс идет вообще никак и никак не фасилитируемый, и он носит естественный характер, то возникает естественный вопрос – не является ли это моментом присущим вообще человеческим сообществам – искать контакты и находить общий язык. Это является неким конструктивным процессом, который реализуется в форме гражданской дипломатии.

Эмзар Джгереная – В Грузии тоже очень много говорят в последнее время о том, что неправительственные организации выполняют определенный заказ зарубежных стран, которые финансируют эти неправительственные организации. Но само грузинское государство не может даже начать существовать без такого финансирования. Само правительство получает огромную поддержку, но правительство никогда не задумывается над этим. Они говорят, что неправительственные организации получают деньги, а значит они выполняют определенный заказ. А на самом деле государство получает огромные деньги. И на этих деньгах грузинское государство держится. Вот такие

сложности есть. Но особенно вот такие упреки со стороны политиков, то есть политиков, которые потеряли вообще чувство реальности и думают, будто бы в нынешнее время Грузия сможет существовать на свои деньги.

Марина Пагава – У меня вопрос по формату, скорее всего к Арде. Потому что первое обсуждение после первого доклада было таким, что мы все время участников возвращали к тому, что вопросы должны быть по сборникам. А сейчас мы делаем оценку нашего представления о народной дипломатии, или где мы вообще? Если мы говорим о народной дипломатии – это одно, а если сборники – то это немножко другое.

Паата Закареишвили – Сейчас мы обсуждаем доклад Гии, мы не обсуждаем наш проект. Мы уточняем термин «народная дипломатия». Это гражданское миротворчество или гражданские инициативы. Потому что я сам лично уверен, что очень часто, хотим мы того или не хотим, выступаем не по воле народа. Лично я от себя могу говорить, что считаю, что наше общество не всегда знает, чего оно хочет, чтобы наше общество стало более самостоятельным или... Я не всегда от имени народа выступаю, поэтому я не могу себя назвать народным дипломатом. Народными дипломатами могут быть те, кто по родственным связям что-то решают или по каким-то другим каналам. Я считаю, что мы хотим через гражданские ценности поменять платформы, на которых был создан конфликт, чтобы эти платформы заменить, чтобы на другой платформе, на других основах мы нашли общий язык между нашими обществами. Каким будет результат, я даже не знаю. Но он должен быть справедливым. Поэтому лично я считаю, что мы должны обсудить этот вопрос. Если мы решим, что это народная дипломатия, то тогда оставим. Лично я всегда против этого термина протестую. Как раз, когда мы в Москве в декабре встречались, мы об этом говорили.

Батал Кобахия – Народная дипломатия – это дипломатия, которую ведет народ. Учитывая, что мы явно не народ...

Георгий А нчабадзе – Здесь были и выступления, и вопросы. Многие высказывали свои мнения. На некоторые вопросы, которые были заданы, я постараюсь ответить.

На мое усмотрение успехом можно считать то, что создалось какое-то небольшое сообщество и среди абхазов, и среди грузин, которые уже как-то познакомились друг с другом, встречаются, толерантны, на многие вопросы уже смотрят иначе, не так, как большинство их сограждан. И они как-то готовы к тому, к чему в принципе должны прийти по идее и когда-нибудь придут взаимоотношения, то есть к выработке какой-то взаимоприемлемой модели. Я считаю, что представители сторон, которые участвуют в этом процессе, стали лучше понимать проблемы друг друга. Как показывает исследование Марины Никурадзе, большинство с грузинской стороны лучше стали воспринимать абхазов, у них как-то улучшилось представление о них, они больше стали понимать проблемы, которые перед абхазами стоят. И это я считаю главным успехом на сегодняшний день, что создались вот такие группы людей. Может быть, сегодня их очень мало. Это капля в море по сравнению со всем обществом. Но что поделаешь? Это результат того, что невозможно, конечно, всех охватить участием вот в таких встречах. И, кроме того, вы хорошо знаете, что все-таки отношение к нам не такое уже благосклонное и не особенно это помогает нам свое мнение на широкую общественность распространять. Если бы была такая возможность, то я думаю, что было бы больше результатов этих встреч. Есть ли в этих сборниках конкретные успехи народной дипломатии? Нет такого, потому что мы сами знаем, что ничего не было. Но есть такие отдельные замечания, приводятся такие конкретные примеры, когда что-то решается, как ингургэсовские распределения, работа ингургэсовской системы. Но я считаю, что это не относится к народной дипломатии, за ними стоят государственные интересы с обеих сторон. И, может быть, при урегулировании этой проблемы где-то методы народной дипломатии тоже были использованы, но в целом Ингургэс я не считаю относящимся к сфере народной дипломатии. Батал отметил, что за этот прошедший период отношение к народной дипломатии изменилось с тех пор, как она финансируется из западных фондов, есть такое отношение, будто мы ангажированы. Такое отношение в значительной степени определенными силами искусст-

венно внедряется. Как здесь было сказано, гораздо больше грантов другие отрасли, особенно государственные, получают. Но кое-кто специально заостряет внимание на том, кто финансирует гражданскую дипломатию, я опять повторяю это слово, но, может быть, лучше говорить инициатива или гражданское миротворчество. Мы-то хорошо знаем, что на самом деле даже там, где официально расписаны расходы на народную дипломатию (а на это действительно в бюджете Грузии миллионы долларов ежегодно идут), на наше направление, которое я считаю единственно правильным и единственно действующим движением гражданской инициативы, гражданского миротворчества, и цента не попадает из тех бюджетных расходов, на которые обычно и намекают. Эти деньги оседают в совершенно других карманах и тратятся на совершенно другие цели. Что же касается периода до 1992 года, то там, конечно, никакого финансирования не было, и там мы все делали сами. И я лично этот период своей биографии с романтическим ореолом воспринимаю. Мы встречались, я приезжал, знакомил людей... Конечно, тогда был совершенно другой момент. Это не то, что сегодня. Сегодня мы встречаемся в академических рамках и не только в этом проекте, но и в других. За нас берут билеты, гостиницу готовят, а тогда мы сами все организовывали. Но все-таки, несмотря на то, что тогда никто не мог упрекнуть, что мы кем-то ангажированы, и кто-то нас финансирует, тогда тоже общество не особенно нас поддерживало и не восторгалось нашей деятельностью. Потому что тогда другие были настроения. Тогда каждая сторона думала, что только те, кто занимаются твердой политикой, на правильном пути и им не надо мешать и не надо напирать на свою точку зрения, и что именно так будут удовлетворены национальные интересы. Как мы видим, миротворцы особенно большим почетом никогда не пользовались и, видимо, не будут пользоваться. Паата отмечал вопрос терминологии. Я с ним согласен, хотя очень хороши такие термины как «гражданская инициатива» и «гражданское миротворчество». Но я все-таки думаю, что не нужно особенно дистанцироваться от термина «народная дипломатия». Ну, мало ли, что кто-то не понимает, что это значит. А кто-то понимает, что мы берем на себя обязательство говорить от имени народа. Лучше этим людям объяснить, в чем дело, чем как-то отступить и искать все новые какие-то формы ...

Нателла Акаба

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Тема формирования гражданского общества и демократических институтов занимает довольно важное место во многих статьях сборников и дискуссиях в рамках проекта по исследованию роли неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. Многие авторы публикаций и участники грузино-абхазских встреч увязывают эффективность народной дипломатии со степенью демократизации общества и способностью гражданского общества влиять на власть и принимаемые ею решения. Однако в первую очередь необходимо отметить, что само понятие «гражданское общество» имеет различные толкования в специальной литературе. Так, если одни авторы склонны ограничивать гражданское общество лишь некоммерческим сектором, то другие включают в эту сферу, к примеру, частнопредпринимательскую деятельность. В специальной литературе дискутируется вопрос и о том, насколько органично вписываются в гражданское общество экономические объединения, например, ассоциации предпринимателей, профсоюзы и т.п. Еще больше споров вызывает вопрос о том, являются ли политические партии частью гражданского общества или следует разделить «гражданское» и «политическое» общества, как это делал Антонио Грамши. Но очевидно, что часто бывает крайне трудно провести грань между политической и неполитической деятельностью.

Участники грузино-абхазских встреч, посвятившие свои статьи роли гражданского общества, также не были едины по данному вопросу и также по-разному понимают суть гражданского общества. М. Гургулия видит роль гражданского общества в том, чтобы обеспечивать активность и самореализацию индивидов в обществе; предоставлять возможность для развития и расширения демократии, ограничивать функции государства, степень его вмешательства в жизнь людей и, наконец, осуществлять определенный контроль за деятельностью государства.¹ При этом указанный автор хоть и включает в

перечень институтов гражданского общества общественно-политические движения, однако, в своем анализе не рассматривает их роль в происходящих в Абхазии процессах. Манана Гургулия сосредотачивает свой анализ в основном на таких институтах гражданского общества как неправительственные организации, СМИ и органы местного самоуправления. Правда она признает, что на данном этапе последние вряд ли действительно можно отнести к гражданскому обществу.

Автор другой статьи, Леван Герадзе довольно широко трактует категорию гражданского общества, т.е. безоговорочно включает в него не только НПО, но также и партии и общественно-политические движения, которых особенно много появилось в Грузии в первые годы после восстановления независимости.² То же можно сказать и об Абесаломе Лепсая, который, среди прочего, затрагивает и вопрос о роли и месте политических партий во внутривластных процессах, происходящих в Абхазии.³

В центре внимания авторов статей в сборниках – взаимосвязь между формированием демократических институтов и, в частности, гражданского общества, и урегулированием грузино-абхазского конфликта. В одной из первых публикаций на вышеназванную тему Леван Герадзе, специально посвятивший свою статью роли гражданского общества в предотвращении и решении вооруженных конфликтов, говорит, что, несмотря на особо разрушительный характер последствий конфликтов в Грузии, а, возможно, и благодаря им, в Грузии процесс демократизации и создания гражданского общества стал наиболее скоростным и эффективным. «Лучшим подтверждением тому стал первый этап, проявившийся созданием очень большого числа неправительственных организаций», пишет Л. Герадзе.⁴

Схожие мысли высказывают и абхазские авторы, при этом некоторые из них считают, что неурегулированный грузино-абхазский конфликт служит как своеобразным катализатором развития гражданского общества, так и его ограничителем. Арда Инал-Ипа отмечает, что «... в Абхазии появление НКО было стимулировано ... необходимостью реагировать на проблемы поствоенной ситуации», конкретизируя далее, что это за проблемы: потребность в психологической и физической реабилитации населения, острые социальные про-

блемы и осознание необходимости трансформации конфликта с целью предотвращения нового всплеска военных действий⁵.

М. Гургулия также обращает внимание на то, что грузино-абхазский конфликт повлиял на выбор приоритетов деятельности НПО, поставив в центр их внимания защиту прав участников войны, помощь инвалидам, социально-психологическую реабилитацию населения, пострадавшего от войны.⁶

Обращает на себя внимание интересная закономерность: говоря о деятельности гражданского общества, авторы, как правило, сосредотачиваются на третьем (т.е. некоммерческом) секторе. Как уже упоминалось выше, они в принципе согласны с тем, что понятие «гражданское общество» все-таки шире, но в окружающей их реальной жизни авторы статей не видят органической включенности в гражданское общество других институтов, таких, например, как частный бизнес. В то же время мировая практика свидетельствует, что одним из главных условий для успешного формирования гражданского общества является наличие массового среднего класса.

Показательно, на мой взгляд, что вопрос о связи между формированием гражданского общества и развитием института частной собственности остался как бы за кадром, как для грузинских, так и для абхазских авторов, пишущих о демократизации и гражданском обществе. Это характерная для большинства постсоветских стран особенность: гражданское общество худо-бедно формируется, как бы само по себе (естественно, при поддержке зарубежных, в основном, западных, фондов), а не через укрепление материальных основ гражданской самостоятельности. Естественно, такое гражданское общество не имеет глубоких местных корней, оставаясь незрелым и уязвимым. Оно в известной степени зависит от «щедрости» доноров, причем эти «щедроты» перепадают довольно неравномерно. Так, в силу известных причин (непризнание Абхазии, ее изоляция и др.) грузинские НПО имеют гораздо больший доступ к фондам, чем абхазские, что само по себе порождает дисбаланс и не способствует диалогу. Однако и в Грузии НПО нельзя рассматривать как вполне самостоятельный институт, на что указывает и Н. Сарджвеладзе: «...Функционирование НПО во многом определяется не творческим самовыражением молодых людей, а заказами международных доноров».⁶

На мой взгляд, учитывая вышеприведенные соображения, трудно ожидать, что власти будут воспринимать НПО, независимые СМИ и другие институты гражданского общества как равноправного партнера и выразителя общественных интересов. Неслучайно, во многих странах Восточной Европы и на постсоветском пространстве все чаще наблюдается несколько скептическое отношение к НПО, существующим за счет западных грантов, за которыми и там и тут закрепились не слишком лестные названия – «грантополучатели» или даже «грантопожиратели». И такие настроения имеют тенденцию к нарастанию, что иногда дает оппонентам НПО в среде чиновничества повод обвинять третий сектор в приверженности чуждым ценностям.

Однако сказанное выше отнюдь не означает, что институты гражданского общества не имеют в Грузии и Абхазии никаких резервов для своего развития, а лишь указывает на необходимость некоторой корректировки стратегии его продвижения, основанной на более активном привлечении местных средств и ресурсов. Надо отметить, что один из участников дискуссии в Кавказском институте мира, демократии и развития в декабре 2000 г., Зураб Парцвания, все-таки затронул эту важную тему, подчеркнув, что на Западе гражданское общество воспитывалось именно через частную собственность. «Если этот институт не начнет работать и не начнет воспитывать гражданское общество, то, увы, из этого ничего не выйдет».⁷ И с таким утверждением действительно трудно не согласиться.

Как в абхазском, так и грузинском обществе рождение третьего сектора происходило на фоне деструктивных процессов – распад СССР, обострение этнополитических конфликтов. Довольно успешное, на наш взгляд, использование З. Гамсахурдия и его «командой» национальных чувств, при коммунистическом режиме жестко подавляемых, манипулирование образом врага – все это наложило отпечаток на процесс формирования демократических институтов в Грузии. Л. Герадзе довольно подробно останавливается на том, как «неформалы» генерировали деструктивные процессы в Грузии. И в том, что касается непосредственно урегулирования конфликтов, в частности грузино-абхазского, Л. Герадзе признает, что само грузинское общество весьма неоднородно в своем отношении к возможным ва-

риантам решения этой проблемы. По мнению этого автора, если власти Грузии однозначно выступают за политическое урегулирование конфликта, то этого нельзя столь же определенно сказать о грузинских НПО, которые не могут существовать в отрыве от идей и настроений в своем обществе.

Это утверждение, на наш взгляд, носит довольно спорный характер. Тезис о том, что власти настроены на мирное разрешение конфликта, а гражданское общество этому препятствует, был решительно опровергнут самой жизнью и продемонстрировал свою несостоятельность в октябре 2001 года, во время событий в Кодорском ущелье, когда именно гражданское общество Грузии сумело подтвердить свою приверженность мирному решению проблемы грузино-абхазских взаимоотношений, в отличие от официальных властей, на практике подтвердивших, что они так и не отказались окончательно от силовых действий.

Арда Инал-Ипа, как и Манана Гургулия, видят ситуацию в совершенно ином свете. Так А. Инал-Ипа замечает, что в условиях «когда жесткая позиция властей продиктована стремлением добиться выгодного для своей страны решения на политических переговорах, где серьезным аргументом могла бы стать ожесточенность и непримиримость общества, тогда деятельность народной дипломатии может восприниматься даже как противоречащая национальным интересам государства, если и вовсе не как враждебная». Далее А. Инал-Ипа подчеркивает, что в любом случае, польза от неофициальной дипломатии все равно очевидна: она вносит значительный вклад в развитие гражданского общества, демократических ценностей и становление демократического государства.

Можно согласиться с данным выводом, по крайней мере, в том, что касается Абхазии, где очевидно, что деятельность в рамках народной дипломатии способствует развитию гражданского общества и демократизации. Поскольку проблема урегулирования грузино-абхазских отношений в Абхазии все эти годы находится в самом центре общественного внимания, довольно широкий круг людей внимательно, пусть часто и с критических позиций, наблюдает за активностью представителей третьего сектора, убеждаясь, что официальное руководство не владеет монополией на истину, а общество может

оказывать определенное, пусть и косвенное, влияние на принятие решений по самым актуальным проблемам жизни страны.

Интересно проследить, была ли какая-то эволюция взглядов по вопросу о роли гражданского общества в урегулировании грузино-абхазского конфликта среди участников двусторонних встреч. Сама динамика этих встреч демонстрирует, как изменялось их отношение к роли демократических институтов и, в частности, гражданского общества на разных стадиях грузино-абхазского конфликта. В самом начале мирного процесса представители абхазской и грузинской общественности были скорее склонны оставить на усмотрение политиков вопросы урегулирования и поиск возможных моделей взаимоотношений. На своих первых встречах участники в основном сосредоточивались на выяснении причин конфликта и степени «виновности» той и другой стороны. Однако постепенно в рамках гражданской дипломатии происходит более глубокое осмысление конфликта и, наконец, предпринимаются попытки предложить пути выхода из ситуации. Хотелось бы верить, что это является проявлением «взросления» гражданского общества и его готовности взять на себя большую ответственность за будущее своих стран.

Уже упоминавшийся выше Абесалом Лепсая считает, что ни абхазские, ни грузинские НПО так и не стали серьезной силой, воздействующей на трансформацию конфликта, в силу того, что все еще не смогли стать серьезной силой внутри своих сообществ – силой, которую невозможно было бы игнорировать. «Одной из важнейших функций неформальной, народной дипломатии гражданского общества, стремящегося к миру, является организация общественного давления. . . , чтобы стороны прислушались к стремлению народа к миру». Автор считает, что в существующих условиях, когда власти, по сути, установили монополию на деятельность, связанную с урегулированием конфликта, всякая общественная инициатива, например, создание коалиций с целью оказания давления на власть, вызовет острую ответную реакцию со стороны последней.

Несколько спорным может показаться утверждение этого же автора, о том, что «некоторая парадоксальность ситуации заключается в том, что, несмотря на частые встречи и контакты с грузинскими НПО, абхазские неправительственные организации по ряду вопро-

сов занимают более радикальные позиции по отношению к Грузии, чем власти... НПО Абхазии считают себя ответственными за построение независимой государственности, разделяют с официальными лидерами и общественным мнением базовые установки сецессионизма на отделение и суверенитет». ⁸ В качестве комментария к данному пассажиу хочется отметить, что если и власти Абхазии, и абхазские НПО, да и общество в целом, настроены на отделение от Грузии, то непонятно, кто тогда мог бы оказывать давление и в каких целях, а с другой стороны, как такое давление соответствовало бы демократическим принципам. В то же время, трудно не согласиться с А. Лепса в том, что гражданское общество все еще не стало серьезной силой.

В своей статье Н. Акаба высказывает схожие взгляды, однако рассматривает ситуацию в общекавказском контексте. Недостаток поддержки и понимания природы гражданского общества со стороны широких общественных слоев указанный автор связывает, помимо всего прочего, с преобладанием во всем регионе патерналистской модели государственного устройства. «Основанная на авторитете высшей власти и безоглядной вере в правоту «начальства», она порождает у значительной части общества, особенно, у людей старшего поколения, психологический и политический инфантилизм». Все еще доминирует убеждение, что «начальству виднее», многие люди все еще сомневаются в том, что «простые люди» могут реально влиять на процесс принятия решений. ⁹ Такие настроения, особенно ярко проявившиеся в ходе последних парламентских выборов в Абхазии (март 2002 г.), конечно, тормозят превращение гражданского общества в реальный фактор общественной и политической жизни.

Со своей стороны, Паата Закареишвили склонен с надеждой смотреть в будущее и выражает уверенность, что реализация ценностей гражданского общества приведет «к необратимому процессу ослабления неограниченного влияния партии войны на умы населения». Он отмечает далее, что если первые встречи (1996 г) проходили как бы под девизом: «Быть вне политики», то достижением последующих, по его мнению, можно считать то, что разрешение конфликта было непосредственно увязано с соблюдением основных прав и свобод человека. Автор приходит к выводу, что, хотя разрешение конф-

ликта это дело политиков, но до и после решения политических вопросов остается огромное количество проблем, которые может осилить только развитое и умеющее защитить себя гражданское общество.¹⁰

Примерно в таком же ключе рассуждает и Манана Гургулия, подчеркивающая важность для Абхазии демократического пути развития. «...Все разговоры о гражданском обществе останутся разговорами, если демократические ценности не станут внутренней потребностью народа, если не произойдет перелом в сознании», отмечает М. Гургулия. В то же время, она убеждена, что развитие третьего сектора определит перспективы развития гражданского общества в Абхазии, а также его вовлечение в процесс грузино-абхазского мирного урегулирования.¹¹ С этим высказыванием перекликается и мысль, высказанная грузинским автором, участником одной из встреч, Георгием Гмахария: «Разрешение конфликта и преодоление кризиса невозможно в стране, где не развивается демократическое сознание».¹²

Интересная дискуссия развернулась во время одной из встреч в рамках данного проекта (Сочи, 20-25 августа 2001 г.) после доклада Зураба Чиаберашвили, посвященного проблемам становления государства и обеспечению прав личности. Автор утверждал, что для Грузии, чья государственность признана мировым сообществом, на передний план выходит забота об индивидуальных правах и потребностях граждан. Что же касается все еще не признанной Абхазии, то по мнению З. Чиаберашвили, здесь главным должна быть забота о коллективных правах, о государстве. Автор ссылается на недавний опыт Грузии, где в 90-х годах там тоже был лозунг: «Сперва независимость, а потом демократия».¹³ Данное утверждение вызвало возмущения некоторых абхазских участников, в частности, Батал Кобахия заявил, что неверно противопоставлять права личности и коллективные права, и он лично не хотел бы жить в стране, даже независимой и признанной, где его индивидуальные права будут на втором плане.¹⁴

В развитие темы интересов России, Грузии и Абхазии участники этой же встречи обсуждали роль России и Запада в углублении демократических процессов в Абхазии и Грузии. П. Закареишвили

выразил уверенность, что Россия не заинтересована в демократическом развитии абхазского и грузинского обществ, а Запад – напротив, заинтересован. На это Н. Акаба возразила, что на практике и Запад не проявляет особой заинтересованности в поддержке демократических процессов. Вот уже почти десять лет международные институты игнорируют проходящие в Абхазии выборы, никак не способствуя этим самым демократии. У абхазской стороны, по мнению участницы дискуссии, есть все основания полагать, что для Запада не столь уж важно, нарушаются ли в Абхазии права человека, поскольку главным приоритетом для США и Европы всегда было и остается восстановление территориальной целостности Грузии.¹⁵

В уже цитированной выше статье Нателла Акаба рассматривает отношение широкой общественности к мирным инициативам на уровне гражданского общества, уделяя основное внимание общественной реакции. Автор отмечает трудности и непонимание, на которые наталкивается деятельность в рамках неофициальной дипломатии, со стороны как части политической элиты, так и интеллигенции. При этом совершенно очевидно, что сохранение ситуации «замороженного конфликта», в особенности, дальнейшая изоляция Абхазии, будет и далее способствовать укреплению в абхазском обществе образа врага и формированию оборонного сознания.

По мнению этого же автора, в абхазском обществе есть определенные опасения в связи с продолжающейся военной операцией в Чечне, приведшей к трагическим последствиям для народа этой республики. Среди абхазской интеллигенции распространено мнение, что чеченское общество оказалось ослабленным внутренними противоречиями и не смогло противостоять внешним силам. Страх перед утратой единства и сплоченности, чем, по мнению многих, не преминет воспользоваться внешний враг, порождает тягу к некоему «идеальному» обществу, где нет противоречий и все живут единой дружной семьей. Не вполне понятно, как в таком случае можно будет обеспечить соблюдение индивидуальных прав и свобод граждан и развивать политический плюрализм в обществе.¹⁶ О подобных страхах и их влиянии на общество рассуждает в ходе другой встречи и Батал Кобахия, подтверждающий, что есть мощный консолидирующий фактор, который тормозит демократическое развитие. Этот фак-

тор, по мнению Б. Кобахия, связан с неразрешенностью грузино-абхазского конфликта и порождает в абхазском обществе страх перед фрагментацией и расколом.¹⁷

Далила Пилия посвятила свою статью становлению новой абхазской государственности.¹⁸ Она подробно останавливается на проблемах, связанных с переходом к демократическому правовому государству, отмечая, что в новых независимых государствах гражданам постоянно приходится сталкиваться с попытками государства вмешиваться в их жизнь, как-то ее регламентировать. Бурную дискуссию участников встречи вызвало ее упоминание о возможности сочетания общепризнанных правовых принципов и культурной специфики того или иного народа. По мнению Д. Пилия, гражданское общество в Абхазии зиждется в основном на традиционной культуре народа, основанной на обычном праве. Автор затронул также проблему становления демократии в полиэтническом обществе на примере Абхазии. На вопрос одного из грузинских участников о том, насколько возможно использование системы квот для представителей этнических групп, Д. Пилия ответила, что по ее мнению, если такое решение устраивает все заинтересованные стороны, то оно отвечает демократическим принципам. «Самое главное – гарантия равенства прав, свободы и безопасности всех этносов».

Проблемы влияния гражданского общества на политические процессы рассматривались и в ходе «круглых столов» в Тбилиси во время поездки представителей ряда абхазских НПО. Особенно эмоциональная дискуссия на эту тему развернулась во время встречи в Кавказском институте мира, демократии и развития, где много говорилось о возможностях гражданского общества влиять на ход переговоров. З. Чиаберашвили высказал мысль о том, что покончить с идеологией войны можно лишь тогда, когда появятся те правительства, которые будут выражать интересы своих сообществ, хотя и это само по себе не разрешит конфликт. Так, например, по мнению З. Чиаберашвили, даже если бы Паата Закареишвили и другие представители гражданского общества вели официальные переговоры, вряд ли они смогли бы идти на такие компромиссы, которых требуют от них абхазы, поскольку и в Грузии, и в Абхазии сами общества не готовы к тому, чтобы задуматься: а смогут ли абхазы и грузины жить вместе.¹⁹

В свою очередь, Георгий Хуцишвили отметил, что хотя гражданское общество и не может решить ни политическую, ни экономическую проблему, политики никогда не смогут принять и, тем более, осуществить свое решение, если нет основы для этого в гражданском обществе. Таким образом, по мнению Г. Хуцишвили, гражданское общество является необходимым, но недостаточным условием для того, чтобы политики приняли и осуществили свое решение. В то же время есть какие-то принципы, которые непреложны для человека, считающего себя членом гражданского общества. По его мнению это принцип мирного, ненасильственного решения любого конфликта, поэтому надо отказаться от таких методов как блокада. Развивая свою мысль Г. Хуцишвили констатирует, что гражданские общества в Грузии и Абхазии пока не сформировались, но с другой стороны, разрешить эту проблему может только гражданское общество. Поэтому гражданскому обществу необходимо вести какую-то образовательную, общественную работу.

В ходе этой же дискуссии А. Лепсая, соглашаясь с утверждением о том, что гражданское общество не может урегулировать конфликт, поскольку причиной конфликтов и войн не является гражданское общество, отмечает, что формирование гражданского общества важно само по себе, и его все равно надо строить, вне зависимости от его влияния на урегулирование конфликтов. Но для А. Лепсая важен другой момент: гражданское общество надо строить по принципу открытого общества и на основе превалирования гражданских ценностей, а не этнических.

Заключение

Хотя становление демократических институтов в Абхазии и Грузии происходит с разной скоростью и в разных политических контекстах, нельзя не отметить целый ряд общих трудностей – крайне низкий уровень благосостояния основной массы населения, ситуация замороженного конфликта, отсутствие в обществе демократических традиций. Тем не менее, определенные сдвиги в этом направлении налицо, что нашло свое отражение в сборниках. Поскольку сами авторы и участники дискуссий в подавляющем большинстве принадлежат к третьему сектору, вполне естественно, что главным

объектом их внимания было гражданское общество, как один из важнейших демократических институтов. Некоторые участники встреч констатировали, что пока ни в Грузии, ни в Абхазии нет почвы для развитого гражданского общества, а есть лишь какие-то его зачатки. Элитарность, ограниченность пределами столиц, неумение найти поддержку в широких слоях населения – таковы слабые места гражданского общества в Абхазии и Грузии.

В Абхазии формирование гражданского общества осложнено ситуацией «ни мира – ни войны». Поскольку НПО существуют в основном за счет западноевропейских и американских грантов, гражданское общество иногда воспринимается как нечто, импортированное извне. Очевидно, есть и вина самих «строителей гражданского общества», не сумевших сконструировать свой позитивный имидж и разъяснить своим оппонентам предназначение и сущность гражданского общества. В то же время подобное негативное восприятие гражданского общества и других атрибутов демократии является вполне закономерным и предсказуемым результатом политики, проводящейся ведущими странами и международными организациями в отношении Абхазии – изоляция, политико-экономическое давление, ограничение элементарных прав граждан, в частности, права на передвижение. Все это лишь усиливает у населения ощущение осажденной со всех сторон крепости, создавая барьеры на пути политической трансформации.

Что же касается динамики отношения к гражданскому обществу в Грузии, то, видимо, здесь ситуация развивается по иному сценарию: поскольку грузинский политический истеблишмент провозгласил Европу своим ориентиром, власти вынуждены всячески демонстрировать, пусть и на словах, свою приверженность демократическим (либеральным или, иными словами, «западным») ценностям. Следовательно, в Грузии гражданское общество открыто осуждать как бы не принято, хотя это не значит, что в реальности с ним больше считаются. Да и среди широкой общественности, особенно в провинции, компактных центрах для беженцев, деятельность НПО не слишком заметна.

Несмотря на слабость и уязвимость гражданского общества в Абхазии и Грузии, нельзя не заметить, что оно все-таки становится фактором политической и общественной жизни, проявляет все боль-

шую готовность участвовать в процессе принятия решений. Очевидно, что грузино-абхазские встречи в рамках гражданской дипломатии способствовали развитию гражданского общества в Абхазии и Грузии и предопределили его активную гражданскую позицию во время Кодорских событий в октябре 2001 г./ В те дни контакты и скоординированные действия грузинских и абхазских участников данного проекта смогли продемонстрировать, что значительная часть грузинского общества не приемлет военного решения проблемы грузино-абхазских взаимоотношений. Такая реакция в значительной степени была одним из результатов гражданской дипломатии.

¹ М. Гургулия, Гражданское общество в Абхазии: тенденции развития», в сб. «Аспекты грузино-абхазского конфликта» (Москва, 25-27 марта 2000 г.), Ирвайн, 2000 г., стр. 11, 13.

² Л. Герадзе, Роль гражданского общества в предотвращении и решении вооруженных конфликтов, в сб. «Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе», Материалы грузино-абхазской конференции (Сочи, март 1999 г.), Ирвайн, 1999 г.

³ А. Лепсая, Ситуация в Абхазии как модель замкнутого общества при наличии внешнего конфликта. Факторы, влияющие на урегулирование, в сб. «Аспекты грузино-абхазского конфликта. Материалы грузино-абхазской конференции. (Москва, 25-27 марта 2000 г.), Ирвайн, 2000 г., стр. 60 – 78.

⁴ Л. Герадзе, Указ. статья, стр. 55-56.

⁵ А. Инал – Ипа, О причинах малой эффективности народно-дипломатического процесса в грузино-абхазском конфликте, в сб. «Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе», Материалы грузино-абхазской конференции (Март 1999 г., Сочи), Ирвайн, 1999, стр. 176.

⁶ Н. Сарджвеладзе, Основные потребности и интересы абхазского и грузинского обществ, в сб. Аспекты грузино-абхазского конфликта, Материалы грузино-абхазской конференции (Сочи, 20-25 августа 2001 г.), Ирвайн, 2002, стр. 15.

⁷ Здесь и далее цитируется по стенограмме встречи в Кавказском институте мира, демократии и развития в Тбилиси (См. сб. 6 «Тбилисские встречи», Октябрь – декабрь 2000г. , Ирвайн 2001 г., стр. 47-140.

⁸ А. Лепсая, Грузино-абхазский конфликт и деятельность неправительственных организаций: изучение накопленного опыта и возможные перспективы, в сб. «Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе», Материалы грузино-абхазской конференции (Март, 1999 г., Сочи), Ирвайн 1999, стр. 210.

⁹ Н. Акаба, Гражданское общество и мирные инициативы, в сб. « Аспекты грузино-абхазского конфликта», Материалы грузино-абхазской конференции (Москва, 25-27 марта 2000 г.), Ирвайн, 2000 г., стр. 28.

¹⁰ П. Закареишвили, Успехи и проблемы неформальной дипломатии в общем процессе разрешения грузино-абхазского конфликта, в сб. «Аспекты грузино-абхазского конфликта», Материалы грузино-абхазской конференции, (Конобеево, август 1999) Ирвайн, 2000 г., стр.114 – 116.

¹¹ М. Гургулия, Указ. статья, стр. 21.

¹² Г. Гвахария, Кино и телевидение как «чужое этническое пространство, в сб. в сб. Аспекты грузино-абхазского конфликта, Материалы грузино-абхазской конференции (Сочи, 20-25 августа 2001 г.), Ирвайн, 2002, стр. 210.

¹³ З. Чиаберашвили, Абхазия и Грузия: государственность и права личности, в сб. Аспекты грузино-абхазского конфликта, Материалы грузино-абхазской конференции (Сочи, 20-25 августа 2001 г.), Ирвайн, 2002, стр. 50.

¹⁴ Там же, стр. 79.

¹⁵ Там же, стр. 111 – 113

¹⁶ Н. Акаба, Гражданское общество и мирные инициативы, в сб. « Аспекты грузино-абхазского конфликта», Материалы грузино-абхазской конференции (Москва, 25-27 марта 2000 г.), Ирвайн, 2000 г., стр. 30 – 32.

¹⁷ Аспекты грузино-абхазского конфликта, Материалы грузино-абхазской конференции (Сочи, 10 – 25 августа 2001 г.), Ирвайн, 2000, стр. 120.

¹⁸ Д. Пилия, Становление новой абхазской государственности, в сб. «Аспекты грузино-абхазского конфликта», Материалы грузино-абхазской конференции (Адлер, 26-28 августа 2000 г.), Ирвайн, 2001, стр. 120 – 126.

¹⁹ Здесь и далее цитируется по книге «Аспекты грузино-абхазского конфликта», Тбилисские встречи (Октябрь – декабрь 2000 г.), Ирвайн, 2001, стр. 62, 106.

ДИСКУССИЯ

Арда Инал-Ипа – Действительно, существуют разные представления о гражданском обществе. В выводах прозвучало, что гражданское общество может, как способствовать разрешению конфликта, так и усиливать и разжигать конфликт. Но потом все-таки идет заключение о том, что гражданское общество надо развивать. Это мне показалось непоследовательным. Мне кажется, что есть и другие представления о том, что все-таки развитое гражданское общество мы не отрываем от демократических ценностей, которые, допустим, с деятельностью Гамсахурдия мало сочетались. Я увидела здесь какое-то противоречие. Мне кажется, что все-таки во многих статьях, которые здесь звучали и во многих выступлениях в течение проекта, авторы больше склоняются к тому, что

развитое гражданское общество должно больше отражать интересы самого населения и больше влиять свои власти и таким образом предупреждать политику, которая реализовывалась бы не в интересах народов. По моим представлениям, не стоит на одну доску ставить вывод о том, что гражданское общество может усиливать конфликт, с другими выводами.

Нателла Акаба – Та дискуссия, которую мы с вами спровоцировали, привела к тому, что мнения людей очень сильно разделились, и мы не можем не видеть того, что существует очень разное отношение к нашей деятельности. И я уверена, что никогда не будет так, что все скажут, что как хорошо, что мы этим занимаемся. Я имела в виду конфликты, конечно, ненасильственные, а просто конфликт как проявление плюрализма. Может быть, я не очень четко это здесь сформулировала. Этого в тексте у меня нет. Я просто попыталась показать, что в принципе, это нормально, когда в обществе идет дискуссия. Я не говорила об этом применительно к грузино-абхазскому конфликту. Я относилась это к конфликтам внутри обществ. Но, может быть, мне надо это более четко сформулировать.

Арда Инал-Ипа – Я не знаю, насколько развитое гражданское общество может способствовать урегулированию. Многие из нас об этом говорили. Может быть, мы ошибаемся. Но хотелось бы, если это возможно, услышать почему.

Батал Кобахия – Мы постоянно ссылаемся на эту статью в «Республике Абхазия». Но там ведь есть один момент: понятие «гражданского общества», которое, согласно этой статье неприемлемо для Абхазии, путают со способами урегулирования конфликта. Потому что воспринимают, что гражданское общество, которое они ругают – это то общество, которое исключительно занимается разрешением конфликтов, снятием образа врага. Нет понимания того, что у гражданского общества очень много функций и поиск пути разрешения конфликта лишь одна из них. И даже в жизненной практике, когда это касается каких-то гражданских инициатив в чисто социальной сфере, которая оторвана от политического конфликта, тогда особых про-

тиворечий не бывает с теми оппонентами, о которых мы говорим. То есть, у них у самих путаница.

Роман Дбар – Что касается гражданского общества, то у нас тоже, конечно, существует проблема точного определения границ гражданского общества. Границы гражданского общества, во всяком случае, для себя, мы до сих пор не определили. Мы считаем, что партийная структура общества, во всяком случае, оппозиционная, включена в этот процесс. Мы считаем, что третий сектор находится в гражданском обществе, как и бизнес сектор. Некоторые понимают гражданское общество очень узко. Батал очень часто говорит, что под гражданским обществом некоторые понимают исключительно третий сектор. Так сказать, третий сектор вообще представлен ЦГП и получается, что гражданское общество это ЦГП. (смех в зале).

Если говорить о гражданском обществе в самом широком его понимании, я считаю, что, конечно, самая большая проблема – это вопрос корреспондирования действующего гражданского общества в нашем обществе. Оно на самом деле существует в том представлении, которое существует на Западе. Никто не станет отрицать, что мы являемся частью Средиземноморской европейской культуры в более значительной степени, чем, может быть, кто-либо другой. Другое дело, что считая себя частью западной цивилизации, тем не менее, мы никогда не пытаемся найти этот мост, через который можно переводить наши ценности, являющиеся европейскими ценностями, в действующие представления гражданского общества сегодняшнего европейского мира. Поэтому я считаю, что нам нужно концентрироваться в значительной степени на этом аспекте для того, чтобы создать нормальный, эффективно действующий гражданский сектор в нашем обществе.

Манана Гургулия – Совсем небольшая реплика. Если я правильно поняла, Нателла говорила о том, что, в общем-то, Абхазия, абхазское общество, ставит целью разрыв всяких отношений с Грузией, юридических, правовых и т.д. Мне все-таки кажется, что более корректно говорить не о разрыве всяких отношений, а об установлении равноправных отношений, потому что все-таки отношения между Гру-

зией и Абхазией существуют. Они существовали и непосредственно во время боевых действий и после них. Другое дело, каков характер этих отношений, какова юридическая, правовая основа и база этих отношений. Вот этот нюанс.

Нателла Акаба – Но в обществе часто высказывается мнение, что, если мы провозгласили независимость, то о каких юридических правовых отношениях с грузинами можно говорить?!

Манана Гургулия – Даже независимость предполагает установление отношений, по крайней мере, с соседними государствами. Либо она предполагает абсолютную изоляцию.

Марина Пагава – Нателла, ты сказала, что гражданское общество мало работает на низшем уровне и зависло на среднем и высшем. Мне бы хотелось, чтобы некоторые из нас зависли на высшем, но что ты имела в виду?

Нателла Акаба – Я вижу свой личный грех в том, что я мало пытаюсь объяснить, например, сельскому жителю, свою позицию. И, между прочим, в тех немногих случаях, когда мне удастся поехать в село, встретиться с людьми, я ощущаю, насколько становится легче понимать наш народ, и насколько легче народ нас понимает. В принципе у нас нет глубоких причин для взаимного отчуждения. Просто почему-то мы не можем преодолеть этот барьер. Я не знаю почему.

Тенгиз Пачкория – Сегодня подняли тему, по которой я хочу высказаться. Это тема появления американских военных инструкторов и ажиотажа и значимости этого события. Я уверен, и у меня есть много единомышленников, что ажиотаж и значимость этого факта по разным причинам искусственно раздуваются не только российскими и, допустим, частично абхазскими политиками и обществом, но и самими грузинскими политиками и частью грузинского общества. Почему? Властям Грузии выгодно раздувать значимость этого события. Вот, приехали, мол, американцы, мы столько лет этого добивались, и Америка обратила на нас серьезное внимание. Преподносят

как свой успех. А на самом деле, я думаю, это не столько успех руководства Грузии, сколько США на каком-то этапе решили осуществить эту программу оказания помощи в силу известных международных обстоятельств, и эта программа заранее готовилась.

Второй момент, почему это выгодно грузинским властям с точки зрения укрепления позиции власти, связан с тем, что говорится, что скоро будут решаться проблемы, которые стоят перед Грузией. И надежда появляется, что мы будем более сильным государством, у нас будет более боеспособная армия и так далее. То есть, само создание такой армии покажет нашу силу, и с нами будут считаться. Не для того, чтобы воевать, а чтобы считались.

И третий момент – поддержание иллюзии, что все идет хорошо. Но прошло два месяца, февраль, март, и когда затянулся их приезд почти на полтора месяца, очень многие журналисты спрашивали: «Так, где же эти американцы?» Объясняли, что они учат грузинский язык, изучают традиции, и так далее. И действительно, многие из них владеют сотнями хороших и плохих грузинских выражений для более близкого общения. Но этот процесс затянулся, и иллюзии прошли.

Та часть оппозиции – которая раньше поддерживала Шеварднадзе, а последние два года находится в оппозиции, тоже действует в своих интересах и говорит, что надо углублять сотрудничество с США. Левая оппозиция ведет себя совсем по-другому, хотя она особенно сильно не шумела, антиамериканских заявлений не делала, но более настороженно к этому отнеслась. Но когда иллюзии прошли, шум прошел, надо было поддержать этот дух и веру в то, что все решается. На самом деле, как потом выяснилось, президент Грузии дал гарантии, что эти грузинские войска, которых американцы подготовят, не будут использоваться в зонах конфликтов. Потом на пресс-конференции он сказал, что письменных гарантий он не давал, а просто заявил, что они не будут использоваться для решения каких-то проблем, не связанных сугубо со спецоперациями и т.д. В том числе и в Абхазии не будут использоваться. Но наступил новый момент после встречи Буша и Путина в Москве. В течение двух-трех недель и властные структуры, и оппозиционные заявляли, что, дескать, они столько времени обсуждали абхазскую тему, грузинские вопросы, что ими уже нарисована схема урегулирования абхазского конфликта.

Прошло больше месяца и никакой схемы. Если она есть, то что-то же должно было оживиться на переговорном уровне или на каком-то другом уровне? Таким образом, опять эта часть иллюзий прошла.

И последнее, уже для поддержания духа. После выступления Путина в Москве 24-го на пресс-конференции, президент Грузии сказал, что важно, что Путин заявил, что в негативных отношениях между Грузией и Россией, которые сложились в последние десять лет, виновата не только Грузия, но и Россия. Это очень важно, и отсюда должны последовать шаги.

Почему я сейчас об этом говорю? Может быть, действительно они что-то там обговорили? После встречи Буша и Путина был серьезный разговор на всех уровнях о том, что Грузию, дескать, обменяли на Кубу. Кубу переводят в сферу влияния Америки, а Грузию – в сферу влияния России. Такой разговор поддерживался искусственно в высоких кругах, но на самом деле фактически ничего такого не произошло.

Нателла Акаба – Я хочу сказать, что Батал мне очень помогал в творческом процессе своими замечаниями. Я благодарна за его вопросы, потому что они меня заставляют более четко шлифовать свои выводы. И то, что Арда сказала, для меня звучит несколько неожиданно, потому что в принципе мы все согласны, наверное, с тем, что гражданское общество может сыграть позитивную роль в урегулировании грузино-абхазского конфликта. Но в то же время надо, наверное, признать, что не такой это простой процесс, и не так все это однозначно. На каких-то этапах и в каких-то других сферах само гражданское общество, как и демократия в целом, могут тоже вызывать конфликты, вот что я пыталась сказать. И, мне кажется, в ходе дискуссии и в тексте опубликованных статей эта мысль тоже присутствует. Потому что все мы знаем, что в тоталитарном обществе мы жили очень мирно и, как нам казалось, любили друг друга, но как только мы перешли к какой-то иной системе управления, сразу на поверхность выплеснулись какие-то конфликты. Просто демократия, наверное, очень большой вызов, и нельзя нам слишком легко к этому относиться и думать, что когда мы построим демократическое общество, то все конфликты сами собой урегулируются.

Нодар Сарджвеладзе – Хочу сказать об оценке народной дипломатии. Хотя у меня тема другая, тема беженцев, но я все-таки хочу отметить, что кроме того, что перечислил Гия, я бы сказал, что в нашем варианте народной дипломатии есть еще один момент – это интеллектуальная продукция, которая создана в результате народно-дипломатической активности на наших конференциях. То, что мы создали в виде этих книг и текстов, имеет в моем понимании большое значение не только на данный момент истории и нашей жизни, но и, наверное, для тех людей, которые в последующем будут читать это и анализировать и т.д. Поэтому я лично очень горжусь тем, что участвую в этом процессе и горжусь тем, что такие хорошие материалы были собраны в этих сборниках, и тем, что на меня возложена функция сделать обзор темы беженцев, проблемы беженцев.

О ПРОБЛЕМЕ БЕЖЕНЦЕВ

Проблема беженцев – один из центральных вопросов в грузино-абхазском конфликте. Несмотря на то, что эта тема явно заслуживает пристального внимания как политиков, так и аналитиков и представителей неофициальной дипломатии, в 8-ми столь обстоятельных сборниках она освещается относительно скудно. Из примерно 70-ти статей сборников непосредственно сфокусированы на тему беженцев лишь 5. Четыре статьи из этих пяти отражают эмпирический материал, собранный в результате социологических или социально-психологических исследований, пятая носит публицистическо-теоретический характер. В том или ином контексте проблема беженцев мимоходом упоминается еще в четырех статьях, посвященных другой тематике. Что же касается множества выступлений в дискуссиях, представленных в сборниках с такой стенографической точностью, данный вопрос упоминается лишь в нескольких из них (в 4-х или 5-ти выступлениях).

В чем заключается сущность данного обстоятельства? Симптомом чего оно является? Если проблема беженцев наряду с определением статуса Абхазии является важнейшим вопросом в плане урегулирования или трансформации конфликта, то почему ей уделяется относительно меньше внимания? Может, причина в том, что во встречах или дебатах, отраженных в сборниках, участвовало относительно малое количество беженцев из Абхазии, ныне проживающих в Тбилиси, Кутаиси, Зугдиди и других городах Грузии? Это не совсем верно, ибо, по моему подсчету, в общем количестве во встречах (в Сочи, в Москве, в Тбилиси) участвовало не менее 10 беженцев, однако лишь одна статья, отражавшая положение этой категории жертв конфликта, была представлена беженкой (М. Пагава, сб. 5, стр. 42-59). Один из участников тбилисской встречи, Г. Кварацхелия (сб. 6, стр. 87-88), отметил, что беженцев никто ничего не спрашивал ни тогда, когда они жили в Абхазии, ни ныне, когда они проживают в Тбилиси или в других городах Грузии, что их голос не слышен, они бесправны.

Исходя из этого, может быть, у участников встреч есть какое-то подспудное ощущение, что тема беженцев – не такая законная тема для обсуждения, как другие вопросы, связанные с государственным устройством, общими интересами и потребностями, построением гражданского общества, общими экологическими проблемами, демократизацией грузинского и абхазского обществ, возможностями неофициальной дипломатии и др. Создается впечатление, что тема беженцев растворилась в таком обилии вопросов, представленных на конференциях и дискуссионных встречах. И не только растворилась. По всей видимости, из-за огромной остроты вопроса участники проявляют некоторую осторожность, стараются отложить его рассмотрение. Такая реакция на остроту вопроса понятна и естественна, хотя тут же хочу особо подчеркнуть, что на пройденном пути диалога стороны не раз показывали примеры смелости и мужества конструктивно обсуждать самые острые и злободневные вопросы.

Несмотря на сказанное, материалы о проблемах беженцев представлены в достаточном объеме для того, чтобы они были заново рассмотрены, подытожены и отрефлексируются.

Хотелось бы начать с одного воспоминания. На одной из грузино-абхазских встреч – в 1999 году в г. Адлере, когда материалы наших встреч еще не стенографировались для дальнейшей публикации – автор этих строк высказался перед абхазскими коллегами, что смысл своего участия в этих встречах он мыслит в урегулировании вопроса о возвращении грузинских беженцев в Абхазию. На это последовала довольно эмоциональная и острая реакция со стороны абхазских участников встречи. В частности, Н. Акаба, ссылаясь на проблемы безопасности и возможность новых вспышек насилия после возвращения беженцев, довольно категорически опровергла такую возможность. Б. Кобахия сказал, что грузинской стороне лучше позаботится об интеграции грузинских беженцев внутри грузинского общества, нежели об их возвращении в Абхазию. Кроме того, он отметил, что для абхазцев важнее заботиться о возвращении абхазских махаджиров, проживающих в ближневосточных странах. На фоне этих рассуждений интересными и впечатляющими для меня были слова А. Инал-Ипа, которая высказала примерно такую мысль: мы находимся на грани XXI века, и понятие силы меняет свой смысл;

сила абхазцев именно в том и может проявиться, что они будут способствовать возвращению беженцев и мирному сосуществованию грузин и абхазцев. Именно на фоне этих рассуждений автор этих строк решил провести эмпирические исследования представлений и установок грузинских беженцев относительно примирения, мирного сосуществования, возвращения и возможностей народной дипломатии.

В первом сборнике, посвященном роли неофициальной дипломатии, в статье Н. Сарджвеладзе (сб. 1, стр. 233-246) приводятся материалы исследования жизни беженцев из Гали, проживающих в Зугдиди. (Известно, что гальские беженцы, в основном, проживают в Самегрело, в большинстве своем – в Зугдидском районе.) Исследование проводилось в 1998 г., после известных событий – возобновления конфликта и насилия. Методом фокус-групп были изучены насущные проблемы беженцев, их планы на будущее, их усилия, направленные на решение насущных проблем, а также их установки относительно народной дипломатии. Никем и ничем не защищенные беженцы указывали на ужасные бытовые условия, нищету, ухудшение здоровья и увеличение смертности. Все свои планы, долгосрочные и краткосрочные цели они связывали с надеждами на возвращение в Абхазию. Одновременно бросалось в глаза резко заниженное самоуважение, связанное с низким социальным статусом, ощущение ненужности и никчемности. Лаконичные фразы выявляют проблемы, связанные с экономической разрухой и послевоенной блокадой, чувством изолированности и отсутствием контактов с другими странами, вынужденной разлукой с родными вследствие экономической миграции, информационной блокадой, невостребованностью и отсутствием условий для самореализации – неуверенность в завтрашнем дне, состояние хронического стресса по поводу ожидания возобновления военных действий, неуверенность в возможности влиять на события как в плане разрешения конфликта, так и во внутренней общественно-политической жизни.

В этом контексте представляет большой интерес статья Б.Кобакхия, в которой представлены полученные в фокус-группах материалы об отношении к проблеме беженцев в абхазском обществе (сб. 4, стр. 186-220). Опрос показал, что в абхазском обществе проблема возвращения грузинских беженцев вызывает острые и неоднознач-

ные реакции. Однако определенная часть респондентов “допускает возможность возвращения при выполнении предварительных условий, которые могут послужить... гарантией безопасности как для принимающего населения, так и для самих возвращающихся. Основным таким условием является, по мнению большинства, политическое урегулирование конфликта” (сб. 4, стр. 220). Само политическое урегулирование понимается как признание равноправия с Грузией и признание независимости Абхазии. “Только после этого, по мнению респондентов, можно начинать поэтапное возвращение беженцев” (сб. 4, стр. 218). Часть респондентов критически относится к применимости термина “беженец” к грузинам: по их мнению, грузины не являются коренными жителями Абхазии, и поэтому они считают, что в результате военного конфликта грузинские беженцы были вынуждены вернуться на свою историческую родину, т.е. репатриироваться. Многие респонденты полагают, что проблема беженцев является как частью неразрешенного конфликта, так и объектом политического манипулирования. При этом респонденты “выражали возмущение тем, что под беженцами всегда понимают только грузинское население, в то время как существуют и представители других национальностей, вынужденно покинувшие пределы Абхазии... Не менее актуальной для опрошенных является и репатриация потомков абхазов, насильственно переселенных в конце 19 века в Турцию и страны Ближнего Востока” (сб. 4, стр. 218). Что касается грузинских беженцев, респонденты допускали возможность возвращения тех, “кто находится за пределами Грузии, кто жил в Абхазии до сталинских времен и главным образом тех, кто не причастен к войне ни прямо, ни косвенно, членов смешанных семей, гальцев” (сб. 4, стр. 218). Те респонденты, которые никак не допускали возможность возвращения грузинских беженцев, подчеркивали момент несовместимости, а также опасения ассимиляции – “грузинизации”. Если они в какой-то степени и шли на уступки и все же допускали такую возможность, то чаще всего назывался временной отрезок в 40 лет, по истечении которого можно думать о возвращении грузинских беженцев.

Определенная часть респондентов все же не исключает возможность мирного сосуществования абхазов и грузин в случае возвращения грузинских беженцев, если будут соблюдаться все условия

политического урегулирования (в вышеуказанном смысле). По их словам, для этого надо делать акцент на молодежь. Они считают, что опасности, которым могут подвергаться беженцы – как и абхазы – по их возвращении, связаны с отсутствием условий безопасности и с возможностью возобновления войны.

Тема возвращения в Абхазию грузинов-беженцев обсуждалась и в контексте докладов, непосредственно не относящихся к данному вопросу. Например, в контексте докладов Т. Хидашели и Г. Хубуа о федерализме прозвучали слова Н. Акаба: “Вы сказали, что Абхазия должна будет в чем-то уступить... Это будет существенная уступка, потому что ей придется уступить в вопросе возвращения беженцев и в вопросе совместного проживания” (сб.4, стр.160). И далее: “Мне кажется, абхазы давно уже честно ответили, и как бы кому-то ни было неприятно это слышать, но, в подавляющем большинстве своем, абхазское общество (не только этнические абхазы) не хочет жить с грузинами” (стр. 165). С другой стороны, Б. Кобахия в этом же контексте задал грузинским участникам вопрос: “Думали ли вы о возвращении на родину махаджиров?” На этот вопрос прозвучали два ответа – Т. Хидашели и Д. Силагадзе. Хотелось бы процитировать Д. Силагадзе: “К вопросу махаджирства. Уважаемый Батал... Лично я и движение, которое я представляю – за то, чтобы вернулись абхазы, которых в свое время выселили царская Россия и турецкая империя. Этот вопрос стоял еще в 20-х годах, и Нестор Апполонович Лакоба переживал: “Мы хотим их вернуть, а они почему-то не возвращаются.” Я думаю, что в течение полутора веков, которые они провели за пределами своей родины, они привились там, но кто захочет, пусть возвращаются, никто не смеет их остановить”(сб. 4, стр. 164).

В статье Н. Сарджвеладзе, Д. Джавахишвили и Т. Сихарулидзе (сб. 4, стр. 221-242) обсуждаются материалы исследования в фокус-группах, проведенных Фондом развития человеческих ресурсов (Тбилиси) среди грузинских беженцев из Абхазии. В статье обсуждаются общие грузино-абхазские неразрешенные противоречия и радикальные расхождения, которые как фон определяет жизнь конкретных людей, являющихся “беженцами в своей стране” (выражение одного респондента). Статья написана в январе 2000 г., но отмеченные авто-

рами фундаментальные и непримиримые противоречия и расхождения остаются неразрешенными и поныне. Ими являются:

- независимость Абхазии и территориальная целостность Грузии;
- закрытость абхазского общества и открытость грузинского;
- ориентация Грузии на Запад и ориентация Абхазии на Север (на Россию).

Эти три противоречия и расхождения образуют своеобразный общий каркас непримиримости, однако в те или иные конкретные периоды жизни этих двух обществ то одно из этих противоречий выступает на передний план, то другое. Например, в данный момент, в марте 2002 г., когда пишется данная статья, особую силу приобретает расхождение в ориентациях – на Запад и на Россию – приводящая к эскалации напряжения не только в грузино-абхазских, но, прежде всего, в грузино-российских отношениях.

Авторы исследовали методом фокус-групп жизнь беженцев из Сухуми, Гагры, Гали, Очамчире и т.д.

Групповые дискуссии фокусировались на таких темах, как неудовлетворенные потребности и проблемы беженцев, краткосрочные и долгосрочные планы, понимание народной дипломатии, восприятие беженцами идентичности абхазцев, вопрос о гражданстве в случае возвращения беженцев, как грузины и абхазы могли бы взаимно заботиться о безопасности друг друга в случае возвращения беженцев, что будет предпринято в случае невозвращения беженцев в Абхазию.

При обсуждении нужд и проблем беженцы делали акцент на материальной беспомощности, безработице, отчужденности от общества, чувстве никчемности и ненужности, недоверии к правительству, центральным и местным органам управления, ухудшением здоровья. В этом контексте центральным лейтмотивом краткосрочных и долгосрочных планов выступает возвращение в Абхазию, однако в целом беженцы резистентны относительно планирования жизни на будущее. Беженцы чаще всего отмечают, что их возвращение должно осуществиться мирным путем, однако некоторые мужчины-респонденты высказывались, что в случае необходимости будут воевать.

В целом беженцы положительно относятся к возможностям народной дипломатии, однако некоторые из них отмечают беспомощность народной дипломатии в силу двух причин: с одной стороны, в Абхазии и Грузии всегда найдутся силы, которые не устраивает процесс грузино-абхазского примирения, и они регулярно будут создавать непреодолимые препятствия народно-дипломатическому процессу; с другой же стороны, абхазы пропитаны ненавистью к грузинам и внедряют в сознание подрастающего поколения образ грузина как врага. Беженцы перечисляют факторы, мешающие в мирному сосуществованию грузин и абхазов в случае возвращения в Абхазию, среди которых в первую очередь упоминается тема взаимного страха и отсутствие гарантий безопасности, в связи с чем придется ввести военное положение. Кроме того, надо будет объяснить народу, что грузинский и абхазский народы невиновны в разжигании войны и конфликт был навязан внешними силами, но вместе с тем грузины и абхазы должны признать свою вину и покаяться друг перед другом. Что касается взаимной заботы о безопасности, грузинские беженцы считают, что грузинской стороне необходимо разработать недискриминационные законы, обеспечивающие равноправие сторон, создать совместные полицейские и армейские службы охраны правопорядка, беречь самоуважение абхазов, ориентироваться на прощение и уступки, не допускать агрессивных действий в адрес абхазов. Для абхазской стороны грузинские беженцы считают целесообразным соблюдение следующих принципов обеспечения безопасности: разоружение и изъятие оружия у абхазского и грузинского населения, взаимное прощение и уступки, выражение толерантных установок в адрес грузин, возвращение домов и квартир прежним владельцам – грузинам. Вместе с тем беженцы связывают проблему возвращения и безопасности с сохранением своей этнической идентичности и чувства собственного достоинства. В связи с этим представляет интерес то, как воспринимают грузинские беженцы идентичность абхазцев. Образ этнической принадлежности абхазов в сознании грузинских беженцев расплывчат и является смесью следующих допущений: 1) абхазы – независимая национальность; 2) абхазы – регионально-этническая составляющая Грузии, такая же, как мегрелы, сваны, гурийцы и т.д.; 3) абхазы – это сами грузинские беженцы; абхазы

– это древнегрузинский этнос, а те, кто сейчас проживает в Абхазии – это апсуа, являющиеся смесью апсуа, абшилов и абазгов; 4) 90% абхазцев являются обабхазившимися грузинами, остальные же – северо-западные кавказцы.

Абсолютное большинство беженцев однозначно заявляют, что возвратятся в Абхазию только как граждане Грузии. Мысли о невозвращении в Абхазию беженцы не допускают.

При обсуждении данного доклада абхазские участники поставили следующие вопросы: 1) как относятся к беженцам из Абхазии местные жители грузинских городов и регионов; 2) изучается ли вопрос о возможности интеграции беженцев на местах их нынешнего проживания. Отношения местного населения Грузии к беженцам из Абхазии имеет определенную динамику. В первые дни и месяцы насильственной миграции беженцев в разные города и регионы Грузии местное население сочувственно относилось к беженцам и всячески им помогало. Однако со временем трудности социально-экономического порядка обусловили возникновение определенного напряженного отношения местного населения к беженцам и беженцев к местным жителям. Что же касается интеграции беженцев на местах их нынешнего проживания – этот вопрос упирается в основную установку как правительства Грузии, так и беженцев, а также почти всего населения Грузии. Данная установка выражается в краткой формуле: или возвращение в Абхазию, или возвращение в Абхазию. Интеграция беженцев с местным населением противоречит этой установке. Она невыгодна ни правительству Грузии, ни беженцам из Абхазии, ни местным жителям тех или иных городов и регионов Грузии.

В 5-ом сборнике опубликована статья М. Пагава “Перемещенные” (сб. 5, стр. 342-347). В ней ставится вопрос об интеграции беженцев. Автор описывает, как шел процесс – от первого периода жизни беженцев, когда их с чувством сострадания и желанием помочь и приютить приняли в Тбилиси, Зугдиди, Кутаиси и в других городах Грузии, к последующему периоду, когда все очевидным становится их отчуждение от коренного общества. Беженцы как оторванная и отчужденная часть грузинского населения живут в состоянии неопределенности, без каких-либо перспектив. У них негладкие и порой весьма напряженные отношения с местным населением. В

связи с этим автор ставит вопрос: возвращение или интеграция? Автор пытается осмыслить следующую проблему: “Почему, когда в Грузии функционирует так много правительственных, неправительственных и международных организаций, занятых проблемами перемещенных, когда задействованы значительные человеческие и материальные ресурсы, положение людей остается тяжелым и продолжает неуклонно ухудшаться... Почему изолированность, «оторванность» нашей среды стала системной проблемой, тормозящей процессы внутреннего и интеграционного развития?” (сб. 5, стр. 344). Далее автор перечисляет факторы отчуждения беженцев, тормозящие интеграционный процесс: 1) информационная недостаточность; 2) отсутствие систематической координации, или т.н. “обратной связи”, между средой перемещенных и организациями, занятыми их проблемами – правительственными и неправительственными; 3) экономический фактор (экономический кризис и безработица); 4) политический, когда ни политики, ни правительство не предложили “Программы действия”, но выбрали некую форму “ублажения” беженцев под названием “надежда на возвращение”. И затем автор вкратце рассматривает “Новый подход”, нацеленный на временную интеграцию – экспериментальную программу, предложенную правительством Грузии, Программой действия ООН, Верховным комиссариатом по делам беженцев ООН и Координационным офисом ООН.

В связи с проблемой отчуждения и интеграции в 8-ом сборнике публикуется статья Н. Сарджвеладзе (сб. 8, стр. 7-26), в которой предлагается рассмотреть четыре категории беженцев с точки зрения их самоидентификации:

- 1) ассимилировавшиеся, т.е. та категория беженцев, которые порвали со старой идентичностью выходца из Абхазии и растворились в новой среде обитания, полностью переопределили самих себя в категориях нынешней обстановки и среды жизни, порвав связи со своими корнями;
- 2) сепарировавшиеся, т.е. та категория беженцев (а их большинство), которые полностью “погружены” в старую идентичность, постепенно отчуждаясь и отрываясь от нынешней среды обитания;

- 3) маргиналы, т.е. категория беженцев, которые потеряли старую идентичность, не приобретя новую, и ощущают свою никчемность и ненужность для общества;
- 4) интегрировавшиеся, т.е. те из них, которые сохранили свою прежнюю идентичность, одновременно успешно адаптировавшись к новым условиям жизни и расширивших свою идентичность за счет новых ценностей, целей жизни, новых связей и возможностей. Эта категория беженцев весьма малочисленна.

В том же 8-ом сборнике прозвучали конкретные предложения Г. Анчабадзе (сб. 8, стр. 138-142), согласно которым до полного урегулирования конфликта и определения статуса Абхазии следовало бы найти механизмы посещения грузинскими беженцами Абхазии – родных мест и кладбищ, организовать встречи родственников, старых друзей и т.д. Подобные промежуточные мероприятия, действительно, помогли бы процессу взаимопонимания и повысили бы потенциал народной дипломатии.

Такова палитра суждений и мнений по поводу проблемы беженцев, представленных в материалах сборников. Нам представляется, что эта злободневная тема заслуживает более глубокого и широкого подхода. Такой подход не только необходим, но и перспективен.

Однако бросается в глаза, что вопрос о возвращении грузинских беженцев в Абхазию сталкивается со следующими проблемами:

- определение политического статуса Абхазии;
- обеспечение безопасности населения;
- обеспечение демографического баланса и боязнь абхазского населения демографического превосходства грузин в случае массового возвращения беженцев.

Разрешимы ли эти проблемы, и если да, то как? Трудно ответить на этот вопрос в силу его сложности. Однако очевидным является тот факт, что даже если в обозримом будущем грузинские беженцы организованно возвратятся в Абхазию, то они возвратятся не в ту привычную среду, в которой жили прежде, а в совершенно другую атмосферу бытия. В этой атмосфере, как отметил в одной из дискус-

сий Р. Дбар, трудно найти место не только для грузинского беженца, но и для самого абхазца-возвращенца, который после войны живет, например, в Москве или других городах России. В какую Абхазию стремятся возвратится грузинские беженцы? В прежнюю ли? Прежней, довоенной Абхазии не существует, она существенно изменилась по своему духу. В независимую Республику Абхазию? Грузинские беженцы не мыслят свое возвращение в качестве граждан независимого государства Абхазии. В Абхазию в составе Грузии? В такую Абхазию грузинский беженец стремится всей душой, однако для абхазского населения немислимо жить в Грузии, каким бы расширенным ни был формат автономии и независимости Абхазии. В общее абхазско-грузинское государство? Для грузинского беженца такой вариант государственности – слишком абстрактное и непонятное понятие. В Абхазию в составе России либо ассоциированную с Россией? Подобный вариант не устраивает не только грузинского беженца, но и сам абхазский социум. Вместе с тем мысль о невозвращении в Абхазию грузинским беженцем полностью отвергается. В такой ситуации единственным убежищем для него остается надежда, которая, как говорят, умирает последней.

Литература

1. Анчабадзе Г. Базовые интересы Абхазии и Грузии: шаги к укреплению доверия. “Аспекты грузино-абхазского конфликта”, вып. 8, 2001, сс. 138-174.
2. Кварацхелия Г. Там же, вып. 6, 2001, сс. 87-88.
3. Кварчелия Л. Современный контекст и перспективы грузино-абхазского урегулирования (материалы исследования общественного мнения методом фокус – групп). Там же, вып. 4, 2000, сс. 174-186.
4. Кобахия Б. Отношение к проблеме беженцев (результаты опроса методом фокус-групп). Там же, сс. 186-211.
5. Пагава М. Перемещенные. Там же, вып. 5, 2000, сс. 342-345.
6. Сарджвеладзе Н. Народная дипломатия глазами грузинского беженца из Абхазии. “Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе”, 1999, сс. 232-247, 1999.
7. Сарджвеладзе Н., Джавахишвили Д., Сихарулидзе Т. Беженцы о примирении, безопасности и возвращении в Абхазию. “Аспекты грузино-абхазского конфликта”, вып. 4, 2000, сс. 221-242.
8. Сарджвеладзе Н. Основные потребности и интересы абхазского и грузинского обществ. Там же, вып. 8, 2001, сс. 7-26.

9. Хидашели Т. Регулирование конфликта путем государственно-территориального устройства. Там же, вып. 4, 2000, сс. 130-146.

10. Хубуа Г. Федерализм как средство преодоления конфликтов. Там же, сс. 147-174.

ДИСКУССИЯ

Арда Инал-Ипа – Интересно было бы все-таки, если бы каждая статья заканчивалась выводом о том, претерпел ли подход с абхазской и грузинской стороны к определенной проблеме какое-то изменение или нет. С чего мы начали, на том и остановились? Может быть, мы просто более вежливые слова стали выбирать? Или все-таки есть какое-то качественное изменение? Например, сначала какой-то аспект проблемы нами вообще не рассматривался, а в процессе обсуждений он появился. Я не говорю о том, что сначала мы не знали, как решить ту или иную проблему, а в конце проекта узнали. Конечно, такого не было. Но, возможно, характер обсуждения менялся, или наоборот не менялся. То есть, хотелось бы, чтобы авторы, и это относится не только к Нодару, смогли бы констатировать, произошли ли какие-то изменения в позиции как абхазской стороны, так и грузинской в обсуждении конкретных вопросов. Может быть, что-то новое появилось, может, наоборот, какой-то аспект вообще перестал быть актуальным. Может, в каких-то вопросах найдено взаимопонимание, или наоборот. Это было бы интересней.

Георгий Анчабадзе – Нодар говорил, что во время опроса беженцев, когда их спрашивали, кто такие абхазы, то они давали разные ответы. Примерно какой процент был тех, кто говорил, что абхазы – это отдельный народ?

Нодар Сарджвеладзе – Группы состояли из шести человек, и не все могли высказаться. Такие качественные методы не приспособлены к тому, чтобы проценты выделять. Чтобы этот вопрос изучить, надо, наверное, создать отдельный вопросник, потом его распространить, с тем, чтобы он дал возможность количественной обработки. В данном случае была интересна палитра.

Даур Начкебия
редактор газеты «Айтайра»

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА АБХАЗИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ПРОЕКТА «ПУТИ ПОСТРОЕНИЯ МИРА – ИССЛЕДОВАНИЕ РОЛИ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТА»

(Обзор)

Статус Абхазии – самая болезненная проблема в урегулировании грузино-абхазских взаимоотношений. Ни у кого из участников проекта это не вызывает сомнений. На встрече в Москве в марте 2000 г. председатель неправительственного общественного движения «Примирение» Давид Силагадзе в своем докладе «Народная дипломатия в абхазском конфликте...» уделил серьезное внимание именно этой проблеме. В частности, в докладе говорится следующее: «...Острой и важной проблемой в абхазо-грузинских отношениях, умалчивание которой можно приравнять к отказу от попыток мирного урегулирования конфликта, является вопрос о **статусе Абхазии**. Это тот краеугольный камень, на котором должны воздвигнуться абхазо-грузинские общественные, политические и экономические отношения. Вопрос политического статуса Абхазии – почти ровесник двадцатого века, а может быть, и вдвое старше.

Вопрос этот появлялся периодически и повторялся через хронометрически точные промежутки времени, примерно в каждые десять лет, однако свое окончательное разрешение он пока еще не нашел. Особую актуальность проблема приобрела в конце семидесятых и на протяжении восьмидесятых годов, когда предложениям по вопросам политического устройства абхазо-грузинских отношений был придан характер открытой полемики с помощью средств массовой информации.

Несмотря на это, объективности ради следует признать, что диалог фактически не состоялся. К большому сожалению, грузинская

сторона существование Абхазии вне Грузии считала настолько нерелевантным, что даже возможность постановки такого вопроса не признавала возможной. Не было даже попыток включиться в диалог, а отдельные отрывочные истеричные реплики (зачастую поверхностные и неаргументированные) ограничивались только оценкой правомерности постановки такого вопроса.

Начиная с 1989 года, а тем более после 1992 года, «моно – или диалог» вовсе прекратился.

После прекращения боевых действий подходы сторон к вопросу политического статуса Абхазии качественно изменились. Неоднократные публичные обещания Президента Грузии, в том числе и с трибуны ООН, о предоставлении Абхазии самой широкой автономии остаются без ответа. Монологу Президента абхазская сторона отвечает коротко: они в Конституции Абхазии 1994 года уже определили политический статус своей страны, и продолжение обсуждения данного вопроса считают бессмысленным.

...Без определения и согласования формулы политического статуса, абхазо-грузинское противостояние не может считаться разрешенным».

Статус Абхазии – действительно краеугольный камень, о который спотыкаются все, кто непосредственно или опосредованно вовлечен в данный конфликт. Как было уже сказано, официальные власти Абхазии и Грузии в этом вопросе придерживаются диаметрально противоположных позиций. Сухум, в соответствии с Конституцией Абхазии и результатами референдума 1999 года, настаивает на признании Абхазии как независимого суверенного государства. Для официального Тбилиси приемлемо только одно: территориальная целостность Грузии, в которой Абхазия является в лучшем случае автономным образованием. «Если коротко обозначить позиции сторон, то абхазская позиция – независимость Абхазии и не возвращать беженцев, грузинская – восстановление территориальной целостности и возвращение беженцев, то есть абсолютно взаимоисключающие друг друга позиции». (Арда Инал-ипа, Москва, март 2000 г.)

Если обе стороны будут придерживаться таких диаметрально противоположных подходов к решению проблемы статуса Абхазии,

вряд ли в ближайшее время возможен прорыв в урегулировании грузино-абхазского конфликта.

Участники проекта «Пути построения мира – исследование роли народной дипломатии в урегулировании грузино-абхазского конфликта» на своих встречах не раз обсуждали эту острую проблему. В ходе многочасовых дискуссий было рассмотрено множество подходов и моделей. Непростые обсуждения моделей представителями двух сторон конфликта еще раз показали всю сложность данного вопроса. При всем желании трудно найти одновременно справедливого и взаимоприемлемого решения, когда исходные требования сторон настолько несовместимы.

Естественно, что существует два подхода к этой проблеме: подход грузин и подход абхазов. После окончания грузино-абхазской войны 1992-1993 гг. Абхазия стала фактически отдельным от Грузии государством, хотя нормативные международные акты продолжают считать ее автономной частью Грузии. С точки зрения абхазов, их желание иметь собственное государство не должно оспариваться: это право каждого народа. Тем более, что Абхазия отпала от Грузии после кровопролитной войны, развязанной политической верхушкой Грузии.

Когда все-таки встает вопрос, зачем абхазам собственное государство, абхазы, среди прочих аргументов, выдвигают и такой, самый главный на их взгляд: совместное государство с грузинами несет угрозу абхазскому народу как этнической единице. Для подтверждения этой точки зрения есть множество красноречивых примеров из истории прошлого века, когда официальными властями Грузии проводилась политика искусственной ассимиляции абхазов. Поэтому не удивительно, что когда идет речь о едином государстве абхазов и грузин, абхазы говорят: «Модель федеративных отношений между Абхазией и Грузией... не может служить гарантом этнической безопасности». (Манана Гургулия. «Народная дипломатия: реальность и иллюзии». Сочи, март 1999 г.).

В принципе, можно говорить о том, что для абхазов выживание этноса – это главная проблема. Соответственно с этим и грузины, участники проекта, предлагая различные модели единого государства, в первую очередь имеют в виду это опасение абхазов.

Правда, на первых встречах еще не было такого понимания опасений противоположной стороны. Но когда по мере углубления дискуссий стали обсуждаться и анализироваться опасения и страхи сторон, любая предлагавшаяся форма политического статуса Абхазии или модель взаимоотношения сторон стала корректироваться под углом зрения проблемы этнического самосохранения абхазов. Можно считать большим достижением проекта то, что совместный процесс осмысления сложностей грузино-абхазского противостояния, осознание глубины проблем, лежащих в основе конфликта делает очевидным невозможность насильственного его разрешения. Очередная война помимо своей антигуманности сможет породить только новые неразрешимые проблемы. И с другой стороны, сам характер ведущихся дискуссий свидетельствует о том, что участники проекта искренне заинтересованы в справедливом, не ущемляющем никого решении конфликта.

Участники проекта с грузинской стороны понимают, что возвращение к старым формам отношений, когда Абхазия как автономная единица входила в состав Грузинской ССР, невозможно, в то время как официальные грузинские власти, да и международное сообщество в лице ООН, продолжают говорить о какой-то широкой автономии. Нереальность подобного решения конфликта осознают большинство участников проекта: «Разговоры о том, что Грузия предлагает широкую автономию Абхазии – только декларация, потому что за ней ничего не стоит. Нигде в мире, ни в одной библиотеке, ни в каких юридических документах вы не найдете определения широкой автономии...». (Паата Закареишвили. Теледискуссия в «Студии Ре», Тбилиси, 11 декабря 1999 г.). Несколько позже, в марте 2000 года в Москве Давид Бердзенишвили сказал следующее: «После войны, после той ситуации, которая сложилась сейчас, просто бесполезно говорить о вхождении Абхазии в состав Грузии, где грузинский центр хотя бы формально передавал какие-нибудь полномочия региону». Естественно, что и абхазские участники отрицают возможность возврата к прошлому, так, Абесалом Лепсая пишет: «Трудно представить, что... Абхазия согласится на автономию в составе Грузии...»

Поэтому идет поиск более реалистических моделей. Во время уже упоминавшейся дискуссии в «Студии Ре» были высказаны и дру-

гие взгляды. Давид Бердзенишвили, в частности сказал, что «абхазы имеют право создать отдельное государство, но при этом необходимо найти такую модель, по которой абхазы и грузины предпочтут жить в одном государстве, а иначе территория бывшей Абхазской АССР будет разделена между абхазской и грузинской сторонами». Там же была высказана мысль о том, что «конфедеративная модель ближе всего к взаимному компромиссу» (Гоги Лорткипанидзе). Представители грузинской стороны часто решение конфликта связывали с федеративными отношениями. Так например, Георгий Анчабадзе считает, что: «Выход из создавшегося тупика можно найти путем образования такого государства в международно-признанных границах Грузии, в котором будет реализован политический суверенитет обеих наций. Таким государством мне представляется широкая федерация или конфедерация».

Однако чисто федеративные отношения между Абхазией и Грузией вызывают сомнения не только у представителей Абхазии, но и у некоторых грузин. Например, Давид Бердзенишвили считает, что это не решит проблемы статуса Абхазии: «Статус субъекта многосубъектной федерации абхазскую проблему не решит. «Федеральность» грузинских (или, как предпочитают некоторые абхазские авторы – картвельских) исторических регионов (земель) будет искусственной и неадекватной. Асимметричный регионализм способствовал бы превращению пестрой Грузии в плюралистическое общество. И грузино-абхазский диалог, на наш взгляд, имеет шанс выработать единую позицию по созданию общего государства. Чем дальше, тем меньше становятся шансы совместного проживания грузин и абхазов в совместном государстве. За рекой Ингури, фактической границей между Грузией и Абхазией, утверждается независимый от Тбилиси образ жизни и образуется де-факто государственная единица.

В Тбилиси уже заговорили о праве абхазов на создание независимого государства. Другое дело, есть ли у них реальный ресурс обустройства государственной жизни, насколько готовы внутренние и внешние условия для реализации этого права.

Государственная целостность Грузии защищена документами, принятыми ООН и ОБСЕ. Однако на последней стадии завершения холодной войны, в процессе распада СССР и, особенно, Югославии,

стало ясно, что нормы международного права отстали от жизни, и реально территориальную целостность Грузии сегодня больше защищает политическая конъюнктура, чем документы и нормы.

...Пока реально существует поддержка Запада, грузины не должны бояться установления горизонтальных отношений между Тбилиси и Сухуми. Возможно, что есть шанс создания двухсубъектного, равноправного, общего и единого государства грузин и абхазов. Тысячу лет тому назад Грузия образовалась как царство абхазов и грузин. Несмотря на культурно-политический приоритет грузин, это была модель сосуществования двух этносов в едином государстве. Грузия состоится как современное плюралистическое государство, если удастся защитить суверенные права этих двух народов.

...Абхазия уже не вмещается в рамки асимметричного регионализма. Грузии придется применить испанский опыт к Южной Осетии, Аджарии и другим регионам. А реальное единство общего грузинско-абхазского государства будет зависеть от того, сможет ли его население пройти путь от протообщества к гражданскому обществу. Мы считаем, что формой общего государства могло бы стать Объединенное Государство Грузия, членами-субъектами которого были бы Республика Грузия и Республика Абхазия. («Единство через разделение (Проблемы регионализма Грузии и общего грузино-абхазского государства)». Москва, март 2000 г.)

Тинико Хидашели в своей статье «Регулирование конфликта путем государственно-территориального устройства» (Москва, 2000) предлагает модель, согласно которой Грузия и Абхазия являются составляющими общего союзного государства, где Грузия сама – федеративное государство. У Георгия Хубуа («Федерализм как средство преодоления конфликтов», Москва, 2000) несколько иной вариант: «1. На основании федерального договора Абхазия входит в состав Грузии. ...4. Абхазия является членом единого грузинского государства, а не его частью (как это бывает в случае автономии). Соответственно, правопорядок Абхазии есть не делегированный правопорядок, а «член-правапорядок» государства. Центр не «дает» Абхазии компетенций, поскольку тот, кто что-либо «дает», может и «отобрать» данное».

На той же встрече в Москве в марте 2000 года были предложены и другие способы решения проблемы статуса Абхазии. «Одна из мо-

делей, которая представляется мне наиболее перспективной – это модель кондоминиума, или, скажем, двойного вассалитета, или двойного протектората, которая реально осуществляется сегодня в отношении Андорры. ... Я думаю, что если бы можно было установить такой двойной вассалитет, формально на карте Абхазия будет окрашена в грузинский цвет или в вариант грузинского цвета. Но если можно будет двойной вассалитет в целом на 90% независимой Абхазии между двумя странами: Грузией и Россией, по модели Андорры, то это было бы наилучшим вариантом». (Сергей Арутюнов. «Еще один вариант урегулирования грузино-абхазского конфликта», Москва, 2000).

Там же, в Москве в 2000 году Станислав Лакоба предложил целый ряд моделей государственного устройства Абхазии. «Учитывая, что в Абхазии в данное время напрямую сталкиваются не столько российско-грузинские, сколько российско-западные противоречия, следовало бы в интересах международного сообщества разработать и предложить реальные модели государственного устройства Абхазии (вплоть до нейтрального государства на Кавказе; по типу Андорры; государства под опекой международных организаций и т.д.), которые устроили бы заинтересованные стороны и послужили бы образцом установления мира в этом важном регионе Кавказа». (Станислав Лакоба «Грузино-абхазские отношения в контексте российской политики на Кавказе»).

Сложность решения проблемы статуса Абхазии подвинула участников проекта к новым подходам. «Мы начинаем обсуждение сразу на уровне разговоров о независимости, протектората или других моделей. Почему нельзя начать процесс с того, что можно делать сегодня? Предпринимать первые шаги, успешное осуществление которых даст нам возможность верить друг другу. То есть нужно решаться на практические шаги, которые приведут к какому-то результату, не обсуждая долгосрочных перспектив объединения или разъединения этих государств». (Абесалом Лепса, Москва, 2000 г.).

Немного позже, на августовской встрече Георгий Анчабадзе предлагает вариант двуединого государства, состоящего из двух равноправных субъектов: «На современном этапе... позиции сторон в вопросе о государственном статусе Абхазии остаются спорными и диа-

метрально противоположными. Так, если официальная грузинская точка зрения непременно видит будущую Абхазию в составе Грузии как одну из автономных единиц, то абхазская сторона давно уже в одностороннем порядке провозгласила независимость, и ее официальные представители отказываются рассматривать вопрос статуса, объявляя его окончательно решенным...

...В отличие от официальных позиций, на неправительственном уровне можно услышать и предложения о возможности создания союзного государства, состоящего, соответственно, из двух равноправных субъектов – Грузии и Абхазии. Такое «широкое» федерирование имеет как на абхазской, так и на грузинской стороне немало противников, которые полагают, что общее государство не будет жизнеспособным. Эти опасения большей частью диктуются страхом и взаимным недоверием, возникшими в результате войны 1992-1993 годов и предшествующих событий. Так, абхазы опасаются, что гораздо более многочисленные грузины станут доминировать в объединении и низведут до нуля суверенитет Абхазии вместе с гарантиями безопасности для абхазского народа. Грузины же, со своей стороны, полагают, что двуединое государство принесет только юридическое закрепление независимого положения Абхазии, после чего она на вполне законных основаниях выйдет из союза. Кроме того, высказываются опасения, что в суверенной Абхазии должным образом не будут обеспечены права грузинской общины. Как видим, перспективы общей государственности у многих рождает серьезные и часто взаимоисключающие сомнения. Это вполне объяснимо при том психологическом настрое, в каком оказались грузины и абхазы в результате продолжающегося годами военно-политического противостояния. Однако к решению такого стержневого вопроса, как определение статуса, надо подходить трезво, шире смотря на проблему и скрупулезно взвешивая все аргументы «за» и «против». Это очень трудно в настоящий момент, пока в общественных настроениях господствуют негативные стереотипы, сложившиеся в результате конфликта. Поэтому, чтобы сдвинуть процесс полномасштабного урегулирования с мертвой точки, нужно сначала главные усилия направить на преодоление поствоенного синдрома в мышлении – убрать психологические барьеры, ме-

шающие трансформации общественного мнения, приступить к восстановлению доверия между двумя народами.

Результатом систематической работы в этом направлении станет снижение уровня враждебности в отношениях сторон, что даст политикам возможность найти взаимоприемлемые решения по спорным вопросам. В вопросе политического статуса, в частности, таким решением может быть именно двуединое государство. Что это будет – федерация, конфедерация или нечто среднее – предмет особых переговоров после достижения сторонами принципиального согласия, итог которых должен быть договорно закреплён под международные гарантии. Возможно, эта модель сегодня не вызывает особого энтузиазма большинства грузин и абхазов, но если вдуматься, такое решение проблемы может стать реальным компромиссом по статусу, без нарушения единого политического пространства Грузии-Абхазии или территориальной целостности последней. Опасения каждой из сторон, что в результате федеративного/конфедеративного союза она будет обманута, вызваны, как указывалось, стойким недоверием, царящим между грузинами и абхазами, которое сохраняется благодаря продолжающейся информационно-психологической войне и угрозе новой вспышки насилия. Те грузины, которые считают, что Абхазия, получив право свободного выбора, постарается немедленно «выскользнуть» из общего государства, видимо, собираются вечно удерживать ее силой, что совершенно нереально. С другой стороны, абхазы, думающие, что численное превосходство грузин обязательно обернется в ущерб их интересам, по-видимому, не полностью учитывают те механизмы защиты, которые можно будет заложить в союзный договор в целях обеспечения интересов меньшинства». («Грузино-абхазское государство: историческая традиция и перспективы». Адлер, август 2000 г.). Нодар Сарджвеладзе также видит решение проблемы в создании общего государства: «Вопрос был поставлен так: как могут абхазы сохранить свой этнос и идентичность и одновременно состоять в рамках грузинского государства? Я считаю, что надежда на то, что демократические институты автоматически все решат – это фантазия. Вторая фантазия – Евросоюз, потому что не от нас зависит, примут нас или не примут. Поэтому я считаю, что этот вопрос должен решаться на собственных ресурсах – внутри грузинского и

абхазского сообществ. Потому что и Грузия, и Абхазия стоят перед задачей построить общее государство. Создание общего государства удовлетворяет интересы обеих сторон: обе стороны будут иметь государство, где оба народа сохраняют свои неповторимость и культурную идентичность». (Сочи, март 2001).

Несмотря на разнообразие подходов, грузинские участники все же, в основном говорят об общем государстве или, более осторожно, об общем пространстве. «Будущая модель – это сосуществование Грузии и Абхазии. Какой будет эта модель, будет ли это единое государство или другая форма общего пространства – это вопрос будущего». (Давид Бердзенишвили. Сочи, март 2001 г.).

Однако от встречи к встрече, от дискуссии к дискуссии все-таки прослеживается определенная эволюция во взглядах участников проекта на возможные формы взаимоотношений сторон. Модели и предложения, особенно участников с грузинской стороны, становятся все более смелыми, новаторскими, если так можно сказать. Так, в контексте поиска взаимоприемлемой формулы государственно-правовых взаимоотношений Грузии и Абхазии особое место занимает встреча в Сочи в августе 2001 г., где к решению этого вопроса участники пробовали подойти через обсуждение потребностей и интересов сторон. Нодар Сарджвеладзе в сложившейся ситуации не видит перспектив урегулирования, если стороны не перейдут на новые «рельсы мышления»: «Тупиковая ситуация ощущается на всех уровнях – в первую очередь, на политическом. Причина в том, что на данном этапе конфликтующие стороны достигли максимума того, чего они могли достичь, находясь в состоянии конфликта. Грузия достигла своего максимума: во всех документах международного масштаба и на самых высоких уровнях межгосударственных отношений и соглашений зафиксирована принципиальная позиция о ее территориальной целостности. И это максимум того, чего могла бы достичь Грузия. Со своей стороны, Абхазия тоже достигла своего максимума – она продекларировала свою независимость. ...Так как стороны достигли максимума возможного, то очень маловероятно, что они предпримут какие-либо шаги в направлении взаимного компромисса. Ведь в случае компромисса надо пойти на какую-либо уступку...

В подобной тупиковой ситуации возникает желание наложить некоторый мораторий на весь спектр проблем, связанных с определением политического статуса Абхазии. И перейти на другие рельсы мышления. Вероятно, наиболее целесообразным ходом является детальное обсуждение и исследование потребностей и интересов конфликтующих обществ Грузии и Абхазии». («Основные потребности и интересы абхазского и грузинского обществ», Сочи, 2001)

Давид Бердзенишвили на этой встрече предложил разработать совершенно новый подход к урегулированию через конкретные экономические инициативы: «Мы уже все убедились, грузино-абхазская проблема не имеет одноразового, всеобщего, масштабного решения. Проблема статуса Абхазии и проблема возвращения беженцев никак не увязывается в один общий пакет, и поэтому мы ищем промежуточные варианты трансформации конфликта. Глядя абсолютно прав, что главная стратегия, ключ к решению проблемы – это «открытие» Абхазии, открытие коммуникаций, информации, не только открытие границы на Ингури, но и «открытие» Абхазии для внешнего мира. Мне кажется, что в рамках промежуточных, переходных моделей нам придется подумать о создании легальных таможенных служб Абхазии и Грузии, т.е. открыть таможню на Ингури и унифицировать грузино-абхазское таможенное законодательство. Я думаю, что нашему сближению и трансформации конфликта поможет создание такого механизма экономических взаимоотношений, которые способствовали бы совместным экономическим проектам грузинских и абхазских государственных и частных предприятий... легализация таких отношений как внутри Абхазии, так и между абхазскими и грузинскими предприятиями могла бы способствовать «открытию» Абхазии и появлению в Грузии и в Абхазии людей, которые были бы заинтересованы в экономическом сотрудничестве. Я думаю, что значительная доля функций в «открытии» Абхазии ложится на открытие абхазских транспортных магистралей («Открытие Абхазии: проект совместного концерна», Сочи, 2001).

Установившийся в рамках проекта академический стиль обсуждений и искренняя настроенность участников на творческий поиск выхода из конфликта создали такую атмосферу встреч, в которой могли появиться нетривиальные, далекие от официальных полити-

ческих формул идеи. Поэтому неудивительно, что в ходе работы проекта с грузинской стороны, например, в работу включились такие участники, которые считают нужным признать независимость Абхазии, не считая такой ход событий противоречащим долгосрочным интересам Грузии. Подобное мнение прозвучало, в частности, и на последней встрече в Москве в июле 2002 г. А Зураб Чиаберашвили в своей статье «Абхазия и Грузия: государственность и права личности» (Сочи, 2001) утверждает, что «и грузины, и абхазы... находятся в процессе формирования своих национальных государств». Тем самым автор, как и до него Давид Бердзенишвили, признает, что абхазы имеют право на собственное государство. Это мнение явно отличается от официального взгляда, взгляда большинства современных грузин на грузино-абхазские взаимоотношения. Зураб Чиаберашвили также не исключает того, что при определенных условиях грузинское общество, возможно, согласится с признанием Абхазии.

Таким образом, предлагаемые участниками с двух сторон варианты решения проблемы политического статуса Абхазии за время работы проекта претерпели определенную трансформацию. Есть надежда на то, что продолжение диалога, совместных обсуждений данной проблемы станет более продуктивным, поскольку спектр предлагаемых моделей позволил значительно расширить «пространство» поиска.

Заключение

Обзор подходов к проблеме политического статуса Абхазии выявляет следующее. Стороны не всегда могут привести убедительные аргументы за или против того или иного варианта с точки зрения воздействия на процесс урегулирования, обеспечения безопасности в регионе. Приводятся различные схемы из международного опыта, но они чаще иллюстрируют существование множества подходов к разрешению этнополитических конфликтов, а не предлагают наиболее реальный, взаимоприемлемый вариант, учитывающий все перипетии грузино-абхазских взаимоотношений.

Позиции грузинских и абхазских участников проекта во многом повторяют официальную позицию сторон. Абхазы считают, что для их самосохранения как этноса им необходимо иметь собственное го-

сударство. Опыт нахождения в составе Грузии как автономной единицы негативен, убеждены они. Грузины же считают, что в новой демократической Грузии этническая безопасность абхазов будет обеспечена. И предлагают множество вариантов разрешения проблемы политического статуса Абхазии. При этом на протяжении всех встреч, происходивших в течение трех лет, наблюдается некоторая динамика в подходе к вопросу о статусе Абхазии: от идеи единого государства к конфедеративным отношениям между Абхазией и Грузией и даже в редких случаях проговаривается вероятность признания независимой Абхазии. Несмотря на то, что участники проекта еще не согласовали, не выработали собственную оригинальную схему решения, исходящую из особенностей данного конфликта, тем не менее в рамках проекта был наработан целый ряд интересных предложений, которые еще ждут своего серьезного экспертного анализа. Перспективным представляется продолжение более глубоко исследовать нужды и интересы сторон. В этом случае процесс выявления приемлемого и наиболее реалистичного способа разрешения конфликта идет как бы снизу, основываясь на понимании потребностей и опасений сторон. В этом смысле показательна встреча в Сочи в августе 2001 г.

Как говорилось выше, некоторые представители как грузинской, так и абхазской общественности, участвовавшие в диалоге, предлагали отложить вопрос статуса на неопределенный срок, а до этого заниматься более разрешимыми проблемами. В частности, предлагают разные промежуточные модели урегулирования. Но мировое сообщество раз за разом предлагает свои проекты по разрешению грузино-абхазского конфликта, в которых, конечно же, проблема определения статуса Абхазии занимает главенствующее место. Но пока еще ни один из этих проектов и предложений не стал предметом глубокого совместного обсуждения грузинской и абхазской сторон (о принятии же нет и речи).

Поэтому целесообразным представляется путь, при котором выработкой такого всеобъемлющего документа по разрешению грузино-абхазского конфликта занялись бы грузинские и абхазские эксперты. И тогда опыт, наработанный участниками проекта «Пути построения мира – исследование роли народной дипломатии в урегулировании грузино-абхазского конфликта» может быть востребован.

Приложение к докладу Д. Начкебия Высказывания участников проекта

Конобеево (Московская область), август 1999 г.

Марина Никурадзе

Центр кросс-культурных и социологических исследований

«В чем видит грузинская народная дипломатия причины грузино-абхазского конфликта»

«Какое решение конфликта приемлемо для них.

Кроме двух, все респонденты говорят, что любая форма федерации приемлема для них. Главное, говорят они, чтобы юрисдикция Грузии восстановилась на территории Абхазии.

По их мнению, судьбу Абхазии, в первую очередь, должны решить все народы, проживающие на территории Абхазии. Для них будет приемлемо любое решение, принятое ими.

«Будущее Абхазии, ее правовой политический статус не имеет право решать только абхазский этнос. В первую очередь, переговоры должны проводиться между теми, кто жил там. Ардзинба, Надареишвили и Шеварднадзе не должны решать это без их непосредственного участия. Надо найти какую-то форму, чтобы это стало возможно».

«Только население Абхазии может решать, как оно видит будущее Абхазии. Под этим я подразумеваю всех, кто там жил до конфликта. Иначе для меня абсолютно непонятно, о каком решении конфликта может идти речь, пока все изгнанное из Абхазии население не будет возвращено в родные места».

Из остальных двух один говорит, что он поддержит любое решение, какое примет грузинский народ, вплоть до отделения Абхазии, если грузинский народ решит, что готов к этому, и это не оставит в нем комплекса неполноценности. В том случае, если это окажется непреодолимым, тогда он не примет такое решение конфликта. «Но лично мне бы хотелось, чтобы Грузия осмыслила, что значит для нее Абхазия. Стоит ли ради Абхазии отказаться от много чего, стоит ли ради нее ввязываться в войну», – говорит он.

Мнение другого респондента таково, что если нестабильная ситуация в Абхазии будет мешать развитию Грузии, тогда он может

принять отделение Абхазии, так как «больше предпочитает маленькую, но стабильную и развитую Грузию, чем большую, нестабильную и слаборазвитую».

Но и эти два респондента тоже считают, что, в первую очередь, судьбу Абхазии должны решать сообща люди, которые там проживали до конфликта».

Сухум, 15 декабря 1999.

Встреча представителей грузинских НПО с общественностью Абхазии

«Гиа Нодиа: – Есть две реальности. С одной стороны, это существующая де-факто независимость Абхазии. Но есть и другая реальность – эта независимость неприемлема для абсолютного большинства грузинского общества. И такое признание в обозримом будущем политически невозможно».

Москва, 25-27 марта 2000 г.

«Давид Силагадзе: – Еще до войны был поднят вопрос федерального устройства Грузии, и этот вопрос поднял господин Тарас Шамба. К сожалению, тогда наша сторона обошла этот вопрос частично молчанием, а частично приняла в штыки. Тогда те, которые правила, считали, что Грузии не нужна никакая автономия, и она должна существовать как унитарное государство. Безусловно, унитарное государство более прочное, устойчивое, и было бы хорошо иметь такое государство. Но в наших условиях это нереально. Это мы не учли тогда. Мы тогда упустили возможность пойти навстречу. Может быть, мы избежали бы кровавого противостояния, а может, и нет. Во всяком случае, у нас был бы сейчас более широкий фронт работ по статусу и по решению главного вопроса. Без решения этого вопроса сейчас трудно решать другие. Недавно в прессе просочилось такое мнение, что грузинская сторона не должна выставлять предложения по статусу, пусть абхазская сторона выставляет такие предложения. Считаю это неправильным, потому что абхазская сторона свои предложения уже выста-

вила, и они несколько раз это повторили. А мы обещаем, что будет широкая автономия. Давайте придадим этому обещанию форму хотя бы проекта, чтобы потом спорить вокруг него: приемлемо или неприемлемо. С абхазской стороны говорят, что мы уже имеем свой статус – Конституция определяет положение Абхазии, а с другой стороны говорят, что не хотят автономии вообще, нужно упразднить и те, которые есть, или же говорят, что мы не должны ничего предлагать, пусть сами предлагают. Это и есть нежелание решить вопрос. А без решения вопроса о статусе, трудно решать другие вопросы».

«Лиана Кварчелия: – Мне кажется, не стоит относиться к каким-то новым идеям и предложениям как к моделям, которые будут приняты раз и навсегда. Может быть, нужна какая-то временная форма взаимоотношений, которая позволила бы нам восстановить доверие... Поэтому, мне кажется, нужно думать о временных формах взаимоотношений, и если мы в течение какого-то отрезка времени сможем убедить друг друга, что не представляем угрозы для безопасности противоположной стороны, только тогда можно будет, наверное, вести разговор о каких-то формах сосуществования».

«Георгий Анчабадзе: – Последние года два я говорю, что надо искать модель двухсубъектной федерации или конфедерации... Думаю, это самая реальная модель, которая не сегодня, не завтра, но когда-то все-таки сработает... Может, надо подумать о совмещении проблемы возвращения беженцев и проблемы признания независимости Абхазии? Независимость в обмен на возвращение беженцев... Еще два слова об андоррском варианте: Грузия на это не пойдет, потому что, хотя на всех политических картах мира, политических картах Грузии, Абхазия значится как часть Грузии, Грузия сейчас Абхазию реально не контролирует, а Россия как-то все-таки влияет, притом в значительной степени, на положение дел в Абхазии и, конечно, грузины тогда скажут: если мы согласимся на какое-то совместное владение, то это будет полностью российская Абхазия».

«Давид Силагадзе: – Абхазия должна быть субъектом федерации, равноправным и договорным, это историческая необходимость».

«Нателла Акаба: – Обсуждать можно все, но это совершенно не означает, что мы можем согласиться на федерализм. Абхазское общество (не только этнические абхазы) не хочет жить с грузинами».

«Лиана Кварчелия: – Если Абхазию принудят принять соглашение, основанное на вертикальных взаимоотношениях, то в будущем это будет создавать больше возможностей для России вмешиваться и влиять на процессы в Грузии, используя Абхазию».

Адлер, 26-28 августа 2000 г.

«Нодар Сарджвеладзе: – Позиции, отказываться от которых стороны в обозримом будущем не будут: Грузия никак не откажется от своего стремления к территориальной целостности, и Абхазия тоже не откажется от своего стремления к независимости... Какой возможный ход событий, если Грузия откажется от восстановления территориальной целостности и признает абхазскую независимость? Что тогда случится?

Ираклий Сургуладзе: – Речь идет о независимом государстве Абхазии. Для того чтобы сохранить определенное политическое долгожительство, необходима определенная критическая масса... Сейчас меня интересует, каким ресурсом располагает Абхазия, как Абхазия может гарантировать свою независимость в той геополитической среде, в которой она расположена. Допустим, Грузия примирилась. Но Абхазии будет довольно трудно выйти из того положения, в каком она сейчас находится... выйти из кланового уклада, создать государственную машину, обеспечивающую экономику, права человека, право гражданства – это будет довольно трудно, очень трудно: чем меньше государство, тем труднее, потому что ни одна из сторон не может набрать достаточно сил, чтобы одержать победу над другой частью... Клань, которые на незаконной основе все больше и больше захватывают, скажем, экономические ресурсы, средства, и чем дальше, тем больше – они будут диктовать свои права. Это внутри, а вот снаружи – никто меня никогда не убедит в том, что Россия будет терпеть рядом с собой независимость, процветание и, так сказать, райское положение будущей Абхазии...

Олег Дамения: – ... Что может случиться с Грузией, если Абхазия и де-юре станет суверенным государством, а Грузия признает независимость Абхазии? Я считаю, такая политическая акция и проявление такой политической воли со стороны Грузии – это первый шаг, направленный на их сближение друг к другу. И по существу Грузия ничего не проигрывает... будет ли Абхазия в составе Грузии или не будет, идентичность и самоидентичность грузинского этноса от этого не пострадают... Что произойдет в Абхазии? В Абхазии может в плане, скажем, самосознания абхазского народа, или абхазского общества, произойти некий серьезный перелом в его отношении к Грузии.

«Нодар Сарджвеладзе: – Второй вопрос: Абхазия отказывается от независимости и восстанавливается территориальная целостность Грузии.

Ираклий Сургуладзе: – Это, естественно, цель грузинского варианта разрешения конфликта, но это, конечно, не радужное будущее, ибо сильно усложняется процесс внутреннего устройства.

Олег Дамения: – Если Абхазия войдет в состав грузинского государства... по существу это означает, что она добровольно лишает себя возможности самоидентификации... Государство – не просто какая-то крыша, которая создается волей каких-то структур, оно создается на базе определенных культурно-исторических структур. Если с этой фундаментальной точки зрения подойти, конечно, Абхазия лишится этой возможности. Вы сколько хотите можете говорить о культурной автономии, федерации или конфедерации, сколько хотите, но, по существу, мы лишаемся правового политического самоопределения».

Сочи, 19-23 марта 2001 г.

«Давид Бердзенишвили: – Будущая модель – это сосуществование Грузии и Абхазии. Какой будет эта модель, будет ли это единое государство или другая форма общего пространства – это вопрос будущего».

Сочи, 20-25 августа, 2001 г.

«Зураб Чиаберашвили: ...Еще один подход – это абсолютно разные государства. Это значит, что Грузия признает независимость

Абхазии. Но даже по тому же меморандуму, если Грузия признает независимость Абхазии и даст мировому сообществу повод признать эту независимость, то у Грузии остаются некоторые права и рычаги влияния на внешнюю политику Абхазии».

ДИСКУССИЯ

Роман Дбар – Даур, как ты себе представляешь возможность совместного обсуждения модели совместного проживания, и кто с абхазской стороны ее бы обсуждал?

Даур Начкебия – Я не говорил о модели совместного проживания. Я говорю о статусе Абхазии не в едином государстве с Грузией. Но все равно ведь будем договариваться с Грузией о чем-то, хотя бы о добрососедских отношениях.

Галия Калимова – Может, я не все внимательно прочитала, но поскольку ты этим занимался, может, где-нибудь проскользнула такая мысль, что фактически те модели, которые предлагались, являлись в какой-то степени стереотипом существующего миропорядка, такого как бы статус-кво. Между тем, мы все прекрасно знаем, что за последние десять лет этот миропорядок претерпевает значительные изменения, и развал Советского Союза и ситуация в Югославии, конечно, подталкивают к выработке новых моделей. Нигде это не прозвучало, хотя я, к сожалению, не все сборники могла посмотреть.

Даур Начкебия – Прежде всего, различные схемы, различные проекты, модели, большей частью просто отражают мировой опыт. Они хотят эти модели приспособить к абхазо-грузинским делам, но они не работают, поэтому я и говорил, что грузинская и абхазская стороны зная ситуацию изнутри, определив свои интересы, могут разработать такую модель. Конечно, не в рамках единого государства, но совместного существования, как соседи.

Роман Дбар – я вижу в этом варианте разделение полномочий только по экологическим темам, потому что все остальные никак не укладываются. В экологии есть такой раздел, как мигрирующие виды, их вместе можно сохранять.

Эмзар Джгереная – Я голосую за независимость Абхазии.

Арда Инал-Ипа – Эмзар предварил мой вопрос, потому что все-таки Даур, ты, в своем выступлении оценивал итоги, но на самом деле нам интересен и сам процесс, а в процессе обсуждения высказывались разные точки зрения. Хотелось бы, чтобы был отражен весь этот спектр, а он все-таки был в течение этих лет достаточно разнообразным, включая признание независимости, о которой говорил Эмзар. Это ведь показательно, что если такой взгляд с грузинской точки зрения возможен, кто-то его высказал и никто из здесь сидящих не убил его за это. И Зураб Чиаберашвили тоже писал о том, что, по его мнению, решение вопроса могло бы быть в признании абхазского государства, но при согласовании определенных условий. И Давид Бердзенишвили не исключал подобное развитие событий. В твоих выводах, на мой взгляд, есть недооценка некоторых моментов.

Даур Начкебия – Нет, я говорил, что все эти модели исходят из мирового опыта. Когда я говорю, что мы сами, здесь внутри должны найти свою формулу, то имею в виду, что не исключено, что абхазы и грузины вместе выработают какую-то модель, которая устроит всех. Это же не исключено. А так у меня в докладе все расписано. Давид предлагал модель двухсубъектного равноправного общего государства грузин и абхазов. Объединение двух государств. Грузия сама является федеративным образованием, а Абхазия – суверенное государство, но в конфедеративных отношениях с Грузией. При этом там есть такие подводные камни, что если Абхазия вдруг на второй же день изъявит желание выйти из конфедерации, то это как-то предполагается отрегулировать. В любом случае он все же говорит об общем государстве.

Батал Кобахия – Может, в докладе это и будет отражено, как Даур говорит, но в выступлении, честно говоря, я не видел анализа того, как изменялись представления о взаимоотношениях Грузии и Абхазии.

Даур Начкебия – Мало изменялись.

Батал Кобахия – Во всяком случае, несколько тенденций совершенно четко выраженных есть. Например, если в самом начале, в первых книгах, на первых встречах, были совершенно два резких, противоположных мнения, когда, грузинская часть говорила о территориальной целостности в различных выражениях, кто-то обосновывая, кто-то истерично, а абхазская, точно так же, на таком же эмоциональном накале, говорила о независимости, то к восьмой книге я вижу изменения в том, что начали аргументировать свои соображения большим количеством фактов. Все-таки трансформация взглядов к взаимоотношениям с Абхазией у грузинской стороны есть. Например, в седьмом томе Давид Бердзенишвили дает несколько возможных вариантов развития взаимоотношений между Грузией и Абхазией. Это говорит о том, что происходит колоссальное изменение в их понимании возможных решений вопросов, а проблема территориальной целостности уходит на задний план. С абхазской стороны тоже такой пафосный вариант – статус и никаких разговоров, претерпевает изменение, у некоторых участников во всяком случае. Потому что, когда абхазские исследователи предлагают какие-то модели взаимоотношений, это говорит о том, что начинается другой этап, когда люди хотят найти аргументы. Этот момент настал. Я хочу сказать, что если на первых наших встречах многие выступления несли декларативный характер – «нет» и все, то сейчас, можно сказать, обсуждения несут более прагматический характер – «нет, потому что...», из-за того что». Во всяком случае, то, что грузинские участники процесса больше внимания уделяют пониманию безопасности и с точки зрения абхазов пытаются отнестись к этой проблеме, очень важно. И, между прочим, если помните встречу НПО с властью, было признано, что определенное количество людей в Грузии по мере участия в этом проекте, изменили отношение к возможностям решения абхазо-грузинского конфликта.

Еще, в качестве юмора. Абхазы всегда говорят о независимости от Грузии, а грузины о независимости от России. Все время имеют в виду одно и то же. Абхазия – статус независимой республики, а грузины – территориальную целостность. То есть, абхазы и грузины по-разному понимают эти страхи и опасения.

Тенгиз Пачкория – Даур, здесь Вы упомянули слово «миропорядок», но я его немножко в другом аспекте вижу. Если этот миропорядок поменяется, и произойдет кардинальное улучшение грузино-российских отношений, и они станут стратегическими союзниками, может ли это кардинально отразиться на этом вопросе, когда бывшие союзники абхазов скажут: изменилась ситуация, и вам надо подумать о статусе в составе федеративного грузинского, конфедеративного или какого-то другого государства?

Даур Начкебия – Я думаю, что кардинально позиция абхазов не изменится. Кто бы с кем бы ни стал партнером и союзником, я думаю, позиция не изменится.

Тенгиз Пачкория – И что вы будете делать – воевать с Россией?

Даур Начкебия – Россия не будет с нами воевать, и мы не будем с Россией воевать, но будем отстаивать свое понимание будущего. Я думаю, меня неправильно поняли, потому что большей частью Батал меня не слушал. К сожалению, пока кардинального изменения грузинской позиции нет. Во всяком случае, в рамках проекта, представители грузинской стороны не сказали – Абхазия не только имеет право, но и должна быть независимой. Наверное, мы не смогли убедить их в том, что это для нас – единственный путь. В этом плане кардинального изменения нет.

Шум, реплики в зале

Арда Инал-Ипа – Представители грузинской стороны предлагали совершенно четкие модели федеративного устройства Грузии с участием Абхазии, это совершенно определенная модель. Потом появляются варианты Бердзенишвили, когда анализируются пять различных сценариев возможного развития событий, где независимость Абхазии также рассматривается как возможный вариант. Затем у Зураба Чабаберашвили и у Давида Бердзенишвили рассматривается признание независимости Абхазии с определенными условиями и определенным правом Грузии влиять на какие-то сферы. Мне кажется, это достаточно существенная динамика во взглядах на возмож-

ные модели. А ты сказал, что они не сказали, что «вы должны быть независимыми», это же риторика, ты, ведь, понимаешь.

Лиана Кварчелия – Может быть Дауру неудобно, что у грузинской стороны динамика есть, а у абхазской нет? (смех в зале)

Марина Пагава – Для меня вопрос статуса очень тесно связан с вопросом беженцев. Как в статьях это прослеживается?

Даур Начкебия – В статьях предлагался такой вариант – статус в обмен на возвращение беженцев, то есть беженцы возвращаются, а Абхазия становится независимой.

Марина Пагава – Грузины говорят – все на все, а абхазская точка зрения на это какова?

Даур Начкебия – Они отмолчались.

Тенгиз Пачкория – Здесь упомянули мартовские встречи в Сочи. Раз вспомнили, то я напомним, что я говорил и думаю, что это далеко не позиция одного человека. Когда некоторые мои соотечественники предлагают – давайте, отпустим абхазов, раз мы не можем эту проблему решить, раз не можем вернуть Абхазию в состав Грузии. Я им говорю, и многие говорят, что это не выход из ситуации, потому что, во-первых, присваивать себе право решать за других нельзя. Хотя, допустим, я не ограничиваю никого в суждениях индивидуальных. Этот вопрос может быть решен только в ходе референдума. Во-вторых, это не выход, потому что те силы, которые содействовали отторжению этой части Грузии от грузинского государства, на этом не останутся. Проблема отношений Грузии с другими государствами, которая ускорила этот конфликт, не закончится, и эти силы будут содействовать тому, чтобы отторгнуть и другие части грузинского государства. Поэтому этот вариант может представляться выходом с точки зрения модернизма, мол, мы современные люди, давайте, отпустим. Но это абсолютно не выход из ситуации, и я даже уверен, что ни одно правительство Грузии не сможет так этот вопрос поставить.

А если даже поставит, то сверхдержавы могут запретить это Грузии. Потому что это повлечет процессы и в России, и в других странах, так как очень много сложностей может вызвать в этом пространстве...

Нателла Акаба – Если так, можно ли говорить, что Грузия при этом является независимым государством?

Тенгиз Пачкория – Нет, ну, есть разные рычаги воздействия. Грузия была независимым государством, когда в 92-ом году откровенно давили на Грузию. Сейчас я не хочу спекулировать, но вспомню слова Зураба Ачба о том, что это иллюзия, что Абхазия является якобы независимой страной, что мы можем достичь независимости. Он говорил, что Абхазию использовали как рычаг давления на Грузию, чтобы удержать ее в сфере влияния, как в большой политической игре. И сейчас сбрасывать это со счетов, думаю, было бы неверным.

Нателла Акаба – А Америка не использует Грузию?

Тенгиз Пачкория – ...Я не имел в виду, что кто-то официально в прямом виде прикажет, Америка или Россия. Есть разные рычаги воздействия. Возможно, я не исключаю, что такое может быть, что какой-то передел сфер влияния произойдет. Поэтому я не думаю, что в Грузии относятся к Америке так однозначно, как это кажется, что вот все грузинское общество настроено проамерикански. Значительная часть относится настороженно. Потому что многие даже думают, что на данном этапе Америка не заинтересована в урегулировании конфликта в силу своих интересов.

Лиана Кварчелия – Вообще интересно было бы поговорить о том, насколько реалистичны сегодня те идеи, которые предлагались на предыдущих встречах.

Даур Начкебия – Здесь были справедливые замечания, я их учту (*смеется*), творчески все обработаю, когда смогу, и в окончательном тексте определю статус.

Олег Дамениа

Адыгейский государственный университет

ОТ МОНОЛОГИЗМА К ДИАЛОГИЗМУ

(из опыта абхазо-грузинского урегулирования)

О переговорном процессе. В историческом контексте абхазо-грузинских взаимоотношений переговорный процесс, начавшийся сразу же после прекращения боевых действий – это, по существу, новое и этапное явление. Поскольку стороны начали вести между собой политические переговоры на предмет решения проблем, возникших в сфере взаимоотношений между ними. Эти взаимоотношения на протяжении почти столетия держали оба общества в нарастающем напряжении и давали много поводов для их совместного обсуждения. Грузинский истеблишмент, будучи в плену табеля о рангах, унаследованного от советской системы, никак не ожидал того, что по отношению к Грузии Абхазия может выступить равноправной стороной на переговорах по вопросу о политическом устройстве страны. Но поражение Грузии в войне резко изменило ее положение, и ей пришлось пойти на такой шаг. Более того, война показала, что ни одна из противоборствующих сторон не может силой достичь той политической цели, которую каждая из них преследовала. Враждующим сторонам, правда, ценой больших потерь и жертв, удалось наконец-то прийти к пониманию того, что ненасильственный подход к урегулированию раздирающего их конфликта альтернативы не имеет. Такой резкий переход от идеологии насилия к мирному диалогу – это, видимо, результат политической воли не только правящих элит Абхазии и Грузии.

Это, однако, не означает, что использование насильственных методов в абхазо-грузинских взаимоотношениях уже исключается. Механизмов, исключающих возможность использования насилия, в том числе и вооруженного, во взаимоотношениях сторон пока, к сожалению нет. Специально созданные для нейтрализации вооруженного конфликта структуры (КСПМ, Миссия ООН по наблюдению в Грузии и др.) не могут гарантировать стабильного мира в регионе.

Тем более, когда достаточно широкие круги грузинского общества, особенно политически ангажированные, по-прежнему продолжают исповедовать идею насильственного решения «абхазской проблемы». Более того, правящие круги Грузии отнюдь не скрывают своих усилий, направленных на использование силы под прикрытием 7 статьи Устава ООН («боснийский вариант») – искусственное создание правовой базы для применения силы. Здесь важно учитывать также геополитический фактор, который так сильно влиял и, надо полагать, впредь будет влиять на ситуацию в регионе. Все это дает основание думать, что вероятность применения силы в абхазо-грузинских взаимоотношениях еще достаточно велика. Тем не менее, сегодня, по прошествии девяти послевоенных лет, все же можно говорить об определенной трансформации сознания враждующих обществ относительно понимания бесперспективности насильственных методов разрешения конфликтных проблем.

Переход от насильственных форм и методов регулирования к ненасильственным, переход от монологизма к диалогизму во взаимоотношениях враждующих сторон – это, как показывает послевоенный опыт переговорного процесса, изменение в первую очередь тактики противоборства. Но значимость самого такого факта, повторяю, вряд ли возможно переоценить. Переход к переговорам способствовал прекращению кровопролития и дальнейшего истребления сторонами друг друга. Это, во-первых.

Во-вторых, уже на начальном этапе переговорного процесса при посредничестве ООН, ОБСЕ и России сторонам удалось принять ряд важных документов и правовых актов, среди которых наиболее значимым является «Декларация о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта». О важности этого документа свидетельствует хотя бы тот факт, что он был подписан сторонами в конфликте, представителями ООН, ОБСЕ, России 4 апреля 1994 года в Москве в присутствии Генерального секретаря ООН, министра иностранных дел России и некоторых западных дипломатов. В Декларации не только констатируются сложившиеся после войны политические реалии, в частности, отсутствие государственно-правовых отношений между Абхазией и Грузией, правосубъектность сторон, но и сформулированы такие концептуальные положения, на базе ко-

торых можно было продолжить поиск возможных форм государственно-правовых взаимоотношений Абхазии и Грузии.

Однако этого не произошло. Примерно с 1995 г., переговоры на официальном уровне зашли в тупик. Изложенные в Декларации и других принятых сторонами документах положения и идеи не получили дальнейшего развития. Грузинская сторона стала демонстративно игнорировать Декларацию, пытаясь вернуться к довоенному статус-кво, т.е. к восстановлению абхазской автономии в составе Грузии. И абхазская сторона стала добиваться реализации своего права на независимое государствообразование. Тем самым переговаривающимся сторонам не удалось закрепить достигнутое или выработать какой-либо другой правовой документ, на базе которого можно было бы найти взаимоприемлемую политическую формулу урегулирования. Отсутствие конструктивности на переговорах и прогресса в урегулировании отмечают многие наблюдатели и аналитики. Об этом пишет, в частности, Мартен Тео Янс: «Многочисленные отчеты Генерального секретаря ООН о ситуации в Абхазии создают довольно мрачную картину динамики процесса урегулирования». Несмотря на продолжающиеся переговоры, сторонам так и не удалось сделать сколько-нибудь заметного шага на пути сближения позиций.

В поисках выхода из тупика. В этих условиях, когда официальные переговоры между враждующими сторонами не дают ожидаемого эффекта, когда нет движения в процессе урегулирования конфликта, возникает острая необходимость в поиске новых методов и подходов к решаемой задаче, в критическом переосмыслении всего накопленного опыта миротворчества. В самом деле, без глубокого и всестороннего осмысления всего спектра проблем конфликта, без скрупулезного и подробного анализа его истоков, причин и характера исторического формирования, вряд ли следует рассчитывать на успех в моделировании политической формулы урегулирования. Между тем такая, по существу, академическая работа не может быть проведена в рамках официальных переговоров. Ситуация осложняется еще и тем, что политики, участвующие в подобных переговорах, зачастую пренебрегают академическим подходом, отдавая предпочтение официальной конъюнктуре. Узость правовой базы, в рамках которой политики пытаются найти решение задач урегулирова-

ния, жесткость организации и процедуры проведения официальных переговоров, излишняя формализованность правил и норм обсуждения, все это порой тормозит процесс поиска политической формы урегулирования. Именно в таком контексте и возникла необходимость вовлечения неправительственных сил в миротворческий процесс. В этом контексте и начал свою работу проект Калифорнийского университета (Ирвайн). Основная задача данного проекта была определена следующим образом – «содействие конструктивному диалогу и сотрудничеству между представителями обеих сторон грузино-абхазского конфликта». Для решения такой задачи вокруг проекта был собран довольно солидный творческий коллектив, не обремененный властной ответственностью и свободный от официальной конъюнктуры. Это позволило участникам проекта значительно расширить мыслительное пространство, использовать разнообразные методы и подходы к решению поставленной задачи. Примечательно и то, что в отличие от других проектов и программ по абхазо-грузинскому конфликту, участники данного проекта не ограничились осмыслением лишь политико-правовой проблематики и не фокусировались на одном только сопоставительном анализе позиций сторон. Они формировали гораздо более широкое аналитическое поле, в рамках которого возникает возможность моделирования взаимоприемлемой политической формулы ненасильственного урегулирования. Ими уже собран такой богатый и разнообразный мыслительный материал, какой не собран, пожалуй, ни по одному другому проекту: общий объем изданий этих материалов составляет 8 книг (сборников). При этом важно учитывать также то, что в рамках проекта проводится большой объем работы и в сфере публичной политики. Все это дает основание считать, что абхазо-грузинский диалог на неправительственном уровне уже играет позитивную роль в миротворческом процессе и может стать серьезным фактором конструктивного влияния на трансформацию конфликта.

Анализ мыслительного материала. В результате проведенной по проекту работы накоплен достаточно богатый материал, который требует специального анализа и обобщения. Не претендуя на исчерпывающий анализ этого материала, попытаемся выделить и оценить некоторые положения, которые, на наш взгляд, могут быть использо-

ваны участниками переговоров и на официальном уровне. Проведение такой работы важно еще и потому, что она может в какой-то мере восполнить имеющийся пробел в миротворческом процессе между официальными и неправительственными структурами.

Согласно представленному материалу абхазо-грузинский конфликт типологически можно определить как этнополитический (этнонациональный) конфликт. Правда, авторы, пишущие об этом конфликте, иногда используют различную терминологию («межэтнический конфликт», «гражданская война в Абхазии», «конфликт в Абхазии» и др.), но в конечном итоге все они (авторы) сходятся на этнополитическом характере абхазо-грузинского конфликта.

Однако, не раскрыв существенные черты и признаки конфликта, вряд ли возможно типологически адекватно его определить. Если подходить к пониманию сущности абхазо-грузинского конфликта с точки зрения его истоков и причин его вызвавших, интересов и целей, преследовавшихся его непосредственными участниками, то нетрудно заметить его этнополитический (этнонациональный) характер. Ведь вооруженный конфликт разгорелся из-за явного и радикального расхождения национальных интересов Абхазии и Грузии в связи с распадом СССР и началом нового политического строительства на территории Грузинской ССР.

В тех условиях Грузия, как известно, добивалась распространения своей юрисдикции и на территории Абхазии без учета ее национальных интересов и пыталась утвердить таким образом территориальную целостность в границах бывшей ГССР. В свою очередь Абхазия сначала предлагала восстановить (по модели 1921 – 1931 годов) былые договорные отношения с Грузией, предполагая через них защищать свои национальные интересы. Однако после начала вооруженной агрессии Абхазия стала добиваться осуществления своего права на самоопределение и независимое государствообразование. Абхазия и Грузия и после конфликта продолжают преследовать именно такие, по существу альтернативные, политические цели. Разница лишь в том, что сегодня Грузия уже готова к федерализации и представлению Абхазии «широких автономных прав». Абхазия же, как мне представляется, все еще не исключает идеи построения конфедеративных, равносубъектных отношений с Грузией в рамках обще-

го государственного образования, однако после принятия Акта о независимости более четко ориентирована на построение самостоятельного государства.

При этом каждая из противоборствующих сторон апеллирует к нормативным положениям международного права: Грузия – к принципу сохранения территориальной целостности страны в границах, в которых она признана мировым сообществом; Абхазия – к праву народа на самоопределение. С точки зрения правовых норм, как видно, позиция каждой из сторон достаточно обоснована. Трудности возникают при реализации этих правовых норм: осуществление одного из этих положений в наших условиях неминуемо ведет к нарушению другого. Очевидно, что на базе этих правовых положений добиться какого-либо заметного продвижения в урегулировании конфликта не удалось. Анализ конфликта, глубокое и критическое осмысление миротворческого опыта, накопленного в поствоенное время, показывает, что полномасштабного и окончательного урегулирования конфликта вряд ли возможно достичь привычным для посткоммунистического общества образом: путем принятия разового политического решения на высшем уровне. Урегулирование – это не разовый политический акт, а процесс, в котором конфликтующие стороны из состояния противостояния переходят в состояние конструктивного взаимодействия. Урегулирование – это не устранение конфликта, а разумное управление им, управление конфликтом в интересах обеих враждующих сторон.

Такое понимание природы этнополитического конфликта вообще, и абхазо-грузинского конфликта, в частности, позволило участникам проекта (Д. Бердзенишвили, А. Лепсяя и др.) выдвинуть идею промежуточной модели урегулирования. Хотя промежуточная модель не проработана еще в прикладном плане, но исключительная важность самой идеи не вызывает сомнения.

Построение промежуточной модели урегулирования мыслится возможным на основе учета базовых интересов сторон. По мнению некоторых участников, промежуточная модель урегулирования и базовые интересы сторон – это те понятия, посредством которых можно мысленно построить модель полномасштабного урегулирования абхазо-грузинского конфликта. Для этого необходимо в первую оче-

редь определить каковы же эти интересы? Важно понять: носителями каких интересов являются стороны?

Тем более важно ответить на эти вопросы, поскольку именно несовместимость этих интересов в рамках единого унитарного государства стала в конечном итоге причиной вооруженного конфликта между сторонами. Между тем проблема интересов не особенно берется во внимание участниками переговоров на официальном уровне. Оказалось, что интересы сторон не изучены, у сторон нет ясного и четкого понимания тех интересов, носителями которых они являются. Обеими сторонами используется определенный набор идеологем: для грузинской стороны – это «восстановление территориальной целостности», «восстановление абхазской автономии в составе Грузии» и др.; для абхазской стороны – это «создание своей независимой (суверенной) государственности» и др. Но, повторяю, четким и строгим пониманием того, какие же социальные и духовные реалии скрыты в этих идеологемах, стороны не обладают. Скажем, грузинская сторона по существу не может вразумительно ответить на вопрос: зачем ей необходима Абхазия? Имеющиеся ответы на вопрос, зачем Грузии Абхазия слишком формальны, чрезмерно идеологизированы. В своих притязаниях на Абхазию грузинская сторона, по существу, не раскрывает своих интересов и преследуемых ею подлинных целей.

Примерно в таком же положении находится и абхазская сторона, которая на протяжении более чем столетия вынашивала идею восстановления своей государственности. Тем не менее, она не выработала четкого понимания того, зачем ей своя государственность. Отсутствие такого понимания, понимания практического предназначения государства как политического инструмента решения социальных проблем, остро стало осознаваться в абхазском обществе особенно в поствоенное время, когда абхазская сторона впервые за последние столетия получила возможность реализации выстраданной ею идеи. Ведь учреждение института государственности – это не просто результат каких-то амбиций определенных политических партий и структур общества. Государство становится реальным институтом управления процессами социального развития, когда в нем (государстве) воплощены и выражены интересы государствообразующего

субъекта. Каковы же эти интересы, которые не могут быть удовлетворены без своей (абхазской) системы государственности? Строго обоснованного и продуманного ответа на этот вопрос нет и у абхазской стороны.

Участники проекта предприняли попытку восполнить этот пробел. Но при осмыслении интересов сторон обнаружилось, что само понятие интереса слабо разработано в научной литературе, хотя оно является одним из ключевых для многих социальных наук. Поэтому трудно строго и однозначно судить о смысловой нагрузке этого понятия, о тех социально-политических реалиях и процессах, которые оно выражает. Тем не менее, участникам проекта удалось приблизиться к пониманию системы интересов сторон, что позволяет глубже взглянуть на природу абхазо-грузинских противоречий и высветить возможные пути их разрешения.

Сохранение социокультурной общности (идентичности) как основа базовых интересов сторон. В проведенных участниками проекта разработках базовые интересы сторон осмысливаются через те стратегические цели, которые они преследуют, и те естественные потребности, которые ими движут. При этом Абхазия и Грузия понимаются как исторически сложившиеся на занимаемых ими территориях социокультурные общности, как суверенные субъекты культурно-исторической жизни. Будучи исторически сложившимися социокультурными общностями, каждая из сторон преследует свою стратегическую цель. Эта цель может быть интерпретирована как стремление каждой общности к сохранению своей социокультурной идентичности, к сохранению самого себя как такового. Такая цель не всегда осознается достаточно четко коллективным социальным субъектом, но она (цель), как закон, определяет характер и направление его действий.

Само стремление социокультурной общности к самосохранению может быть истолковано как система действий, направленных на поддержание своего социального гомеостаза, т.е. на производство и воспроизводство своего образа жизни и обеспечение безопасности. Производство и воспроизводство образа жизни – помимо удовлетворения физических потребностей людей, составляющих данную об-

щность, означает сохранение духовных ценностей, а также обеспечение формирования каждого нового поколения по своему социальному образу и подобию. Удовлетворение таких фундаментальных потребностей людей возможно только при совместных и согласованных действиях. Очевидно, жизнеобеспечение социокультурной общности возможно только при наличии и поддержке определенного внутрисоциального порядка, а также института управления процессами социального развития.

В таком контексте нетрудно заметить, что и абхазская, и грузинская стороны преследуют цели самосохранения, т.е. сохранения своей социокультурной идентичности и условий ее повторяемости. Наличие такой цели осознается довольно остро обеими сторонами, особенно абхазской, которой хорошо памятна историческая судьба близкородственных убухов и шапсугов. В самой стратегической цели самосохранения нет ничего негативного. Однако при выборе средств достижения преследуемых сторонами стратегических целей между ними возникают серьезные противоречия.

Политические интересы. Думаю, что нет особой надобности доказывать здесь наличие у обеих конфликтующих сторон четко выраженных политических интересов, направленных на реализацию права каждой из них на свое государствообразование. Именно несовместимость политических интересов сторон в рамках единого государственного целого явилась непосредственной причиной войны между Абхазией и Грузией в 1992-1993 годах.

Причем нетрудно заметить, что политические интересы сторон не сводятся лишь к восстановлению территориальной целостности Грузии в границах ГССР или государственной независимости Абхазии от Тбилиси. Политические интересы сторон, видимо, следует понимать как манифестацию противоборствующими обществами своего естественного стремления к сохранению своей социокультурной идентичности и обеспечению безопасности своего существования. Эти интересы могут быть удовлетворены посредством определенных механизмов и инструментариев – политических институтов управления процессами социального развития, которые могут быть гарантом существования каждой из сторон в условиях довольно жесткой конку-

ренции за выживание. Без института государственности ни одна из сторон не мыслит возможности обеспечения своей безопасности. Правда, грузинская сторона, в принципе, может обойтись и без Абхазии. Она может сохранить свою социокультурную идентичность, условия ее повторяемости, и обеспечить свою национальную безопасность без Абхазии. Абхазия ей нужна для владения ее природными ресурсами и укрепления своей национальной безопасности от возможных внешних угроз. Абхазская же сторона исключает возможность того, что грузинская государственность может выражать и защищать ее национальные интересы. По самосознанию абхазской стороны она не может сохранить свою социокультурную идентичность, возможность своего исторического существования и обеспечить свою национальную безопасность, будучи в составе Грузии. При этом она ссылается на исторический опыт совместной жизни в XX веке.

Такое толкование этого понятия представляется нам здесь уместным, поскольку оно позволяет шире рассмотреть политические интересы сторон, а не сводить их, как это часто происходит, к противоречию между принципом территориальной целостности государства и правом народа на самостоятельное государствообразование. Ведь выражаемые этими понятиями реалии гораздо шире, разнообразнее и богаче, чем принцип территориальной целостности и право народа на самоопределение. К предмету спора между конфликтующими сторонами следует подходить в контексте тех стратегических целей, которые они преследуют. Именно в этом контексте можно найти немало других вопросов, по которым стороны могли бы конструктивно взаимодействовать.

Экологические интересы. Некоторые участники проекта приходят к выводу о том, что вооруженный конфликт между сторонами разгорелся в конечном итоге из-за владения ресурсным потенциалом Абхазии⁵. Иных задач, рационально осмысливаемых и обосновываемых с точки зрения своих национальных интересов, Грузия в Абхазии не решает. Увеличение своего ресурсного потенциала можно понимать и как условие обеспечения безопасности. Все другие аргументы, выдвигаемые грузинской стороной для обоснования своих притязаний на Абхазию, не более чем идеологемы, призванные служить основной стратегической цели Грузии.

И абхазская сторона в своем противостоянии Грузии преследует в конечном итоге цель обеспечения владения именно этими природными ресурсами. Утрата этих ресурсов воспринимается в абхазском обществе как движение по пути, ведущему к национальной катастрофе. Абхазская сторона считает, что никакой политический статус не спасет ее от социального вымирания, если этот статус не закрепляет за нею права на владение исторически унаследованной территорией. Потому территориальный фактор является доминантным составляющим абхазо-грузинского конфликта на всех этапах его разрастания. Тем более важно учитывать этот фактор при урегулировании конфликта, поскольку речь идет об абхазской территории, обладающей большим ресурсным потенциалом. Вместе с тем, отношение к земле у абхазов не столько потребительски-прагматическое, сколько ценностно-сакральное. Для них, как и для всех горцев Кавказа, природная среда обитания – это не только и не столько кормилица, сколько усыпальница предков, память о которых была всегда священна. Несмотря на все разрушительные последствия войны, такое благоговейное отношение к своей родной земле и ее благам хорошо просматривается в поведенческом архетипе народа.

Но, несмотря на вышесказанное, именно в этой сфере, в сфере экологии, интересы сторон заметно сближаются, а порой и совпадают. Ведь занимаемое враждующими обществами географическое пространство представляет собой достаточно конкретную и органичную целостность, и его делимость не всегда совпадает с теми политическими границами, которые исторически складываются между народами и странами. Для сохранения природных условий жизни на этой территории необходимы скоординированные совместные усилия в первую очередь самих враждующих сторон. Такие усилия тем более важны, поскольку война нанесла тяжелый, местами непоправимый, ущерб экологии Абхазии. Разработка и выполнение рекреационных проектов и программ – в интересах как Абхазии, так и Грузии.

К сожалению, такая работа по изучению экологического аспекта конфликта и последствий войны в этой сфере, по существу, еще не начата. Пожалуй, впервые в рамках рассматриваемого здесь проекта предпринята попытка восполнить этот пробел (Р.Дбар и др.). Проведенные участниками проекта исследования и их наблюдения пока-

зывают, что экологический аспект конфликта может стать серьезным подспорьем в абхазо-грузинском урегулировании. Нужна только политическая воля правящих кругов Абхазии и Грузии, без которой вряд ли возможно сдвинуть процесс урегулирования с мертвой точки.

Экономические интересы. Очевидно, конструктивное влияние на процесс трансформации конфликта требует комплексного подхода. В сложившемся творческом коллективе вокруг проекта нет специалистов из области экономической и социальной политики, что мешает понять такие важные аспекты урегулирования, какими являются экономические и социальные интересы конфликтующих сторон. А потому мы здесь вынуждены ограничиться лишь постановкой проблем и высказать по ним отдельные и самые общие соображения.

Экономическая жизнь Абхазии и Грузии находится в состоянии стабильной стагнации. Какими-либо антикризисными государственными проектами и программами, рассчитанными на выход из этого состояния, стороны не располагают. Иначе говоря, Абхазия и Грузия сами по себе не самодостаточны во многих областях жизни, в том числе, и в области экономики. Обеспечить самодостаточность они могут, взаимодействуя с внешним миром и между собой. Такую политику, политику хозяйственного взаимодействия в интересах сторон, можно было проводить, не дожидаясь полномасштабного урегулирования конфликта. Нашли ведь стороны взаимоприемлемую схему распределения между собой вырабатываемой Ингургэсом электроэнергии? Можно было найти по такой же, хотя бы временной, схеме решение многих экономических, особенно транспортных, коммуникационных проблем. Однако этого не происходит. Более того, руководство Грузии добилось через Совет глав СНГ принятия санкций против Абхазии, что, разумеется, еще более осложнило решение проблем урегулирования и нанесло серьезный ущерб экономике не только Абхазии. Неспособность властей Абхазии и Грузии предложить своим обществам какой-либо конструктивный проект, рассчитанный на выход из экономической разрухи, вызвала в общественном сознании разочарование в самой идее собственного национального государствообразования, сомнение в смысле политических действий, направленных на урегулирование конфликта.

Социальные интересы. Это понятие рационально еще не осмысленно противоборствующими сторонами. Тем не менее, в их противостоянии достаточно хорошо просматривается стремление каждой из них к сохранению таких социальных условий, при которых и абхазское, и грузинское общества могли бы поддерживать и воспроизводить свой национальный образ жизни. Речь идет о сохранении того социального уклада, той структурной организации социальной модели, которая обеспечивает самобытность каждой из сторон в отдельности. Хотя эта самобытность подверглась серьезной эрозии в процессе ее модернизации, но стороны хорошо осознают, что ее полная утрата лишает их правовых оснований претендовать на самостоятельное государствообразование. В этих условиях государственность понимается сторонами как инструмент, который может и должен быть использован в деле сохранения своей социокультурной идентичности.

Этот аспект конфликта, повторяю, хорошо осознается обеими сторонами, особенно абхазской, которая не без основания считает, что она не защитит свои социальные интересы, будучи в составе другой государственной системы. По представлению сторон исторически унаследованная ими национальная самобытность при всей ее деформации и модернизации – это такая ценность, которая должна быть выражена и закреплена определенным образом в законодательстве и в других правовых актах. Поэтому очень важно, чтобы грузинская сторона, поскольку она настаивает на возвращении Абхазии в лоно ее государственности, подготовила пакет предложений – правовых норм и механизмов, поддерживающих стремление абхазского общества к сохранению самого себя.

Культурные и информационные интересы. В сфере культурного образовательного, научно-технического, информационного и гуманитарного пространства обе стороны, особенно абхазская, не могут считаться самодостаточными. Проблемы, возникающие здесь перед сторонами, не имеют одинакового решения. Грузия достаточно определенно выходит из-под влияния России и все более энергично начинает ориентироваться на Запад. Для этого у нее гораздо больше предпосылок, чем у абхазской стороны, которая заинтересована ос-

таваться в общероссийском культурно-информационном пространстве. Правда, в последнее время и Абхазия получила возможность для установления и расширения различных, главным образом, гуманитарных контактов с Западом, но они пока явно недостаточны для удовлетворения имеющихся у нее потребностей. Как могли бы решаться эти проблемы в Абхазии в случае образования с Грузией общего государства, никто не знает.

Грузии придется учитывать интересы Абхазии в России и в другой связи. Ведь на территории Северного Кавказа живут близкородственные абхазам народы – абазины и адыги, связь с которыми исторически всегда поддерживалась. Более того, интересы Абхазии имеются также и в Турции, и в странах Ближнего Востока, где наиболее компактно проживает абхазская диаспора. Связь Абхазии с внешним миром, с северо-кавказскими народами и диаспорой играла достаточно заметную роль и во время абхазо-грузинской войны. Без учета этих интересов трудно будет найти взаимоприемлемую политическую формулу урегулирования конфликта.

Заключение. Проведенный здесь анализ показывает, что в рамках проекта проведена большая работа по критическому осмыслению проблематики урегулирования. Можно сказать, что по существу найден один из возможных путей конструктивного влияния на трансформацию конфликта – промежуточная модель взаимоотношений и учет взаимных базовых интересов сторон. К сожалению, этот путь еще не осмыслен с точки зрения технологии его применения к урегулированию. Потому следовало бы, на наш взгляд, продолжить исследовательскую работу в этом направлении.

ДИСКУССИЯ

Нателла Акаба – Олег Несторович, очень многое из того, что вы говорили, вполне созвучно с моими мыслями. Но один вопрос очень принципиальный. Что дает вам основание предполагать, что сегодня абхазское общество и абхазское руководство не исключают воз-

возможности строить отношения с Грузией в рамках общего государства, но на равных основаниях?

Олег Дамениа – Мнение и позицию официальных кругов я, естественно, учитываю, и в народе тоже, насколько я могу судить, идея конфедерации, в общем, представлялась приемлемой. Хотя народ, конечно, конфедерацию себе плохо представляет. Но когда наши власти говорили о равносубъектных взаимоотношениях с Грузией (это и в прессе, и на телевидении озвучивалось) то со стороны народа не было никакой особой реакции.

Нателла Акаба – Три года назад, может быть, но сегодня ситуация радикально изменилась.

Манана Гургулия – У меня был в принципе тот же вопрос, что и у Нателлы Нуриевны. Олег Несторович, действительно у меня есть момент сомнения в том, что сегодня население принимает возможность установления каких-то конфедеративных отношений. Я согласна с вами, что, может быть, люди не совсем хорошо понимают, что такое общее государство, либо договорные отношения и конфедеративные, но я практически не слышу высказываний в поддержку этих идей. Не претендую на то, что так уж активно общаюсь с народом, но, живя и работая в Абхазии, занимаясь тем, что беру интервью, я этого не слышу.

Арда Инал-Ипа – У нас все вопросы одного рода. Я тоже не буду сейчас говорить обо всем населении и о позиции правительства, потому что она претерпевает изменения. Я, например, не всегда ясно знаю, какова эта позиция и как она меняется в какой-то момент. Но что касается нашего проекта, то с начала с абхазской стороны шла речь о совершенно независимом существовании двух государств, и не было разницы, Грузия рядом находится или Новая Зеландия. Но, в конце концов, мы, конечно, больше стали обращать внимание на то, что нужно учитывать какие-то взаимные интересы двух соседних государств и, что необходимы и может быть возможны какие-то взаимные договоры, но межгосударствен-

ные, а не в рамках единого государства. Об этом шла речь. Даже с грузинской стороны.

Может быть, вы это имели в виду, не конфедеративное государство, а именно какие-то особые межгосударственные договоры, учитывающие и особые взаимоотношения и состав населения и конфликт, то есть речь шла об учете каких-то взаимных интересов в этих особых договорах.

Олег Дамения – Может быть, в концептуальном плане какого-то резкого продвижения или динамики нет, в понимании, трактовке, постановке этой проблемы, но с точки зрения, скажем, толерантности, чисто нравственных или морально-психологических аспектов динамика есть. В понимании интересов Грузии, в понимании своих собственных интересов. Здесь есть какие-то заметные сдвиги. Они кстати просматриваются в наших публикациях. Но это не единственный источник. Еще раз повторяю, что я исхожу из мнений и позиций официальных властей, хотим того или нет, они сегодня у власти. У них есть определенная позиция, и эта позиция декларируется. Это не секретная позиция. Значит, какая-то реакция со стороны общества тоже есть. Отсутствие реакции – это тоже реакция, это тоже я учитываю.

Батал Кобахия – С одной стороны, мы слышим тот анализ, который Вы делаете. Но на самом деле мы не видим такую динамику народного восторга по восприятию тех или иных идей. Я помню только доклад Далилы Пилия, которая, говоря о некоторых возможных государственных моделях, ссылается на то, что это результат исследования общественного мнения. Мы задали вопрос, на чем основываются ее выводы, и выяснилось, что это результат ее предположений. Исследование же предполагает социологический опрос, применение различных методик. В этом смысле я не понимаю, на чем Вы основываете свои выводы. Я, честно говоря, не знаю, как можно так говорить, не проводя опроса общественного мнения. Хотя, с другой стороны, я стал не особенно верить социологическим исследованиям. Я знаю, что социологи тоже бывают достаточно ангажированными, и все зависит от того, что они хотят видеть в качестве результатов.

И еще одно. Сейчас вы еще раз сказали, что у нас динамика толерантности немного иная, чем раньше. Разве есть какая-то формула измерения толерантности, допустим, у абхазов или у грузин, или где-нибудь в Африке? Из чего Вы исходите? Есть какие-то формулы, какие-то критерии или это ваше личное ощущение, которое вы перекидываете на народные ощущения?

Нодар Сарджвеладзе – Я хотел бы говорить не о том, кто чего придерживается, народ или какая-то группа, а о конкуренции трех идей. То есть существуют три идеи, в моем понимании, которые существуют в данный момент в Абхазии и вообще в грузино-абхазских отношениях.

Первая идея – это полная независимость. Сейчас трудно социологически вычислить, кто «за» и сколько процентов. Вторая идея, насколько предположил Олег Несторович – это конфедерация. И третья идея, она уже провозглашена – это ассоциированное членство в России. Эти три идеи составляют какую-то конкуренцию, если говорить о конкуренции. Поэтому речь не идет либо о независимости, либо о конфедерации или о третьем варианте, а в данный момент разговор идет о триаде, насколько я знаю. Поэтому хочу задать вопрос, каково ваше мнение по поводу этих трех идей и конкурентоспособности каждой из них?

Роман Дбар – Этот вопрос на самом деле вызвал такую реакцию, потому что имеет действительно очень важное значение. Естественно, что за те годы, пока шел проект, в нашем обществе обсуждались разные варианты взаимоотношений с Грузией. Мое личное присутствие здесь всегда было связано с тем, что лично я находился в поиске модели взаимоотношений, которую лично для себя хотел бы определить. Идет ли речь о том, независимое государство Абхазия, или конфедеративное в том или ином варианте, включая идею Станислава Лакоба о создании конфедеративного государства с участием трех стран, включая Чечню, предложенную им на одной встрече (он-то от этой идеи потом отказался, но предложение прозвучало, оно прописано, обсуждалось), или речь идет о совместном государстве, или ассоциированном членстве в России, суть заключается в следующем.

На самом деле с точки зрения абхазов это даже не конкурентные идеи друг с другом, каждая из этих идей имеет свою плату. Значит, вопрос в том, сколько нужно заплатить человеческих жизней, чтобы получить первое, второе, третье, четвертое и т.д. Но при этом совместное государство с Грузией сегодня в Абхазии не воспринимается как возможный вариант для обсуждения по одной простой причине. Я не буду ни от кого скрывать такое представление абхазов о том, что нам не то чтобы не привлекательна совместная жизнь, но просто небезопасна. Потому что все прекрасно понимают, что есть один единственный народ на земле, который при определенных обстоятельствах может уничтожить абхазов. И по этой причине совместное существование не может представляться в нынешних условиях как какая-то форма, которая обеспечивает безопасное существование. В данном случае, что касается ассоциированных отношений с Россией, это тоже имеет цену. То есть каждый раз за реализацию каждой из этих идей нужно платить. Понятное дело, что ассоциированное членство с Россией имеет самую низкую цену. Потому что за нее нужно будет заплатить меньшее число человеческих жизней. Это, так сказать, самая нижняя ступень.

Тенгиз Пачкория – А вы не думаете, что этот вариант приведет к ассимиляции и растворению абхазского этноса?

Роман Дбар – Дело в том, что если сравнивать такие полярные вещи, как скажем, к примеру, физическое истребление, то ассимиляция по сравнению с физическим истреблением, изгнанием, носит совсем иной характер. Ассимиляция допускает варианты, возможности во времени адаптироваться и принять какие-то решения, если есть выбор между двумя этими вещами. Поэтому в принципе эта динамика постоянно существует. Она существует и в политике, когда наши руководители говорят, что они сейчас подняли планку до независимости. Вдруг заявляют такие вещи. Но внутри человека, внутри социума существует совершенно отчетливое представление о том, какова цена каждой из этих идей, и именно эта цена заставляет думать о том, что, собственно говоря, готов заплатить человек в данном случае. Потому что каждый знает, что это будет плата ценой человеческих жизней, членов его семьи.

Гурам Одишария – Олег Несторович, слушая Вас, я всегда записываю, и многое получаю. Мой вопрос и по теме и лично к Вам. Прошло девять лет после той трагедии, что с нами произошла, и я хотел бы услышать от вас, какие шаги могла бы предпринять грузинская политика, чтобы создать предпосылки к этим переговорам о двух государствах в одном, или каких-то других неординарных вариантах, которые сейчас очень трудно представить? Интересы интересами, но без доверия и переговариваться нельзя. Потому, что нужно, чтобы со стороны абхазского общества мы имели сегодня какое-то доверие. Я думаю, грузинская политика упустила много времени, она и виновна. Вашу оценку хотел бы услышать.

Лиана Кварчелия – У меня маленькая реплика по поводу динамики, которую отметил Олег Несторович. Я пропустила одну встречу, не знаю, может быть, там что-то особенное было сказано, но я не помню, чтобы на наших встречах кто-то из абхазских участников говорил о конфедеративных отношениях. Совершенно правильно Арда сказала, и Вы, кстати, тоже отметили, что динамика заключается в том, что стороны заговорили об интересах. Мы начинали с позиций, потом стали смотреть, какие за этими позициями стоят интересы и какие потребности. В этом смысле динамика есть.

Что же касается официальных переговоров, то после 98-го года, когда последний раз протокол об общем государстве рассматривался, насколько мне известно, вообще к этому вопросу не возвращались. И после того, как был принят Акт о независимости, речь пошла о том, что да, планка повышена, речь идет о независимости. Я не ручаюсь за то, что происходило в кулуарах, когда, допустим, премьер-министр ездил в Тбилиси и встречался с Шеварднадзе, но официально озвученная им позиция была позиция независимости, а позже заговорили об ассоциированных отношениях с Россией. Сегодня нам говорят, что власти не рассматривают документ, который разработан представителем ООН. Возможно, какие-то консультации и проводятся, я не знаю, но официально обществу говорится о том, что наша позиция в отношении независимости от Грузии неизменна.

Теперь, что касается общества. Кстати говоря, когда речь шла об общем государстве, особой реакции в обществе не было. Реакция

один раз была в 95-ом году, но после этого об общем государстве велись разговоры, но особой реакции не было. Сегодня власти говорят о независимости, и народ соответственно поддерживает эту идею. Я не знаю, что народу будут говорить завтра, но реакция общества, мне кажется, будет зависеть от лимита доверия к руководителям. Когда о каких-то отношениях с Грузией говорил президент Ардзинба, то обществом это воспринималось одним образом, потому что ему доверяли и понимали, что вряд ли он этого на самом деле хочет для Абхазии. Когда это звучит из других уст, то реакция совершенно другая. Много зависит от того, насколько общество доверяет руководителю, который вообще говорит на эту тему.

Асида Шакрыл – Мы знаем, что есть определенная официальная позиция, касающаяся независимости, которая как бы не меняется. Хотелось бы спросить, насколько четко мы можем говорить на каждом этапе об этой позиции, поскольку прослеживаются некоторые изменения? Мы слышим эту позицию от официальных лиц, но есть предложение Бодена, документ, который разрабатывается в ООН. В то же время нет документа, стратегически продуманного, который предложило бы наше государство, абхазское руководство. Вот такого нет документа. У меня такое ощущение, и вы были правы в том, что абхазское руководство иногда близко в своих позициях с обществом, что иногда наше руководство вынуждено принимать, я бы сказала, экстренные меры по выживанию, и в этом отношении общество становится близким руководству. Было время, когда власти говорили об общем государстве, потом о независимом, а затем об ассоциированных отношениях. И принятие российского гражданства – это тоже очередные вынужденные экстренные меры. То есть говорить о каком-то очень четком видении строительства государства нам не приходится. А постоянная необходимость принимать экстренные меры по выживанию приводит к тому, что общество начинает слепо верить в то, что руководство знает, что оно предлагает.

Тенгиз Пачкория – Олег Несторович, когда вы сказали об этой идее конфедеративного государства, равносубъектного и так далее, из каких принципов исходили? Из сугубо прагматических, что Абхазию

никто не признает и Абхазия обречена на изоляцию и т.д.? Или скорее из принципов культурно-психологических, что все-таки, несмотря на эти конфликты, войну и т.д., есть больше сходства культурно-психологического характера?

И в дополнение к этому. Учитываете ли вы, когда говорите о грузинских и абхазских интересах, и возможности или невозможности создания совместного государства, интересы тех государств, которые пригрели руки на этом конфликте, имеются в виду несколько государств, которые и сейчас ведут борьбу за сферы влияния в зоне грузино-абхазского конфликта в этом регионе. Как они воспримут эту идею? Как вы себе представляете?

Даур Начкебия – Я как оппозиционер, то есть наиболее близкий к народу (*смех в зале*), хочу сказать, что в массовом сознании не представляется возможным совместное государство, это однозначно. Это по моим личным наблюдениям, я никаких социологических опросов не проводил. Просто часто езжу в деревню, общаюсь с моими соседями, молодыми и старыми людьми, которые пережили войну и т.д. Единое государство с Грузией им представляется совершенно невозможным. Мне кажется, тут такой интересный психологический момент. Когда Лиана говорила, что в 98-ом году такой бурной реакции общества не было, это объясняется особенностями национального характера абхазов. Просто абхазы такие, что когда дело дойдет до какой-то критической точки, тогда они более бурно выражают свое отношение, свою настоящую позицию, а до этого времени они считают, что тратить свою энергию на заведомо невозможные вещи просто нет смысла. Поэтому если даже сейчас, скажем, наша власть предложит или объявит, что принято соглашение с грузинами, думаю, что на первых порах пока до каких-то реальных шагов не дойдет все это дело, будет очень вялая реакция. Десять лет прошло, так что с такими идеями, я думаю теперь властям выступать очень трудно. Вы же помните про нашу цикличность, каждые десять лет мы как-то накапливаем энергию. Думаю, что нашим властям в ближайшие полтора, два года с такими идеями выступать было бы очень опасно.

Шум в зале

Нателла Акаба – Олег Несторович, я вас очень прошу, проясните это ваша позиция как одного из лидеров Айтайра или как исследователя? *(Смех, аплодисменты).*

Нодар Сарджвеладзе – Я не помню на этих встречах говорил или нет, но существует такая схема (это к отклику Романа), такая триада: жертва, агрессор и спаситель. Эта ситуация почти не имеет никакой динамики в грузино-абхазских отношениях, то есть она остается той же, что и была. Меня удивило замечание Романа о том, что грузин воспринимается в качестве носителя смерти. Я так его понял. То есть образ врага существует. Также как образ жертвенности и образ спасителя. Поэтому у меня такое впечатление, что мы-то может быть и продвинулись в чем-то в своих работах, допустим, в статьях и т.д., сборники составлены, но общий дух, или общая позиция, или общее отношение не претерпело никаких изменений. У меня такое впечатление. Почему? Дело в том, что когда мы здесь выступаем, вольно или невольно, как бы мы не старались абстрагироваться от своего общества, тем не менее, каждый из нас является представителем то ли своей семьи, то ли своего общества, то ли государства и т.д. И неслучайно, что Олег Несторович ссылался на народ. Потому что он считает, что в какой-то части его народа существуют такие настроения. И неслучайно, что он апеллировал к народу, я тоже мог бы это сделать, потому что мы в какой-то степени выражаем, представительствуем от каких-то слоев нашего населения или всего народа в целом. Подсознательно ли, сознательно ли, как бы то ни было, все-таки каждый из нас считает себя представителем народа. В выступлении Романа тоже был представлен абхазский народ, который считает Грузию смертоносной силой по отношению к Абхазии, поэтому в плане образа врага были использованы слова «физическая плата», то есть на карту поставлена жизнь народа. Такое мироощущение существует, наверное, не только у Ромы, но и среди других слоев, и может во всем абхазском народе. Не знаю, это трудно сейчас описать социологически, статистически, но раз слова были сказаны, значит, такое представление существует. Я считаю, что наш проект дееспособен в

том смысле, что он выдает како-то печатный продукт, но этого по-видимому недостаточно. Видимо, то ли мы сами изнутри, то ли наши народы не преодолели эту основную схему, трагичную схему жертвенности, агрессора и спасителя. Всегда ищем какого-то спасителя. Например, Грузия сейчас ищет спасителя в лице американцев. Абхазия ищет своего спасителя в паспортизации или в ассоциированном членстве в России и т.д. И каждая сторона считает себя жертвой. Грузины также считают себя жертвой абхазов, как и абхазы считают себя потенциальными жертвами Грузии. Ничего не изменилось. Реалии остались те же. Поэтому, отвлекаясь от выступления батона Олега, и того, что конфликт может иметь и свое какое-то позитивное начало, получается, что эти два народа, представителями которых мы являемся, не смогли преодолеть ни образа врага, ни стремления говорить на языке жертвы, или агрессора или спасителя. Поэтому у меня полностью пессимистический настрой, фрустрация или прострация, Бог знает.

Марина Пагава – У меня был такой вопрос к вам, Олег Несторович. Вы сказали, что об интересах довольно много публикаций, в отличие от идеи о промежуточных моделях. Что, на ваш взгляд, кажется вам наиболее интересным, жизнеспособным, что касается интересов и наиболее часто повторяется у разных авторов?

Манана Гургулия – Тут интересную схему нам напомнили, но мне кажется, что любая схема, всегда упрощает многообразие жизни. Я бы не хотела постоянно подходить к грузино-абхазским отношениям с точки зрения – жертва, агрессор, спаситель. Потому что в условиях войны и сразу в первые годы это деление было совершенно четким. Со временем эти роли, может быть, меняются и их можно назвать немножко иначе. Получается так, что в силу того, что Грузия это агрессор, Абхазия требует независимости. А для меня возможность существования Абхазии как независимого государства необходима не потому, что Грузия агрессор или какая-то другая страна агрессор. Для меня независимость важна, потому что с моей точки зрения именно в таких правовых рамках абхазы, население Абхазии, могло бы самореализоваться. Может быть это иллюзия, но мне так представляется. Все эти

жесткие схемы очень упрощают и очень жестко завязывают отношения друг на друге. Ну почему обязательно должен быть агрессор, и именно он должен заставлять меня требовать независимости либо какого-то другого политического статуса? Почему в отсутствие агрессора при нормальных цивилизованных отношениях между разными народами невозможно требовать одного или другого?

Понимаете, время все-таки берет свое, и время лечит. И мне кажется, мы иногда как бы себя заставляем постоянно думать в каких-то рамках. Это удобно, когда один враг или жертва, другой агрессор, третий спаситель. Но спаситель меняется, и жертва может стать агрессором, агрессор стать жертвой. Мне вообще эта схема не нравится. Я хочу и в принципе стараюсь что-то делать в этом плане, и каждый из нас старается что-то делать, или, по крайней мере, думать о том, как должны складываться отношения между народами, между людьми, между государствами, так, чтобы они не относились друг к другу в рамках этой схемы.

Я не думаю, что сегодня все в Абхазии говорят о независимости только потому, что воспринимают Грузию как агрессора.

Нодар Сарджвеладзе – Но Рома сказал четко...я отреагировал на эту четкую мысль...

Манана Гургулия – Я это понимаю, и с Ромой тоже полемизирую. Для меня желание независимости Абхазии не связано с тем, что Грузия агрессор, который обязательно должен уничтожить мой этнос. Независимость для меня связана с тем, что в этих условиях, в таких политических и социо-культурных рамках, население Абхазии сможет реализоваться в этом геополитическом, геостратегическом пространстве.

Нателла Акаба – Я хотела отреагировать на то, что сказал Нодар. Когда Нодар сказал, что он понял из слов Ромы, что все то, что мы делали, было напрасно и не дало никаких результатов, это прозвучало очень горько и эмоционально. Мне тоже захотелось как-то успокоить Нодара и сказать, что все-таки это все далеко не напрасно. Мне кажется, что мы не настолько наивны, чтобы думать, что в результа-

те имплементации этого проекта наши общества и наши власти сразу научатся жить в мире. Наверное, у нас не было таких амбициозных целей. Мне лично кажется гораздо более важным, что в наших обществах начали дискутировать на эту чрезвычайно болезненную тему, что появились какие-то новые идеи, разные мнения. Это имеет очень важное значение для того, чтобы грузины и абхазы нашли какие-то новые способы сосуществования.

Роман Дбар – Я хочу сказать, что на самом деле ценность наших встреч совершенно очевидна, я не хотел ставить ее под какое-нибудь сомнение. Те отношения, которые выработались в процессе нашего общения, не подвергаются никакому сомнению, потому что я могу сказать от себя, что с удовольствием приезжаю на эти встречи и с удовольствием вижу всех. Но это одна ситуация, это человеческое измерение. Но есть объемы энергии, на которые мы на сегодняшний день влиять не можем. Допустим, события октября прошлого года, в моих представлениях о возможности наладить какие-то отношения, меня лично отбросили на совершенно отдаленные позиции. Потому что опять возникла эта угроза. И когда я говорю об угрозе уничтожения, да, сегодня ни один народ на земле – ни турки, ни русские, ни американцы – не придут в Абхазию и не станут физически изгонять или истреблять абхазов.

Тенгиз Пачкория – А вы думаете, что грузины будут?

Роман Дбар – Никто не будет сегодня пачкаться таким образом, чтобы повесить на себя вот это клеймо. Но это могут сделать, найти людей, чьими руками это сделают, и совершенно точно могу сказать, как это будет выглядеть, потому что уже один раз это было, и эта стратегия и схема понятна и известна. Я говорю такие вещи, потому что на самом деле существует реальная угроза, которую сегодня общество ощущает. А что вы думаете, по какой причине люди сегодня продолжают спать со своим оружием? Это же не какие-то мифы. Это реально существующая ситуация. Люди готовы к войне. Они готовы защищаться. Они знают, что нужно работать, но при этом знают и то, что нужно воевать. Это совершенно очевидная вещь. Общество наше

готово к этому, и оно значительную часть своих внутренних, в том числе человеческих ресурсов тратит на то, чтобы быть готовым к обороне.

Я хочу сказать о другом. Это отклик на то, что говорил Нодар – агрессор, жертва, спаситель. В части спасителя у абхазов есть очень хорошее выражение «тот, кто вытаскивает из тебя иглу, вонзает в тебя топор».

Лиана Кварчелия – Я тоже не хотела бы ставить под сомнение все результаты нашей работы. Есть немало положительных и полезных моментов. В то же время, я еще раз убеждаюсь, что мы достаточно оторваны от реальности. Так получилось, что мы сами по себе, а реальность сама по себе. Потому что, вот допустим, мы удивляемся, что народ может чувствовать себя жертвой и в этой роли быть. Я вчера говорила и Рома сейчас, что у нас в принципе все мужское население – это резервисты, которые в любой момент могут опять идти защищать свою землю, как это было в октябре. И всю весну у нас была напряженная ситуация. Кроме этого, понимаете, мы ощущаем, что международное право, то есть, то, как оно трактуется сильными мира сего, не на нашей стороне. По-разному можно такую ситуацию описать – можно говорить о жертве и агрессоре, можно другие слова подобрать, но от этого ситуация не изменится и ощущение того, что твои права ущемляются не пройдет. А когда испытываешь такое состояние, что твои права не соблюдаются, начинаешь искать того, по чьей вине это происходит. То, что не так много времени прошло после войны, та же блокада, все это связывается с Грузией, и это весеннее напряжение связано с Грузией. И поэтому, конечно, говорить о том, что образ врага изжит, неверно.

Лиана Кварчелия – Вот нам все время говорят: для того, чтобы вас признали, надо чтобы Грузия первой это сделала. В этом смысле, да, мы сегодня зависимы. То есть наше международное признание и попадание в правовое международное поле зависят от того, как поведет себя Грузия. Поэтому, признай нас сегодня Грузия, между нашими обществами совершенно другого уровня взаимоотношения были бы. В таких условиях, которых живем сегодня мы, невозможно говорить о том, что может быть изжит образ врага. Он есть. Я так

считаю, хотя со мной не все соглашаются. Я считаю, что он и раньше был, до войны.

Другое дело, конечно, что есть люди, которые говорят не о том, есть образ врага или нет, а о том, что он обязательно нужен. Но это делается уже из совершенно других побуждений. Такая постановка вопроса мне представляется аморальной. То есть можно говорить о том, есть этот образ или нет, и что должно произойти, чтобы его не было, но аморально говорить о том, что он нужен.

Арда Инал-Ипа – Я тоже хочу отреагировать на некоторые выступления. Когда говорил Даур, я хотела его поддержать. Он сказал, что, когда власть говорит какие-то вещи, в том числе и об общем государстве, то такое ощущение, что народ вообще не реагирует, но это вовсе не значит, что народ принимает эти вещи. В этой связи можно вспомнить как раз участника упоминавшегося круглого стола, который сказал, что власти говорят о разных вариантах, в том числе об общем государстве, потому что им нужно поле для маневра. По его мнению, их вынуждает делать это какой-то дипломатический этикет, а на самом деле, якобы, мы знаем, что власти следуют интересам Абхазии и т.д. Вот в этом поле для маневра представителям неофициальной дипломатии и отказывают. Я хорошо помню те времена, когда спрашивала у ребят, достаточно крутых, которые воевали, о том, что они думают по поводу того, что происходит на переговорах. Они отвечали, ну, ведь никаких решений не принято. Вот если что-то будет принято, тогда посмотрим, а сейчас – это просто дипломатия. Они всерьез эти процессы действительно не воспринимали. На самом деле, это было достаточно спокойное выжидание, потому что они были уверены, что просто «так сейчас надо».

Лиана Кварчелия – Я как раз это и имела в виду, когда говорила, что когда Ардзинба говорит об общем государстве, это воспринимается как маневрирование, которое необходимо в переговорном процессе. Когда это исходит от кого-то другого, тогда реакция другая.

Арда Инал-Ипа – Что касается триады, о которой напомнил Нодар, мне кажется, что наверное, не надо расстраиваться, что эта триада

сохраняется, потому что это реакция на реальность. Если бы наши народы не реагировали на то, что возобновляются военные действия, что многие политики, а их становится, так я понимаю, не меньше, а может быть даже больше, которые говорят о силовом решении проблемы. Это ведь реальность. Если бы этот образ врага сохранялся после десяти лет абсолютного спокойствия, это на самом деле был бы такой постконфликтный, поствоенный период, тогда надо было бы бить тревогу и говорить, что это у нас за проект, и чем мы занимаемся, если те же образы и то же распределение ролей действует. Но это реакция нашего общества на реальность, к сожалению, которая мало меняется. Большой плюс, что, несмотря на эту, очень тяжелую реальность, мы все-таки продолжаем и не прерываем своей деятельности, хотя на самом деле, я думаю, нас никто не обвинил бы. Я помню, что после Кодорских событий Абесалом сказал, что все, наш проект прекращается. Это было сказано в частном разговоре, но это была реакция не только Абесалома, но и других наших сотрудников, которые сказали, что эти события означают прерывание всякой дипломатии. И несмотря на это, мы все-таки продолжаем работать. То, что участники проекта с грузинской стороны выступили против кодорской авантюры – было проявлением того, что удалось наработать с грузинской стороны. А с абхазской стороны желание продолжать процесс – это то, что было наработано с нашей стороны. Здесь просто мы действительно должны понимать, что реальность, к сожалению, продолжает оставаться очень сложной. Недавно меня, может немножко не по теме, но, одна журналистка спросила, как вы видите решение проблемы беженцев, возможно ли возвращение, как население относится к этой проблеме и т.д. Я сказала, пока выразителем идей беженцев является Надареишвили, который постоянно развивает идеи военного решения проблемы, как вы думаете, могут ли абхазы, которых лидеры беженцев постоянно пугают войной, хотеть, чтобы они вернулись? Пока там не изменится ситуация, не появится другое общественное движение, которое поставит другие цели, не изменится ситуация в Абхазии. Понимаете, это настолько связано. Отношение к беженцам не меняется и сохраняется образ врага в Абхазии потому, что не меняется политика Грузии. И честь и хвала нам, что мы, несмотря на эту, достаточно жесткую политику, и, мо-

жет быть, непродуманную, я думаю, не в интересах обеих сторон, несмотря на это мы не прерываем свой поиск.

Тенгиз Пачкория – Я думаю, что нет ничего удивительного в том, что сказал сегодня Олег Несторович, по нескольким причинам. Почему? Потому что такие же мысли (ну, может не в такой плоскости и не в такой форме) и ранее высказывали некоторые абхазские политики и общественные деятели. Одни публично, другие за кулисами и в частных беседах, и не только со мной. Публично наиболее мне запомнилось, и я это неоднократно говорил, публикации за 98-99 гг. Зураба Ачба, когда он говорил об иллюзорности надежд на признание и создание независимого государства и необходимости поиска компромиссов с грузинской стороной. Фактически он говорил о конфедерации. Я всегда с уважением относился к этому человеку, несмотря на то, что наши взгляды расходились. И в довоенный период у него эти мысли были: еще в 91-м году, когда шла речь о разграничении полномочий, Зураб Ачба был одним из инициаторов. Но дело сейчас не в этом. Другие высказываются за кулисами. И не только политики, но и достаточно высокопоставленные должностные лица. Но я об этом не писал, так как они были против, чтобы озвучивать их фамилии, и я не буду озвучивать. Но думаю, что никто не сомневается, что такие политики есть. И на переговорах в определенный период это тоже обсуждалось. Я думаю, может быть, когда Олег Несторович сегодня сказал, что абхазское общество готово, был немножко категоричен. Если бы вы сказали, что часть абхазского общества готова к идее конфедерации, может быть, на вас так не ополчились бы. А так это звучало очень масштабно. Я уверен, что вы не просто так, сами лично, пришли к этому выводу, думаю, вы общаетесь с представителями разных слоев населения с разными группами политиков. Хотя, представляю, вас могут упрекнуть в дальнейшем в том, что вы последние годы живете относительно далеко от Абхазии и оторваны от ситуации, и другие обвинения могли бы пойти, если бы Вы находились в Сухуми. Я, например, думаю, что и грузинская сторона, многие грузинские политики тоже абсолютно не в восторге от идеи конфедерации. Многие не допускают вообще такой идеи и считают, что создание конфедеративного государства может привести к

ее будущему распаду и уже созданию юридической базы для того, чтобы Абхазия, выйдя из конфедерации, имела другие основания, чтобы стать независимой. Опасения по поводу конфедерации есть у многих грузинских политиков, хотя некоторые допускают возможность начала таких переговоров о создании общего государства. Я напомним, что в 97-м, 98-м гг. этот вопрос обсуждался и когда начался спор – общее государство или единое, – несколько раз по-разному это говорили, президент сначала говорил о едином, потом говорил об общем государстве. Важа Лордкипанидзе участвовал в этих переговорах. Я думаю, что эти идеи об общем и едином государстве немножко разные вещи. Но почему я вас спросил, из каких соображений, принципов, причин вы исходили, какие факторы обусловили эту идею, вы, конечно, сами ответите, но я думаю, что скорей всего это объективная необходимость, закономерность, исходя из прагматических вещей. Во-первых, я очень сомневаюсь в том, чтобы грузинское руководство и Грузия пошли на какое-то признание независимости абхазов. Потому что те политические деятели или отдельные лица, которые в той или иной форме говорят об этом, абсолютно не имеют какой-либо, даже маленькой поддержки, поэтому в Грузии этот вопрос вряд ли когда-нибудь получит положительное разрешение. Никогда эта идея признания не получит, я уверен в этом. А если те или иные лица поставят так вопрос, они просто будут лишены объективным ходом истории, я так думаю, политической власти и влияния среди населения. Я думаю, что вы исходили из прагматических вещей, учитывая условия изоляции народа Абхазии и условия, когда нет других вариантов, и те геополитические реалии, которые существуют. Возможно, вы имели в виду то, что, несмотря на отрицательные моменты, которые были в грузино-абхазских отношениях, резко отрицательные моменты, и психологические моменты и традиции и привычки и все это вместе взятое, было и хорошее с грузинами. Несмотря на то, что эта идея сегодня получила такую реакцию и может быть получит такую реакцию завтра в более широких абхазских и не только абхазских кругах, я думаю, она рано или поздно в той или иной трансформации, получит свое развитие и станет предметом, возможно, переговоров. И она будет иметь больше шансов на обсуждение, чем, например, тот документ, который в шты-

ки воспринимается абхазской стороной, по разным причинам и который, кстати, так и не был обнаружен в грузинской прессе. Имеется в виду документ Бодена, который тоже в штыки воспринимается среди части грузинской общественности, просто держали его в тайне несколько лет фактически.

Батал Кобахия – Я хотел начать с пессимизма и закончить Тенгизом. Знаете, пессимизм наших участников в меня, например, вселяет уверенность и оптимизм. Уверен, что то, что мы делаем, это нормально. Потому что пессимизм – это по большому счету неплохое состояние, когда человек владеет информацией, понимает что, то, что он хочет делать, не так легко сделать, но, тем не менее, он к этому стремится. Конечно, остается распределение ролей, о котором часто говорит Нодар – жертва, агрессор, спаситель. Но я хотел сказать, что стремление абхазов к независимости никак не связано с тем, что Грузия агрессор. Это естественное стремление и никак не ассоциируется с тем, агрессор Грузия или жертва. А что, если бы Грузия была в глазах Абхазии жертвой, то мы бы не стремились к независимости? Мы что захотели бы с ними слиться в экстазе? Я думаю, тут более высокие чувства. Тут, может быть, абхазы сознают, что Грузия – это сосед в течение 2-х, 3-х тысячелетий, рядом мы находимся, есть какие-то отрезки совместной истории, общности, и духовной и материальной. Может быть, мы просто хотим иметь равноправные взаимоотношения, эмоциональные, психологические, политические. В этом смысле стремление к независимости абхазов соответствует и интересам Грузии. Оно способствует тому, чтобы и сами грузины не ощущали бы себя ни агрессорами, ни жертвами, а просто нормальными людьми.

Заканчивая Тенгизом, хочу вот что сказать. Тенгиз сказал, что есть люди, которые за кулисами в кулуарах что-то как-то говорят. Но я чихать хотел на таких людей, которые сегодня не могут заявить о своих ценностях открыто. Чего они боятся? Они боятся, что подвергнутся репрессиям? Такие люди не делают политику и ни на что не влияют. Эти люди вообще не знают народ, у них нет позиции. Поэтому я против того, что Вы в течение двух дней несколько раз в различных, не очень подходящих контекстах упоминаете имя Зураба Ачба.

Я просто не хотел сейчас как-то мифологизировать его имя, оно говорит само за себя. Не надо так оторвано, вне контекста цитировать. Вы говорите то, что хотите сказать Вы, а не Зураб Ачба.

Тенгиз Пачкория – Вы плохо читали его работы, Батал.

Батал Кобахия – Нет, я не об этом хочу сказать, я просто хочу, чтобы вы с большим уважением относились к ушедшим, с одной стороны, и к нам, сидящим в этом зале, чтобы вы не делали такой психологической интервенции. Мы не хотим спорить сейчас по этому поводу. Просто хочу сказать, что если кто-то где-то что-то думает – это его личные проблемы. Я хочу сказать, что ситуация и контекст в Абхазии несколько иной, чем кому-то может видаться. Кого Вы имеете в виду? Лорика Маршания, или еще кого-нибудь, кто в Москве сидит и, вдруг, плотно пообедав, рассказывает вам какие-то мысли, которые ему пришли в голову? Это совершенно разные вещи, и не надо делать из этого историю.

История там, где мы находимся. История заключается в том, что и результаты опросов в фокус-группах показали, что никто из ветеранов в Абхазии себя не ощущает экс-комбатантом. В Грузии ощущают, а в Абхазии никто – в Абхазии все себя ощущают временными резервистами. Я не говорю, что это хорошо. Мы стремимся к тому, чтобы этого не было. Потому что я не хотел бы жить в стране, где каждый взрослый человек, мужчина или женщина, ощущает себя человеком, который завтра должен пойти в бой. Я хочу жить в стране, где люди думают больше об искусстве, культуре, духовности. Я хотел бы жить в такой стране, но, к сожалению, реальность заставляет жить по-другому.

Я думаю, это не трусость. Да, мы видим ту реальность, в которой живем. Мы видим, в каком состоянии находимся, но, тем не менее, делаем то, что делаем. И кстати, во время кодорских событий, в самый пик, мне вдруг позвонил какой-то корреспондент из Тбилиси, когда я в военной форме на секунду приехал в пресс-центр, и спросил: «Как вы думаете, народная дипломатия уже закончилась?» Я сказал: «О чем вы говорите? Наоборот, нам придется, засучив рукава, еще больше работать» В этом смысле у меня не было такого пес-

символизма. Просто это говорит о том, что мы не очень хорошо работали, нам завтра надо будет опять встречаться, опять говорить. Я думаю, что никогда образ врага, образ войны не должен доминировать над нами, нашими чувствами, нашими идеями.

Еще раз возвращаясь к тем, которые все знают, но сказать не могут: хочу повторить – это их проблема.

Тенгиз Пачкория – Можно, я отвечу? Я абсолютно спокойно реагирую на ваши слова нравоучительного толка. Спасибо за такую тональность. Я могу и похлеще сказать, но не вижу в этом необходимости. И если вы не читали, допустим, слова Зураба Ачба и сейчас пытаетесь меня упрекнуть в том, что я спекулирую этими словами, это абсолютно не обосновано. Я читаю не только его, но и всех, и могу процитировать очень многих и грузинских, и абхазских политиков.

Батал Кобахия – Читать-то можно, понимать надо.

Тенгиз Пачкория – Я прекрасно это понимаю, и не надо оскорблять себя, Батал, и не надо пытаться оскорблять других, хотя это оскорбление меня абсолютно не выводит из равновесия. Я отвечаю по существу, потому что вы не первый раз такое делаете. Я старался быть корректным. Что касается тех людей, которые говорят за кулисами, это тоже форма общественной и политической деятельности. Те люди, которые об этом не говорили публично, они не говорили об этом по многим причинам, в том числе из-за того, что на них потом ополчатся, наклеят ярлык предателя, ярлык изменника, человека, который не защищает интересы, это есть и в грузинском обществе, такая часть людей, которые из этих соображений молчат.

Взять хотя бы пример встречи в Москве, 5 лет назад, с участием Фазиля Искандера, Зураба Ачба, Анчабадзе Юры и с грузинской стороны Нико Чавчавадзе, где был подписан очень нейтральный текст участников этой встречи. И я помню, какая реакция была в Сухуми со стороны отдельной части абхазских политиков и отдельных граждан в отношении Фазиля Искандера и Зураба, типа: «Кто вам позволил говорить так?» Но там был абсолютно нейтральный текст.

И далее, второй пример – октябрь прошлого года, встреча бизнесменов в Москве. Я помню, какая реакция была высказана против Левана Ардзинба, против высказываний Виталия Лейба и других (хотя многие из их высказываний грузины тоже встретили весьма негативно). Поэтому, наверно, есть очень много таких людей – и будут, пока вот такая реакция идет со стороны части общества. Такая радикальная, негативная. Я не говорю, что вы не имеете права на реакцию, но, наверно, поэтому люди боятся что-то говорить. Упрекать их в том, что они не высказываются и прячутся, а мы на них ссылаемся, это ваше право, конечно. Я просто объясняю, почему это происходит.

Олег Дамения – В принципе и по существу я очень даже доволен, что есть вот такие отклики и споры, перехлесты мыслей и т.д. Лично я уже давно привык к столкновению мнений и довольно спокойно это воспринимаю. Но вот молодым не всегда к великому сожалению это удастся. Ответить мне не так уж трудно в том смысле, что многие не только задавали вопросы, но и сами на них отвечали. И, кстати, вопрос о формах взаимоотношений между Грузией и Абхазией в моем сообщении не является основным. В этом плане я должен вас немножко огорчить. Я рассматривал другие проблемы, и другие задачи были поставлены передо мной. А этот вопрос как бы мимоходом я затронул. Я не мог не затронуть его, так как в конечном итоге, это вопрос чрезвычайно важный и актуальный. Мы должны какую-то базу и теоретическую и социальную, и экономическую иметь, чтобы вообще могли более или менее зримо представить модель взаимоотношений между Абхазией и Грузией в перспективе. В этом плане как раз я и затронул этот вопрос. И в этом контексте говорил о динамике изменения наших взглядов, отношений и т.д. Динамика, как я это понимаю, это вовсе не значит какое-то одностороннее движение по какой-то восходящей линии. Динамика – это многообразие движений разнохарактерных, разного направления. По существу я говорил о различных мнениях, позициях, которые существуют и в абхазском обществе и которые могут существовать здесь. Не может быть у двоих людей одинаковое понимание, одинаковое представление. И если во время войны абхазское общество было гораздо более единым в

понимании насущных проблем и видении своего будущего, то сегодня, и для этого есть основания, этого мы сказать уже не можем. Ибо существуют разные уровни, разные структуры, разные группы, которые по-разному эту проблему представляют. И это не может не сказаться на уровне политических структур. Это не может не сказаться на уровне мышления, скажем, каких-то обществ, элитных слоев или структур и т.д. Это естественно, сказывается на нас. То есть, когда я говорю об общем конфедеративном грузинском государстве, то я имею в виду, что на определенном этапе эта идея существовала. Я, кстати говоря, не говорил, что я придерживаюсь этой идеи, и, что абхазское общество сегодня готово принять ее, а о том, что такая идея была. Она естественно и сегодня наверняка у кого-то есть. Эта идея формулировалась, излагалась не только политиками, об этой идее писалось нашими же коллегами. Когда мы пишем статьи и представляем здесь, обсуждаем их, то это вовсе не значит, что мы излагаем свои личные позиции. И багоно Нодар как раз говорил, что каждый из нас в той или иной форме, так или иначе, но каким-то образом все-таки представляет позиции каких-то слоев, каких-то кругов, иначе не бывает. Тот же Хайдеггер говорит о том, что никогда не смог поймать себя в ситуации, когда мог бы рассуждать от имени своего собственного я, ибо за зеркалом этого своего я всегда присутствует некий «ман», который определяет мои действия. Так что, я именно в этом плане говорил.

А что касается вопросов, которые задавали Нателла Нуриевна и Батал по поводу моей личной позиции, может быть, я не совсем корректно и понятно изложил ее. Мне представляется более эффективным и реальным не принятие каких-то стратегических или долгосрочных решений, а принятие таких формул, которые помогут нам сегодня решить какие-то конкретные проблемы и вопросы, которые возникают и перед абхазским обществом и перед грузинским. Двигаться надо вот таким путем, я как раз говорил о важности и целесообразности балансирования этих интересов. В этом плане я и подчеркнул, выделил важность промежуточных моделей. Потому что, не только простые крестьяне или резервисты не понимают, но и я тоже себе не представляю, как мы можем сегодня жить в одном обществе. Я только что Тенгизу говорил, что если даже Грузия призна-

ет независимость Абхазии, от этого конфликт не перестанет существовать. Все равно взаимоотношения между этими двумя обществами будут носить конфликтный характер. Значит, нужно решение проблемы видеть только в перспективе. Я так думаю. И не вижу в ближайшее время, скажем, такой идеальной формулы, которая устраивала бы и грузин и все слои абхазского общества.

Что касается цены или платы, как выразился Рома, то я полностью понимаю его и солидарен с ним. Хочу только добавить, что даже если мы получим независимость, все равно нам придется за это платить. Нам придется платить в том смысле, в котором Рома говорил. Нет такой схемы, такой формулы, за которую нам не пришлось бы платить. Другое дело, за какую-то формулу нам придется больше платить, а за другую меньше. Но сегодня нам трудно гадать, какова эта цена, сколько стоит для нас тот или иной вариант. Очень трудно.

Теперь в отношении вопроса Тенгиза. Он сам как-то ответил и не плохо как мне кажется, я во многом с ним согласен, когда он говорит, что Грузия никогда не признает независимость Абхазии. Я лично думаю и не навязываю, естественно, никому своего мнения, что и если кому-то это не понравится я заранее могу извиниться, я думаю, что как и Абхазия, Грузия тоже не самостоятельна. Об этом мы тоже здесь немало говорили, и приходится это еще раз повторять. Не грузинское руководство будет решать – признавать Абхазию или нет. Мы же факты имеем исторические, реальные. Как мы не решаем, как наша политическая элита и руководство не решают судьбу абхазского народа, так же и грузинское. По существу одинаковое положение и в Грузии и в Абхазии. Может быть, грузинское политическое руководство в каком-то политическом плане имеет больший международный правовой статус, это понятно. Если обратите внимание, то во время Кодорских событий, тот же Шеварднадзе окрестил тех людей партизанами и поддерживал их. А совсем недавно, недели 2-3 назад, никому из грузин не советовал идти войной в Абхазию, ибо резервы миротворческого процесса далеко не исчерпаны. Вот вам, пожалуйста, действия политического лидера суверенного государства, признанного мировым сообществом. Видимо, это историческая наша участь.

Так история по всей вероятности распорядилась, и нам приходится в этих условиях жить.

Еще хотелось бы согласиться с Дауром. Если сравнить что было и как было во время войны с тем, что мы имеем сейчас, то во время войны все мы думали одинаково, все, и я тоже, были в едином социальном аффекте – мы должны отстоять, мы должны умереть, но не должны сдать. Но вот сегодня, конечно, есть разные представления. Но, в общем, и целом народ не представляет, не приемлет конфедерацию. Народ не знает и не понимает, что это такое вообще. Да и грузинский народ не понимает. Да, с точки зрения уровня и масштаба понимания, мышления простого народа, обыденного сознания, конечно, более или менее понятно, что такое независимое суверенное государство. Хотя Батал меня обвиняет, что я мало бываю в Абхазии, а значит, многого не знаю, хочу сказать, что можно жить в Сухуме и не бывать в обществе, не встречаться, не общаться. Например, Фазиль Искандер в Москве живет не один год, но прекрасно знает психологию абхазов. Не обязательно каждый раз на свадьбе сидеть и вино пить и прочее.

С точки зрения понимания государственного устройства, да, независимое самостоятельное государство – это понятно. Понятно и то, что было во времена Советского Союза. А теперь последние события показали, что народ в конечном итоге приходит к выводу, что он может надеяться только на себя. И поэтому спит с оружием и не особенно надеется, что наши власти ему помогут или его спасут. Здесь тоже говорилось о том, что нам не доверяют, кажется, Эмзар говорил о недоверии, правильно говорил. Мы тоже особого влияния не имеем, никто. Пусть кто-нибудь скажет, что он имеет особое влияние. И кстати, когда Владислав Григорьевич говорил об общем государстве, народ молчал, не реагировал, и в целом это было воспринято. Да и в 95-м году, когда известный протокол появился, тоже народ молчал. Даже сегодня, скажем, по поводу того, что Ардзинба воспринимают, а Джергения нет, Джергения тоже воспринимают. Он тоже сказал об ассоциированном членстве, о котором вообще никто не знает, и я тоже не знаю, и он тоже не знает, кстати, что это такое.

Нателла Акаба – Он объяснил, что это значит – Россия будет нас защищать, а мы будем независимыми.

Олег Дамения – И вы поверили, да?

Нателла Акаба – Я – нет, но кто-то другой, почему бы и нет?

Олег Дамения – Почему, интересно, Россия должна защищать чью-то безопасность? За какую цену? Зачем она напрасно будет защищать чьи-то интересы? Зачем это ей надо? У каждого народа есть своя ментальность, а у нашего народа своя. На самом деле он может молчать, может стерпеть. Есть какие-то старые формы приличия. По всей вероятности все это соблюдается.

Гурам Одишария – Олег Несторович, и грузины, и абхазы в данный момент довольны тем положением, которое имеют. Я думаю, в этом проблема.

Олег Дамения – Потому я, конечно, не брал на себя обязательство от имени всех выступить, и все точки зрения, суммируя, свести к чему-то одному, либо изложить все существующие взгляды. Я попытался как-то выделить наиболее характерные, наиболее важные и ценные. Еще раз извините, если что-то я некорректно сказал вначале и сейчас. Или чье-то самолюбие задел или еще что-то такое. Я тоже реалист и вижу все эти реалии в меру своих возможностей. Думаю, что иногда могут возникнуть такие словесные перепалки, но недооценивать, как впрочем, и переоценивать значение нашего проекта, не следует. Я тоже за то, что краткосрочного решения проблемы конфликта не имеют. Я к этому выводу пришел и, более того, считаю, что обречать будущее поколение какими-то своими собственными схемами не следует. Пусть будущее поколение тоже думает о себе, как ему будет легче жить.

Марина Элбакидзе

Кавказский институт мира, демократии и развития

ИНТЕРЕСЫ СТОРОН

**(По материалам постоянно действующей
грузино-абхазских конференции)**

В рамках проекта Калифорнийского университета (г. Ирвайн), имеющего целью содействовать трансформации грузино-абхазского конфликта через диалог представителей грузинской и абхазской общности, вышло уже восемь сборников статей о различных аспектах этого конфликта. Эти статьи представляют собой доклады, зачитывавшиеся грузинскими и абхазскими участниками постоянно действующей научно-практической конференции на встречах, организованных в рамках того же проекта. В нашем обзоре мы рассмотрим не только сами статьи, но и опубликованные в тех же сборниках стенограммы дискуссий, следовавших за докладами.

* * *

При обсуждении конфликтных взаимоотношений и возможностей трансформации или превенции конфликта, одной из важнейших задач является определение интересов сторон (участников) конфликта. Задача нашей статьи – констатировать и по возможности проанализировать эти интересы, открыто или подтекстом декларированные на страницах сборника, то есть проследить динамику выражения этих интересов от первого до последнего сборника, а также проследить, насколько стороны интересуются интересами друг друга и адекватно их оценивают.

Для ясности дадим рабочее определение некоторым терминам, часто используемым в нашей статье – таким, как «стороны конфликта», «позиции», «интересы», «нужды» и т.д. **Стороной конфликта** в литературе по конфликтологии называют субъекта социального взаимодействия, имеющего определенные интересы. С дефиницией **«интереса»** дело обстоит сложнее. В конфликтологии принято обсуждать «интересы» в следующей триаде – позиции, интересы и нуж-

ды сторон, но при описании конкретной ситуации трудно их разделить, разграничить: зачастую они как бы перекрывают друг друга и же описание по этой схеме выглядит искусственно, особенно при разграничении «нужд» и «интересов». Для упрощения нашей задачи мы будем пользоваться в основном термином «интересы», но не обойтись и без термина «позиции». Под интересами будем подразумевать те основные факторы, которые необходимы (способствуют) для благополучия или самосохранения социального субъекта (той или иной социальной, этнической или другого типа группы) – *в представлении самого субъекта*. При такой классификации **нужды**, или **потребности**, окажутся одним из интересов – интересом «удовлетворить основные потребности». **Позиция** часто выступает как форма декларирования или метод защиты своих интересов. Для наглядности можно использовать образное выражение из одного сборника: позиция – это вершина айсберга, интересы – его основная масса, поддерживающая вершину и скрытая под водой. Сами авторы часто пользуются терминами «нужды», «потребности», «интересы», «позиции», «задачи», «цели», «проблемы», «ценности», «мотивация» как смежными понятиями одного ранга, так как в реальных ситуациях четко разграничить их бывает сложно, и однозначной методологической основы тут не существует. (Этот вопрос тоже будет объектом нашего внимания.) Обсуждать интересы невозможно без рассмотрения стоящих за ними **субъектов**, но при этом среди множества субъектов, обозначаемых более или менее идентичными терминами (стороны конфликта/акторы/игроки/субъекты социального взаимодействия), надо четко разграничить интересы сторон, *непосредственно вовлеченных* в конфликт, и интересы *других* заинтересованных игроков.

Для выполнения нашей задачи мы считаем нужным классифицировать интересы по разным критериям:

- сфера интересов (политика, экономика, демография, социальные вопросы, религия, культура и т.д.);
- интересы разных социальных слоев и групп (правительства, НПО, населения, криминалов, ВПЛ (внутренне перемещенных лиц), религиозных и этнических общин и т.д.). (чьи интересы более значимы, больше влияют на общество и население в це-

лом, зависит от значительности «носителя» интересов или от значимости самого интереса);

- интересы актеров разных уровней (от локальных и региональных актеров до международных), или, по-другому – интересы внутренних и внешних игроков;
- декларированные (манифестированные) и завуалированные интересы;
- совместимые и несовместимые интересы конфликтующих сторон;
- долгосрочные и неотложные (актуальные) интересы;
- псевдоинтересы и истинные интересы.

В нашем обзоре мы, по возможности, будем делать акцент на категориях обсуждаемых интересов по этой системе. Мы постараемся проследить появление интересов на страницах 8-ми сборников – от первого до последнего. Сборники и представленные в них статьи посвящены разным темам, но тема интересов периодически всплывает во всех сборниках (не только в статьях, но и в дискуссиях), но в разной форме и с разной интенсивностью. Тот факт, что в названиях сборников слово «интерес» появляется только в последнем, восьмом, сборнике, указывает на то, что тема весьма сенситивна и стороны, в лице участников проекта, нуждались во времени и подготовке для открытого и глубокого обсуждения этого вопроса.

Интересы могут быть конфликтогенными факторами, и они же могут стать примиряющими факторами. Во всех сборниках, независимо от темы, всплывают вопросы о статусе и территории (то есть позиции сторон), во всех сборниках обсуждается вопрос беженцев. Конечно, можно было бы сделать обзор по категориям интересов, как бы сделал «срез» через сборники по отдельным критериям, но для представления общей картины и динамики выражения интересов нам кажется целесообразным пройти по сборникам в хронологическом порядке – проследить, как одни и те же вопросы повторяются и раскрываются поэтапно от одной встречи к другой и насколько динамично. Нашу задачу можно сформулировать и так: выявить, кто участвует в конфликте, чего он хочет и как собирается достичь

желаемого. Или совсем коротко: найти ответы на вопросы «кто?», «что?», «как?».

Следует также заранее оговориться о всем известных официально декларированных позициях грузинской и абхазской сторон: Грузия – за территориальную целостность, Абхазия – за независимость. Эти взаимоисключающие позиции по своей логике как бы не оставляют места для рассуждений о разрешении конфликта, но теория и практика конфликтологии показывают, что именно поэтому и следует обратиться к изучению и определению интересов сторон. Что же лежит за этими позициями, какие желания и страхи? Можно ли удовлетворить интересы сторон другими путями, кроме как достижением заявленной территориальной целостности или независимости? Посмотрим, что говорят об этом материалы наших сборников.

* * *

Первые два сборника мы обсудим вместе, так как они близки по тематике и исследуемый нами вопрос об интересах всплывает в них с почти одинаково малой интенсивностью и без сколько-нибудь глубокого анализа. Коротко отметим основные темы сборников: роль официальной и неофициальной дипломатии в трансформации конфликта, мифы и образ врага, значение истории, причины и история конфликта, роль НПО, роль России и т.п. В этом контексте авторы и участники дискуссии, в основном, обсуждают скорее позиции сторон, нежели интересы.

Можно отметить тенденцию: обсуждая причины конфликта, проблемы и перспективу его разрешения, участники встреч больше подчеркивают несовместимость целей и позиций (Грузия – территориальная целостность, Абхазия – независимость), нежели ищут общие интересы, хотя отдельные попытки присутствуют.

В первую очередь коснемся статьи Георгия Анчабадзе, который, напоминая новейшую историю грузино-абхазских отношений, отмечает, что после многолюдного схода в селе Лыхны (1989 г.) народное движение «Айдгылара» продекларировало свое требование о повышении статуса Абхазии до уровня союзной республики. «Эта декларативная акция, показавшая, что абхазы хотят выйти из

состава Грузии, вызвала в грузинском обществе взрыв негодования. Высказывались опасения, что она инспирирована Кремлем и готовится отторжение Абхазии от Грузии» (вып. 1, стр. 23). Из этого отрывка видно, что позиции и основные актеры уже были отмечены с самого начала встреч. На следующих встречах эти вопросы раскрывались все глубже.

Для демонстрации анализа позиций сторон участниками и сложности употребления разных близко стоящих терминов приведем отрывок из статьи Арды Инал-Ипа, в котором говорится о позициях и целях сторон. «Нет признаков того, что **позиции** двух сторон сближаются. Грузия по-прежнему требует территориальной целостности и возвращения всех беженцев. Абхазия по-прежнему настаивает на независимость и отказывается срочно принимать всех беженцев. Таким образом, продолжают оставаться нерешенным две основные **проблемы**, оба общества смотрят с диаметрально противоположных точек зрения. (...) **Проблема** беженцев и **проблема** территории. Две важнейшие **ценности** – земля и люди, в данном случае беженцы, задают условия **задачи**, к которой нет взаимоприемлемого ответа» (вып. 2, стр. 117). Далее автор, исходя из позиции Абхазии, выделяет две основные цели. «Так, за стремлением добиться признания собственного независимого государства стоит **цель** утвердить таким образом неотъемлемое и неоспоримое право народа Абхазии на владение абхазской землей. А за оттягиванием и препятствиями возвращению беженцев стоит **желание** снизить угрозу ассимиляции, закрепив на длительный срок сложившуюся после войны демографическую ситуацию, более благоприятную для сохранения малочисленного народа» (вып. 2, стр. 118). Тут же хотим отметить, что некоторое «несистемное» употребление методологии не мешает участникам выразить свои мысли, а читателю и слушателю – понять их адекватно и разглядеть за словами **проблемы, задачи, желания, ценности и т.д.** интересы и позиции сторон. В данном контексте употребление этих слов придает мыслям оттенок эмоциональности и выразительности.

В первых двух сборниках происходит, скорее всего, констатация позиций и мало попыток найти общие интересы. Еще один отрывок из выступления Арды Инал-Ипа: «..Минуя акт признания при-

надлежности земли Абхазии народу Абхазии, достичь мирного решения конфликта невозможно» (вып. 2, стр. 122).

Другой абхазский автор – Манана Гургулия – рассматривая предпосылки и историю конфликта, фактически затрагивает противоречие интересов сторон, связанных с распределением власти, ресурсов и этнической идентичности до, во время и после конфликта. Она не дает систематизированного анализа интересов, но считает, что «имеет смысл расширить географию сотрудничества» (вып. 1, ст. 110-130).

Интересно также отметить попытку некоторых участников (Аслан Гуажба и Олег Дамения) найти общий интерес для Абхазии и Грузии в идее общего Кавказа. Олег Дамения оценивает взаимоотношения сторон как «взаимозависимую независимость» и призывает найти новые сценарии для урегулирования конфликта, подумать, «как будет происходить формирование «нового мирового порядка» на Кавказе» (вып. 2, стр. 88). Хотим обратить также внимание на появление во втором сборнике термина «национальный интерес» в контексте урегулирования конфликта в статье Олега Дамения «Абхазо-грузинский конфликт: проблемы и перспективы урегулирования». «С точки зрения текущего момента, урегулирование может рассматриваться как цель, но в плане исторической перспективы развития Абхазии и Грузии оно, скорее всего, представляет собой средство, целью которого, надо полагать, является социальная стабильность, созидание политико-правовых условий, эффективно способствующих динамичному и структурному развитию обоих обществ. Это значит, что урегулирование признано стать политико-правовой базой оптимально сбалансированного развития национальных интересов Абхазии и Грузии и придать этому развитию характер взаимозаинтересованности и взаимодополнительности. (...) Урегулирование – это, надо полагать, длительный культурно-исторический процесс, в котором, повторяю, оптимально сбалансирование национальных интересов, на мой взгляд, дает сравнительно большее основание рассчитывать на успех в урегулировании. (...) Но как сблизить и возможно ли вообще сближение национальных интересов Абхазии и Грузии, несовместимость которых (интересов) уже дважды приводила к войне между ними в те

чении уходящего столетия» (вып. 2, стр. 90). Он считает интересным подход к урегулированию через конфедерирование Кавказа (предложенный Станиславом Лакоба). Олег Дамения дает свою интерпретацию *относительности совместимости интересов* и предлагает обсудить вопрос урегулирования *в связи с национальными интересами*. «Когда речь идет о совместимости – несовместимости национальных интересов Абхазии и Грузии, следует заметить, что несовместимыми они оказались в рамках единого унитарного государства. (...) Важно осознание своих национальных интересов, понимание того, кто мы есть на самом деле, такое рефлексирование тем более важно, что национальные интересы Абхазии и Грузии в контексте урегулирования еще не осмысливались. А между тем, сфера взаимодействия национальных интересов конфликтующих сторон – это, как уже отмечалась, пожалуй, тот самый путь, который открывает перспективу урегулирования. ...осознаем свои национальные интересы лишь на эмоциональном уровне, но объективизировать, систематизировать и выразить их на языке понятий нам еще не приходилось» (вып. 2, стр. 90-91). Он считает, что важно осознать кто мы, откуда и куда идем, в чем смысл и ценность нашего национального бытия. Как видно из этой оценки, нужный уровень осознания интересов еще не достигнут, еще не осмыслен соответствующий для примирения интересов фон.

Если рассматривать суждения Марины Барцыц о традиционном правосознании абхазов как попытку найти среди традиционных способов урегулирования конфликтов такие, что могли бы пригодиться и сегодня, так как «народы Кавказа жизненно заинтересованы в мире», то ее статью тоже можно рассматривать как констатацию *интереса* – заинтересованности абхазцев в мирном сосуществовании. Описывая этические нормы и систему ценностей абхазского народа – традицию кровной мести и институт примирения и посредничества (традиционные формы принуждения к миру) – автор приходит к заключению, что «территориальная и культурная близость, общая историческая сопричастность к истокам, приведшим к конфликтам на Кавказе, заинтересованность в мире, позволили бы кавказским и закавказским государствам быть поручителями и гарантами мира в нашем регионе» (вып. 1, стр. 38-55).

В этом контексте можно рассмотреть и проекты урегулирования проблем окружающей среды (вызванных военными действиями): Роман Дбар и Шалва Джоашвили делают акцент на проблемах экологического дисбаланса воды, почвы и атмосферы, призывая к решению этих проблем в рамках трансформации конфликта, не дожидаясь политического решения вопроса. По их мнению, восстановление экологического равновесия должно являться *общим интересом* для конфликтующих сторон и способствовать диалогу о примирении между народами Грузии и Абхазии (вып. 1 и 2).

* * *

Третий и шестой сборник мы тоже рассмотрим вместе, ибо они однородны по своей структуре и подходу к интересующим нас вопросам. В этих сборниках представлены материалы нескольких дискуссий на грузинском телевидении и встреч абхазских и грузинских коллег в Сухуми и в Тбилиси. Основные темы этих сборников: право абхазов на самоопределения и независимое государство, статус, роль официальной и неофициальной дипломатии, роль НПО и международных организации, образ врага, экономическая блокада, причины войны, роль России, государственное устройство, роль истории и историческое право на территорию, значения для Грузии построения демократического общества и государства, возвращение беженцев. По этим материалам трудно говорить о систематизированном представлении интересов сторон, но, обсуждая позиции и проблемы, участники затрагивают и интересы. При этом они скорее ставят вопрос о значимости определения интересов сторон, чем систематизируют эти интересы, хотя отдельные примеры присутствуют.

Своеобразную формулировку интересов предлагают Паата Закареишвили и Эмзар Джгереная, стараясь ответить на вопрос: в чем может быть интерес Абхазии в возвращении в состав Грузии? Ответом на этот вопрос с грузинской стороны можно считать высказывание Закареишвили: демократизация страны и полная гарантия прав человека (теледискуссия в «Студии Ре»).

Давид Бердзенишвили на теледискуссии в передаче «Ретроперспектива» определил интересы в другом ракурсе, отметив, что Гру-

зия всегда опаздывает учесть интересы Абхазии, не соглашаясь на то, что она требуют на каждом этапе (имеется в виду форма автономии). Впоследствии Грузия предлагает ей то же самое, но с опозданием, и получает отказ, ибо Абхазия уже просит больше. А на данном этапе, при наличии де-факто независимости, предложение «широкой автономии» уже тоже не выглядит привлекательным для абхазов, считает Бердзенишвили. То есть, на каждом определенном этапе взаимоотношений Грузии и Абхазии не совсем системно обдуманы и представлены интересы сторон.

На теледискуссии в студии «Ре» (тема – «Экономические санкции против Абхазии») опять был в общем плане поставлен вопрос об общих интересах: какие у нас цели? Манана Гургулия обсудила этот вопрос именно с позиции интересов и заключила, что экономические санкции против Абхазии не входят в интересы ни Грузии, ни Абхазии. Батал Кобахия так объяснил тот единственный случай, который часто приводится на встречах как пример реализации *общих интересов* – непрерывное функционирование Ингур-ГЭС и во время, и после войны: «Тут разговор идет не о любви и нежности между властями Абхазии и Грузии, а о выгодном сотрудничестве. Если бы мы внесли в области сотрудничества вот такие элементы, я думаю, что экономических санкций не понадобились бы» (вып. 6, стр. 35). И эта реплика, и сам пример дают надежду, что жизненно важные интересы сторон реализовать все-таки возможно.

Вопрос об интересах был поднят и на встрече абхазских гостей с тбилисским гражданским обществом в Кавказском институте. Говорилось о том, что надо четко определить, чего хотят абхазы и грузины. «Нам прежде всего надо определить те интересы, которые у нас и у абхазов» – заключил З. Чиаберашвили. Присутствующие попытались сформулировать общие интересы, и в результате таковыми были названы безопасность и развитие гражданского общества.

Отметим, что поскольку в телепередачах, кроме позиций и интересов непосредственных участников конфликта, обсуждался и вопрос о роли других заинтересованных сил (России, ООН и НАТО), то при этом более или менее обсуждались и их интересы.

В четвертом сборнике нам особенно интересны те материалы (выступления и дискуссии), в которых обсуждаются вопросы территориального устройства и моделей сосуществования Грузии и Абхазии, то есть предлагаются пути реализации интересов конфликтующих сторон (в нашей интерпретации, попытка ответить на вопрос «как?»). С обеих сторон присутствуют попытки более открыто описать свои общества по разным критериям. Прослеживается тенденция к более гибкому подходу к обсуждаемым вопросам. В качестве примера можно привести слова Абесалома Лепсая, сказанные при обсуждении его статьи «Ситуация в Абхазии как модель замкнутого общества при наличии внешнего конфликта. Факторы, влияющие на урегулирование», в которой он призывает заниматься решением реальных проблем, несмотря на несовместимость позиций сторон. «...Оставаясь в пределах оппозиции – самоопределение или территориальная целостность – урегулирования не достичь, они практически не соединимы. Эти оппозиции нужно оставить в покое и не возвращаться к ним очень долго. Надо заниматься реальными проблемами, можно идти по пути институционализации тех связей, которые уже существуют, как был создан, например, координационный совет» (вып. 4, стр. 79). В статье рассматривается и анализируются разные политические и идеологические факторы, влияющие на ситуацию в Абхазии; при этом абхазское общество оценивается как замкнутое общество, испытывающее дефицит таких ценностей, которые содействовали бы объединению независимо от национальности. В конце статьи автор за абхазской позицией – независимое абхазское государство – старается разглядеть реальные потребности – в развитии экономики, стремлении к миру и безопасности, которые могут привести к сотрудничеству с Грузией в этих областях и за этим как бы разглядывает новые перспективы сближения.

Некоторые участники описывают абхазское общество в таких терминах – ригидное и однородное, без серьезных партий (их всего две: Народная и Коммунистическая), что объясняется опасением внутренней дестабилизации и, в свою очередь, препятствует открытым политическим дебатам и в итоге тормозит развитие гражданского общества. Между тем, большинство представителей обеих сторон

считают важнейшим фактором для разрешения конфликтов именно гражданское общество и демократические ценности. «Если мы говорим о трансформации конфликта, то мне кажется, это невозможно в условиях отсутствия демократии и гражданского общества» (Нателла Акаба, стр. 88).

Что касается вопроса о территориальном устройстве, предлагаются самые разные варианты: общее государство с равноправными субъектами в лице Абхазии и Грузии (Давид Бердзенишвили), федеральное устройство, асимметричный федерализм (Тинико Хидашели), двойной протекторат (Сергей Арутюнов) и т.д.

Коротко о некоторых предложенных моделях с точки зрения реализации интересов сторон. Вот как оценивает Давид Бердзенишвили основные проблемы (интересы или потребности) сторон конфликта в своей статье «Единство через разделение»: «Перед грузинами не стоит вопрос выживания, перед грузинами стоит проблема создания гражданского общества и демократического государства»; при этом подразумевается, что для абхазов самыми актуальными проблемами является выживание и сохранение самоидентичности (вып. 4, стр. 94). Автор считает, что в интересы Абхазии должно входить и построение демократического государства как гаранта для разрешения ее проблем. Давид Бердзенишвили предполагает, что еще есть шанс создания единого государства грузин и абхазов, в котором Абхазия и Грузия были бы двумя равноправными субъектами. «Мы считаем, что формой общего государства могло бы стать Объединенное Государство Грузии, членами-субъектами которого были бы Республика Грузия и Республика Абхазия. У каждой из них был бы свой однопалатный парламент, при этом обе республики избирали бы депутатов и в парламент Объединенного Государства. Республика Грузия будет устроена по принципу асимметричного регионализма». Но перед грузинами стоит сложная задача: они должны убедить абхазов в том, что в отличии от беспокойного Северного Кавказа, жизнь в едином, демократическом грузинском государстве будет для них привлекательной и безопасной. В этом контексте в *интересы* Тбилиси входит отказаться от требования восстановить довоенную демографическую ситуацию в Абхазии. Основной проблемой на этом пути является минимизация российского фактора, а «активность евроат-

лантических структур нужна не для запугивания абхазов, а для их защиты, успокоения и помощи, для сохранения этнокультурной самобытности абхазов» (вып. 4, стр. 95).

В своей статье «Еще один вариант урегулирования грузино-абхазского конфликта» Сергей Арутюнов предлагает «модель кондоминиума, или, скажем двойного вассалитета, или двойного протектората, которая реально осуществляется сегодня в отношении Андорры». Он предлагает «установить двойной вассалитет в целом на 90% независимой Абхазии между двумя странами: Грузией и Россией, по модели Андорры» (вып. 4, стр. 100). Вариант Сергея Арутюнова был воспринят неоднозначно: представители грузинской стороны, в основном, не одобрили такую версию решения проблемы, а представители абхазской стороны сочли его заслуживающим размышления.

Станислав Лакоба, например, считает целесообразным рассмотреть андоррский вариант, так как этот вариант дает возможность как-то отрегулировать интересы России и Грузии и грузино-абхазские отношения в контексте российской политики на Кавказе. «Если учитывать, что сегодня Грузия не распространяет никакого влияния на Абхазию, а с другой стороны, Россия и так присутствует в Абхазии, это налицо, здесь есть како-то элемент уступки и возможного компромисса, с помощью которого можно было бы, наверное, договориться. Я не считаю, что это приемлемо для Абхазии. Но вы сегодня в Абхазии ничего не имеете и отказываетесь рассматривать этот вариант! Вот это меня удивляет» (вып. 4, стр. 124-125). Реакцию грузинской стороны (не всей, конечно) можно представить репликой Георгия Хубуа, который после высказываний некоторых абхазских коллег засомневался, на самом ли деле абхазы дорожат своим языком и идентичностью, не сохранился ли у них стереотип вассального мышления. «Нет ничего более оскорбительного, чем рассматривать Абхазию и абхазскую нацию как только лишь объект каких-то политических сделок. Мы говорим, что Абхазия и абхазская нация – не объект каких-то политических целей и сделок, а будущий субъект того же грузинского, или – насчет названия еще можно спорить – союзного, государства» (вып. 4, ст. 125).

Мы коснулись материалов по государственному устройству как механизму преодоления конфликта и реализации или защиты интересов сторон. Надо отметить, что в этом контексте абхазская сторона не увидела в предложенных моделях (кроме андоррского варианта) гарантии защиты своих интересов – в сохранении языка, этноса, культуры. Не вызвало энтузиазма и суждение Георгия Хубуа о том, что все проблемы можно решить в рамках федерализма: по оценке Нателлы Акаба, предложенный вариант федерализма выглядит очень абстрактно; к тому же, стороны еще не доросли до федерализма, который «предполагает высокую степень демократии и толерантности, который нет ни в одном из наших обществ» (вып. 4, ст.166). Можно привести цитату из выступления Нателлы Акаба в дискуссии: «Не надо увлекаться этими моделями, потому что все равно ни одна модель нам не подойдет. Может быть, можно использовать только какие-то идеи. (...) Из всех идей, которые предлагались, я не узнала ничего такого, что помогло бы мне обрести уверенность в том, что в этих гипотетических государствах абхазский язык, абхазская культура, самобытность будут защищены. (...) Почему абхазы так зациклились на своей государственности? Потому что пока никто их не убедил в том, что они могут сохраниться как этнос при каких-то иных условиях» (вып. 4, ст.118).

Общая тенденция материалов четвертого сборника: представители грузинской стороны более ориентированы на обсуждение территориального устройства будущего государства, а абхазские – на обсуждение промежуточных моделей до получения полной независимости.

* * *

Пятый сборник содержит материалы с размышлениями о преемственности культур в контексте государственного строительства. В основном, рассматриваются культурно-исторические аргументы в защиту своей правоты при обсуждения вопросов о статусе Абхазии, беженцах, роль России и т.п. Исходя из нашей задачи мы затронем всего несколько статей, где представлены попытки разглядеть за позициями интересы.

В своем выступлении Далила Пилия, прежде чем обсудить государствообразующие принципы, определяющие, *как* строить государство, поставила вопрос: *зачем* абхазам нужна государство (попытка разглядеть интересы за позициями). Ответ был сформулирован в таком виде: для абхазов сохранение государственности означает сохранение собственного народа и идентичности. «...Связующим фактором для абхазов является принадлежность к абхазскому этносу, или, как принято говорить у нас, «абхазство», *апсуара*, это один из главных феноменов, объединяющих абхазов, где бы они не проживали» (вып. 5, стр. 124). Религия в данном контексте роли не играет. По ее мнению, «апсуара» – это социальный институт саморегуляции абхазского общества. Подчеркнув, что гражданское общество в Абхазии зиждется на традиционной культуре народа, на обычном праве, она замечает: «Я бы хотела, чтобы абхазское государство строилась не *на* обычном праве, а *с учетом* обычного права» (стр. 136).

Нодар Сарджвеладзе анализирует основные позиции сторон и стоящие за ними интересы. Он выделяет три базовые противоречия между позициями, которые создают основу неразрешимости или нетрансформативности конфликта. Первая оппозиция – стремление Абхазии к суверенитету, к независимости и стремление Грузии к восстановлению территориальной целостности. Вторая оппозиция – Грузия ориентируется на Запад, Абхазия на Север (Россию). Третья – это стремление Грузии строить открытое общество, и, с другой стороны, стремление Абхазии быть закрытым обществом. А в глубине этих противоречий, считает автор, лежит проблема идентичности. Т.е. абхазы определяют свою идентичность через независимость, через отдаление от Грузии и приближение к России и через самодостаточность. А Грузия пытается определить свою идентичность через сохранение целостности, сближение с Западом и приобщение к новым (западным) ценностям («через расширение своего «Я») (вып. 5, стр. 137-144). Оппонентом такой интерпретации выступает Вячеслав Чирикба, считающий, что между грузинскими и абхазскими обществами нет никаких ценностных цивилизационных различий, оба они – «евразийские общества» и такое деление – «просто мифология».

Олег Дамения развивает идею достижения национального интереса – самоидентичности в общекавказском контексте, затронутую им впервые во втором сборнике. Какой бы ни была их внешняя ориентация (на Север или Запад), вне кавказского контекста ни Грузия, ни Абхазия своих проблем решить не смогут. Конфликт интересов состоит в борьбе за территорию и ресурсы, без чего не один этнос не может самоидентифицироваться. (В более развернутом виде об этом говорится в материалах восьмого сборника).

Стоит обратить внимание и на другие проблемы (позиции и интересы), которые были затронуты в дискуссиях. Полемика шла, в основном, по вопросам о государственном языке в Абхазии, грузинского языка в школах Гальского района и возвращения потомков махаджиров. (Эти темы будут развиваться в следующих сборниках).

Нателла Акаба выразила позицию большей части абхазов, заявив, что государственным языком в Абхазии должен являться абхазский, но некоторые из присутствующих высказали опасение, что это создаст проблемы этническим меньшинствам, а также абхазам, не знающим абхазский язык.

Вопрос о возвращении потомков махаджиров несколько раз всплывал в связи с вопросом о возвращении грузинских беженцев. Грузинские участники дискуссии выразили полное согласие с правом махаджиров на репатриацию, но открыто высказали опасения, не будет ли это за счет ущемления интересов грузинских беженцев, ведь они (махаджиры) могут занять их дома. Заинтересованность абхазов в возвращении махаджиров отражает их заинтересованность в восстановлении демографического баланса. С другой стороны, абхазы отметили, что на сегодня абхазское правительство не ведет никаких подготовительных работ для возвращения махаджиров – нет ни законодательной базы, ни механизмов репатриации, ни специальной программы, ни поддержки международных организаций. Такие вопросы надо решать на международном уровне, считает Батал Кобахия. Но даже если правительство подготовит все необходимые документы, они «повисают в воздухе без разрешения проблемы политического статуса и какого-то признания Абхазии» (Манана Гургуглия, вып. 5, стр. 181). То есть решение вопроса упирается в вопрос о статусе Абхазии.

Первая целенаправленная статья аналитического характера на тему интересов появилась в седьмом сборнике. Эта статья Арды Инал-Ипа: «Понимание интересов сторон – требование современного этапа урегулирования». Статья интересна тем, что предлагает и определение терминов, и попытку систематизировать интересы разных игроков. Подход таков: для преодоления тупиковой ситуации официальных переговоров надо перейти от декларирования позиций к определению и обсуждению интересов. Неясность представления о собственных интересах и об интересах противника, по мнению автора, являются основным тормозом переговоров. Автор предлагает определение таких понятий, как нужды, интересы, позиции и ценности. «Позиции надстраиваются над интересами, в которых отражаются и более глубокие нужды». Автор считает, что конфликтная ситуация формируется на основе противоположных ценностей. По мере созревания конфликта противоположность ценностей порождает противоборство интересов. Интересы проявляются через надстроенные над ними позиции, которые, в свою очередь, диктуют конкретные цели и действия. Поэтому логично представить процесс урегулирования как обратное движение: позиции – интересы – нужды – ценностные установки. Несмотря на стройность этой логики и схемы, сам автор считает, что сформулировать как свои интересы, так и интересы другой стороны, а потом найти общие или пересекающиеся – задача сложная. Затем автор предлагает список интересов Абхазии и Грузии. Главным *национальным интересом Грузии*, по мнению автора, является возвращение Абхазии под свой контроль. Далее следуют:

- укрепление государственности;
- развитие федерализма и самоуправления;
- обеспечение стабильности;
- укрепление и развитие демократических основ;
- обеспечение внутренней интеграции;
- соблюдение баланса в отношениях с Арменией и с Азербайджаном.

Интересы абхазской стороны:

- основной национальный интерес – обеспечение стабильности и независимости абхазского государства как гаранта сохранения идентичности и культуры;
- интеграция всего многонационального общества;
- развитие гражданских и политических демократических институтов;
- специфический интерес – обеспечение демографической безопасности, сохранение абхазского языка и культуры с гарантиями соблюдения прав всех граждан Абхазии.

Общими интересами Грузии и Абхазии автору представляются:

- урегулирование конфликта и установление стабильности в регионе;
- безопасность населения;
- экономическое благополучие;
- развитие гражданского общества;
- разрешение проблемы беженцев;
- обеспечение прав человека;
- демократизация общественных институтов.

Арда Инал-Ипа предлагает свою версию анализа интересов не только непосредственно конфликтующих сторон, но и других заинтересованных сторон – России, Турции, США, НАТО. Из всех этих сторон (как и вообще на этих встречах) основное внимание уделяется России. Автор считает, что Россия не совсем определилась в своих интересах на Кавказе: «Россия мечется между противоречивыми экономическими и политическими интересами». Ее геополитический интерес состоит в обеспечении стабильности на Кавказе, а экономические интересы диктуют противоположную политику – например, «если на Южном Кавказе будет стабильность, нефть потечет в обход России» (вып. 7, стр. 90).

Автор отмечает, что при идентификации интересов сторон надо учитывать и сложность структуры общества, состоящего из разных слоев: интересы разных групп внутри одного общества не всегда могут совпадать друг с другом, и сложно найти приемлемый для всех так называемый общий интерес, тем более, что потом эту систему надо еще привести в соответствие со сложной системой интересов другой стороны.

Нам кажется интересным сравнить предложенный Ардой список с суммированными соображениями об интересах, высказанными на дискуссии, которой руководил Джон Пол Ледерах (с той оговоркой, что с этим суммарным списком были согласны не все участники группы – как с грузинской, так и с абхазской стороны).

Интересы, названные участниками для абхазов:

- сохранение национальной идентичности;
- главная задача абхазов – выжить как народ;
- сохранить идентичность абхазской культуры и абхазский этнос как нацию;
- сначала укрепить государство, потом думать о демократии;
- защита гражданских прав;
- возвращение махаджиров.

Для Грузии:

- построение демократического государства – вместе с абхазами или без них;
- создание демократических институтов, основанных на правах человека и верховенстве закона;
- интеграция в европейские или евроатлантические процессы;
- либерализация экономики, построение рыночной экономики;
- сохранение (или создание) независимого государства (сегодня оно существует только на бумаге);
- восстановление территориального единства;

- соблюдение прав человека;
- обеспечение национальной безопасности;
- решение абхазского вопроса – стабильность вокруг границы на Ингури (иначе невозможно осуществлять международные проекты);
- и еще раз безопасность.

Для преодоления противоречия между интересами (и позициями) сторон Джон Пол Ледерах предложил перейти от стратегии «или-или» к идеологии «и-и» и, обсуждая интересы, формулировать вопросы в такой форме, чтобы в одном вопросе присутствовал интерес обеих сторон не во взаимоисключающей формулировке. Например, «Как мы можем достичь выживания абхазов при развитии грузинской государственности?» Под конец Ледерах предложил свое наблюдение, что базовые интересы сторон совпали в трех пунктах (хотя внутри самых групп единой позиции по поводу базовых интересов не было):

- защита прав человека;
- развитие демократических процессов и институтов;
- поддержание стабильности и безопасности.

Судя по изученным нами материалам, одним из общих интересов является стабильность в регионе. Поэтому мы сочли важным остановиться и на тех статьях седьмого сборника, где обсуждается «Пакт стабильности для Кавказа». Размышления о пакте стабильности представили Тинико Хидашели («Пакт стабильности Кавказа») и Нателла Акаба («Пакт стабильности для Кавказа как модель общекавказской интеграции»).

Тинико Хидашели считает документ интересным, но отмечает разные пункты, где не уточнены правовые вопросы по разграничению компетенций сторон и неоднозначно учтены интересы разных субъектов. Она также считает недоработанной и не совсем справедливой предложенную формулу действующих лиц: «3+3+2», где первая тройка – это Грузия, Армения, Азербайджан, вторая тройка –

Турция, Россия, Иран, а «2» – США и Евросоюз. Следует добавить, что, по оценкам некоторых представителей грузинской стороны, предложенный вариант интеграции Кавказа не соответствует национальным интересам Грузии – пакт подразумевает возвращение Грузии к той роли, которую она играла в XIX в. в составе России.

Второму автору, Нателле Акаба, сама идея общекавказской интеграции тоже кажется привлекательной. Она считает, что в заключении такого пакта заинтересованы не только Грузии и Абхазия, но и внешние игроки. Идею этого пакта поддерживают Турция, США, Европа и международные организации в лице ОБСЕ, но в предложенном варианте он не устраивает тех, чьи взаимоотношения он призван урегулировать: Грузию, Абхазию, Азербайджан и Армению. Н. Акаба передает критические замечания абхазской стороны – точнее, принципиальное несогласие с некоторыми пунктами пакта, игнорирующими основные интересы Абхазии: такая модель никак не подразумевает равенства сторон, являющегося приоритетным принципом для Абхазии. Формула 3+3+2 для Абхазии неприемлема, и автор предлагает свою версию: 6+3+2, где под «6» подразумевается 6 равноправных субъектов – Абхазия, Азербайджан, Армения, Грузия, Нагорный Карабах и Южная Осетия. Если суммировать позицию автора, можно сказать, что идея сама по себе привлекательна, но нуждается в доработке, чтобы отвечать интересам Абхазии.

Мы рассматриваем попытки создания промежуточной модели сосуществования как еще один общий интерес сторон, но возникает вопрос – насколько можно достичь согласия в выработке такой модели. Этот вопрос и задает Абесалом Лепсая в своей статье «Возможны ли промежуточные модели?» «Создание промежуточной модели определяется необходимостью и неизбежностью политики постепенного, нацеленного на долгосрочную перспективу выстраивания отношений между Грузией и Абхазией» (вып. 7, стр.166). Насколько это возможно? Модели составить можно, но они могут просто оказаться утопией, если не будут приемлемы для сторон, если не будут соответствовать их интересам. Насколько действенны будут они в конкретных вариантах? Другой важный вопрос – имеется ли у сторон достаточная мотивация? Если нет, то насколько возможно ее создать? Автор считает важным «создание условий и рамочной конст-

рукции, придающих смысл работе над конкретными моделями сосуществования (не имеет значение, промежуточными или окончательными)». Самой приемлемой моделью отношений между Грузией и Абхазией, в которой будут учтены интересы обеих сторон и разных групп, Лепсая считает консоционализм: «Наиболее приемлемым путем разработки как промежуточной, так и полномасштабной модели и условием ее реализации является путь консоционализма и создания частичной государственности в Абхазии, которая в случае принятия промежуточной модели будет и частично признана, а также создание представительной комиссии или постоянно действующей конференции с участием всех сторон, не только посредников, но представителей от беженцев» (вып. 7, стр. 172-173). Автор полагает, что стороны – включая все слои общественности – должны совместно работать над созданием такой модели, не дожидаясь согласия в вопросе о статусе Абхазии.

Следует отметить, что на этом этапе встреч участники стараются глубже определить интересы *обеих сторон*, исходя из того, что одним из таких интересов является потребность учитывать интересы и потребности не только своей, но и *другой* стороны – до сих пор обе стороны не всегда это делали, а если и делали, то не всегда адекватно.

Мы хотим обратить внимание и на то, что участники проекта не просто констатируют декларированный интерес другой стороны, но предполагают, каким должен быть ее действительный интерес. Например, Абесалом Лепсая, объясняя несговорчивость абхазкой стороны тем, что она находится в неравных условиях, считает, что в интересы Грузии должно входить построение государственности Абхазии. «...Абхазская сторона имеет гораздо меньше ресурсов, поэтому не идет на уступки. Уступить она может немного, а потерять может все. ...Грузия должна быть даже заинтересована в абхазской государственности, чтобы иметь действительно равноправного партнера по переговорам, с которым имеет смысл вести именно переговоры по государственно-правовым отношениям» (вып. 7, стр.165).

Интересно объяснение Даура Начкебиа, почему в интересы Грузии должна входить независимость Абхазии: для Грузии Абхазия является неким рудиментом, тормозящим развитие, и если Грузия

предоставит ей независимость, Россия потеряет рычаг давления на Грузию.

В этом контексте был затронут и вопрос экономических санкций против Абхазии, введенных постановлением СНГ. Абхазские участники считают, что отмена этих санкций, снятие блокады и договоренность об открытии коммуникаций не только входят в интересы Абхазии, но должны входить и в интересы Грузии. Вообще экономическую взаимозаинтересованность и восстановление экономики участники считают важным общим интересом и одним из механизмов трансформации конфликта. Лепсая положительно оценивает идею Гии Тархан-Моурави о превращении Гальского района в свободную экономическую зону: «Превращение сколь нестабильного, столь и важного в экономическом и географическом отношении региона в стабильную зону в огромной степени содействовало бы положительной трансформации конфликта, не говоря уже о прочих выгодах» (вып. 7, ст. 171).

С грузинской стороны об интересах Абхазии говорит Зураб Чиаберашвили в своей статье «Обречены на совместную жизнь» (вып. 7, стр. 221-232). Так как грузины и абхазы самой географией обречены на совместную жизнь, в их интересы входит выработка приемлемой для обеих сторон модели совместного существования. Стороны должны быть заинтересованы в улучшении ситуации не только у себя в стране, но и у соседа-противника. По словам Чиаберашвили, абхазы должны быть заинтересованы в нормальном демократическом устройстве в Грузии, так как от этого в какой-то мере зависит и их судьба: решение вопроса о статусе Абхазии, как и о территориальной целостности Грузии, зависит не только от политической ситуации в мире, но прежде всего от политической ситуации в Грузии.

Интересно также передать позицию некоторых грузинских участников по вопросу о приоритетах интересов Грузии (иерархии приоритетов). По словам Тинико Хидашели, Абхазия сегодня – не такая большая проблема для Грузии, как коррупция: потеря Абхазии не разрушит грузинское государство, а коррупция может разрушить. Самая большая задача, стоящая сегодня перед Грузией – построение государственности, будь то с Абхазией или без нее. Давид Бердзенишвили, оперируя понятием «ценность», считает, что и для грузин,

и для абхазов важнейшая ценность – это независимость, но считает, что существующая реальность ставит вопрос: не устарела ли такая система ценностей? «...Мы ведь живем в мире, где взаимозависимость является более реальным фактором, чем независимость. Сегодня в реальном мире взаимозависимость доминирует над суверенитетом. (...) Наверное, нам надо подумать о том, в чем мы от друг друга все-таки зависим, и как жить в этом мире, где глобализация будет доминировать над регионализацией. (...) Я думаю, мы вступаем в эпоху, где присутствуют обе тенденции, но все-таки основной акцент будет на глобализации. А регионализация будет возникать как реакция на глобализацию» (вып. 7, стр. 199-200).

В выступлениях и дискуссиях 7-го выпуска обсуждаются интересы не только внутренних, но и внешних игроков. При обсуждении докладов называли, в основном, Россию, Грузию, Абхазию и внутренних акторов, но под конец обсуждалась и роль международных организаций – в основном, ООН и ОБСЕ (которые, по абхазским оценкам, дают на Абхазию в пользу территориальной целостности Грузии).

Присутствие российских миротворцев в зоне конфликта рассматривалось в контексте интересов России, Грузии и Абхазии. Сегодня декларированный интерес Абхазии – ни в коем случае не менять формат их пребывания, интерес Грузии (по крайней мере, части политических сил) – уменьшить влияние России и вывести миротворцев. Общее мнение: вопрос о присутствии миротворцев и судьбу Абхазии будет решать сама Россия, в зависимости от того, что получит от Грузии. Территориальная целостность Грузии может быть восстановлена в обмен на разрешение на пребывание на ее территории российских военных баз.

Поэтому, как мы уже говорили, вопросу интересов и роли России уделяется особое внимание. Тут можно выделить два основных подхода. Первый – без урегулирования отношений с Россией абхазский вопрос не урегулировать (такую позицию проявляют в основном абхазские и часть грузинских участников) и второй – Грузии надо ориентироваться на Запад (представители грузинской делегации). Обсуждают альтернативу: Россия или Запад? Рассуждают о выгодности пророссийской и прозападной ориентации. Первая позиция час-

то объясняется следующими суждениями: надо учитывать интересы России, чтоб она не использовала Абхазию как рычаг давления против Грузии. Вторую позицию можно представить словами Левана Рамишвили: «Запад для меня – это не просто помощь Грузии против России, не просто союзник против России или той же Абхазии. Запад для меня – это стратегический союзник против главного нашего врага, коррумпированных грузинских бюрократов» (вып. 7, стр. 193).

Нателла Акаба пытается найти компромисс между двумя подходами и определить общий интерес не только для непосредственных участников конфликта: «Абхазия и Грузия должны найти какие-то формы взаимоотношений, которые будут влиять на ту модель, которая будет сконструирована на всем Кавказе. И может быть, нам суждено найти формулу разрешения этого геополитического соперничества, которая поможет примирить интересы России и Запада на Кавказе» (вып. 7, стр. 220)

Предлагаем некоторые суждения по этим вопросам. Олег Дамения считает, что европейские ценности не чужды и абхазам, а их определенная пророссийская ориентация объясняется тем, что Абхазия не может оторваться от Северного Кавказа, остающегося пока в российском политическом пространстве. При этом он отмечает, что интересы Абхазии более широкие – в них входят связи не только с Северным Кавказом, но и с Турцией, и с Ближним Востоком. Он считает, что грузинам и абхазам надо «отказаться от двух мифологем, которые серьезно мешают сближению позиций. .. Абхазы должны избавиться от мифологемы, что грузины – враги, но в этом должны помочь грузины. ...Сами грузины тоже должны избавиться от мифологемы, что Абхазия является частью Грузии. Пока эти мифологемы будут присутствовать в учебниках или в сознании, самосознание детей или взрослых, мы никогда не сможем урегулировать этот конфликт.» (вып. 7, стр.197).

Абесалом Лепсая считает, что многие участники преувеличивают роль России в конфликте. По его мнению, такое преувеличение исходит от инфантильного предположения, что Россия может решить все проблемы грузин и абхазов. (Развивая эту тему, он утверждает, что именно инфантилизм виноват в том, что «мы оказались неготовыми к промежуточной модели. ...Наш подход к промежуточной мо-

дели – тоже отражение инфантилизма: или мы сразу все получим, или ничего не получим» (вып. 7, стр. 210).

Был поставлен и такой вопрос: входит ли в интересы России независимость Абхазии? С обеих сторон многие считают, что в интересах России укрепить свои позиции и контроль на Кавказе, но не допустить независимость Абхазии, так как это повлечет за собой цепную реакцию в самой России. Абхазия для нее – только рычаг давления. Если Россия официально признает независимость Абхазии, «то должна будет допустить это и где-то еще» (Тенгиз Пачкория, вып. 7, стр.190).

Стоит обратить внимание на ту часть дискуссии, где участники дифференцированно разбирают интересы отдельных социальных групп или структур – властей, беженцев, абхазского правительства в изгнании и т.п. Остановимся на интересах властей. Грузинские участники отмечают, что кто бы ни пришел к власти в Грузии, ее правители никогда не захотят (и не смогут) отказаться от Абхазии (хотя и не способны решить этот вопрос по-другому), ибо это будет непопулярное решение, а они не хотят терять власть. А властям Абхазии тоже невыгодно, чтобы Грузия признала независимую Абхазию, ибо пока нет признания, есть объяснение для всех бед, есть на кого списать все свои ошибки. (Нателла Акаба, вып. 7, стр. 208).

* * *

Так как восьмой сборник («Анализ основных интересов и потребностей сторон на пути к выработке модели взаимоотношений») полностью посвящен обсуждаемой нами теме, мы более подробно остановимся на каждой статье. Тут обсуждаются как отмеченные нами в начале стратегические вопросы «кто, что и как?», так и сложности методологии определения интересов.

Сборник начинается статьей Нодара Сарджвеладзе «Основные потребности и интересы абхазского и грузинского обществ». Автор считает ситуацию «ни войны, ни мира» тупиковой. Стороны, казалось бы, добились максимума того, чего могли добиться в существующих условиях: Грузия добилась того, что «во всех документах международного масштаба и на самых высоких уровнях межгосударственных отношений и соглашений зафиксирована принципиальная по-

зация о ее территориальной целостности. (...) Абхазия тоже достигла максимума – она продекларировала свою независимость». Автор полагает, что в такой тупиковой ситуации «наиболее целесообразным ходом является детальное обсуждение и исследование потребностей и интересов конфликтующих обществ Грузии и Абхазии». Далее он предлагает определение терминов «потребность» и «интересы». По этому определению, «нужда, или потребность, означает нехватку чего-либо»; эта потребность требует удовлетворения, причем институционализированного. Тут же отмечается, что проблемы могут быть реальными и квази-проблемами и удовлетворители тоже. Автор подчеркивает, что часто смешивают понятия потребностей и интересов, но «на самом деле между ними ощутимая разница. Интерес не ограничивается нехваткой чего-либо. Интерес – это тот остаток, который остается после удовлетворения какой либо нужды (потребности) индивида, коллектива или общества. Поэтому надо говорить об удовлетворении потребностей и о реализации интересов. Интересы не удовлетворяются, а реализуются. (...) Корни интереса в двух истоках: с одной стороны – потребности (нужды), с другой стороны – ценности». Далее предлагаются список основных человеческих потребностей и попытка обрисовать, насколько они не удовлетворены в грузинском и абхазском обществах.

1. Потребность в существовании и выживании.
2. Потребность в безопасности и защищенности.
3. потребность в эмоциональных связях.
4. Потребность в идентичности.
5. Потребность в признании и понимании.
6. Потребность в участии в жизни общества.
7. Потребность в креативности.
8. Потребность в рекреации и отдыхе.
9. Потребность в свободе.

Немного о терминах и связанных с ними методологических проблемах. Последовавшая за выступлением дискуссия показала, что

разграничение трех понятий – «потребности, интересы и нужды» – дело очень непростое. Появилось больше вопросов, чем ответов на них.

Некоторые участники предлагали считать некоторые пункты вышеприведенного списка не потребностями, а ценностями. Например, Зураб Чиаберашвили назвал ценностью «идентичность», но ведь если интереса имеет «два корня, или два истока» – потребность и ценность, то тогда можно говорить об «интересе в сохранении идентичности». Другой пример терминологической путаницы – опять в суждениях Зураба Чиаберашвили, где он говорит о территориальной целостности как о нереализованном интересе. По конфликтологическим схемам, стремление к территориальной целостности обычно называется декларированной позицией.

Лиана Кварчелия предложила свой вариант определения этих понятий. «Потребность – это то, без чего человек или коллектив существовать не может (...) Интересы – это все-таки наши представления о том, через что можно было бы удовлетворить наши потребности. (...) Сохранить территориальную целостность для Грузии – это позиция, а интересом является стремление ограничить влияние России. Какую потребность удовлетворит этот интерес?» Для Абхазии, по ее определению, позицией является независимость, а интересом – «сохранить государственность, для того, чтобы обеспечить выживание. Какую потребность или нужду удовлетворяет этот интерес?»

В связи с предлагавшимися определениями и схемами во время дискуссии поднимались и такие вопросы:

- Как применить эту схему для описания потребностей и интересов Абхазии? Как определить их соответствие?
- Какова иерархия интересов, ценностей и потребностей в двух обществах?
- По каким критериям отличить реальные потребности от квазипотребностей?

Приведенные нами примеры и вопросы демонстрируют методологические и практические сложности определения интересов и усилия участников найти на них адекватные ответы.

В названии статьи Олега Дамения «Базовые интересы сторон конфликта как основа ненасильственного урегулирования» как бы уже заложен ответ на вопрос, как урегулировать этот конфликт: путем сбалансирования *национальных интересов* Абхазии и Грузии. Автор отмечает, что переговорный процесс зашел в тупик и так и не выработаны на официальном уровне «взаимоприемлемые политические формы урегулирования». Он согласен, что «именно изучение, учет и *сближение интересов*» сторон может быть очень полезно для урегулирования конфликта. Но тут опять возникает вопрос об определении интересов Грузии и Абхазии. (Для ясности автор предлагает термин «национальные интересы», предложенный еще на одной из первых встреч и тут же оговаривается, что социальные науки до сих пор не дали точной дефиниции этого термина.) Сам автор связывает осмысление этих интересов с «*конечными (стратегическими) целями*» Абхазии и Грузии. Конечная *цель* обоих обществ – «поддержание социального (этнического, национального) гомеостаза», и эта цель является «имманентно присущей социальной общности *потребностью*».

На фоне определения *конечной цели и базовой потребности* автор определяет *цели конфликтующих сторон*. Первая цель – это сохранение социокультурной идентичности: «...Для абхазской стороны (как, впрочем, и для грузинской) ... конечной целью и базовой потребностью является самосохранение, т.е. сохранение своей социокультурной идентичности и условий ее повторяемости. (...) Именно оно является основным мотивирующим фактором, определяющим отношение Абхазии к Грузии и вообще к внешнему миру». Но в этом смысле Грузия и Абхазия находятся в разных условиях «Грузия может сохранить свою идентичность и без Абхазии, в то время как Абхазия, будучи в составе Грузии, как показывает опыт XX столетия, не может рассчитывать на самосохранение» (вып. 8, стр. 30). Абхазия и Грузия, по мнению автора, «преследуют различные *цели (интересы)*: абхазы преследуют *цель* самосохранения в противостоянии своему историческому оппоненту (Грузии), а Грузия – расширения своего социокультурного пространства и укрепления на абхазской территории своей позиции в противостоянии с Россией» (там же, стр. 32). Другой конфликтогенный интерес – это природные ресурсы.

Поскольку «любая социокультурная общность может образоваться и развиваться лишь в границах определенной природной среды (экологической ниши)» (там же, стр. 32), то во время войны абхазская сторона защищала «не только свою социокультурную идентичность, свою Родину, но свои природные (жизненные) ресурсы» (там же, стр. 33-34). В то время как *потребностью* Грузии является овладение природными ресурсами Абхазии, ее *интересом* является расширение своей ресурсной базы.

В предыдущем сборнике был затронут вопрос приоритетных ценностей и интересов. В своем докладе «Абхазия и Грузия: государственность и права личности» Зураб Чиаберашвили вновь затрагивает эту тему. Он считает, что поскольку для Абхазии сейчас главная *проблема* – это непризнанность ее де-факто существующей независимости, то там сегодня работает схема «Сперва независимость, потом государственность» (точно так же, как в начале девяностых в Грузии был популярен лозунг «Сперва независимость, потом демократия»). По его словам, на данном этапе приоритетом для абхазов для нее должна быть государственное строительство, а не права отдельных индивидов: «Для абхазцев приоритетом должны быть не отдельные нужды абхазов как индивидов, а абхазский этатизм и коллективные интересы абхазов». Для Грузии же главная *проблема* – не территориальная целостность (признанная и декларируемая на всех уровнях), а права человека и создание демократических институтов, так как «у Грузин нет ресурсов, чтобы стремиться к обоим целям, чтобы и государственные *интересы* реализовать, и в то же время удовлетворять определенные *нужды* отдельных граждан. Точно также у абхазов нет ресурсов для того, чтобы стремиться к удовлетворению и государственных интересов (чтобы их независимость была признана) и в тоже время удовлетворять потребности отдельных граждан». (Вып. 8, стр.45-54).

(Мы вновь выделяем курсивом некоторые слова, чтобы обратить внимание читателя на методологическую сложность употребления терминов в сфере изучения интересов.)

Батал Кобахия не совсем согласен с Зурабом Чиаберашвили в постановке вопроса: «или права человека, или государственность», «индивид или коллектив» – он считает, что эти вопросы должны ре-

шатся комплексно (при этом он полагает, что Абхазия не сможет удовлетворять эти потребности в рамках грузинского государства) (вып. 8, стр. 78-79).

Нодар Сарджвеладзе согласен с докладчиком, что, добившись признания своей независимости, Грузия должна ориентировать свою внутреннюю политику на удовлетворение прав и интересов конкретных граждан. «В данном случае это – не индивидуализм, а как раз этатизм. В современную эпоху государство иначе не построишь – главной ценностью должен быть человек, а не само государство» (вып. 8, стр. 80).

В двух последних сборниках обсуждались интересы России, США и Европы на Кавказе. Особенно широко обсуждались роль и интересы России – как во время вооруженного конфликта, так и сегодня. Общее мнение: в интересы России входит сохранение контроля над Кавказом, а в интересы Грузии – минимизация роли и влияния России. Некоторые грузинские участники считают, что у Грузии с Россией не только политические разногласия, у них еще и несовместимые системы ценностей. В то же время, по мнению этих участников, у грузин и абхазов есть общая система ценностей, причем более близкая к евроатлантической, чем к российской.

Несмотря на разногласие в оценках российской демократии и ее возможностей, большинство выступающих по-прежнему согласно с тем, что независимость Абхазии не входит в интересы России и что Абхазия нужна России как рычаг воздействия на Грузию. Но эта роль России оценивается по разному – сохраняются две позиции: одни участники по-прежнему категорически отвергают возможность сотрудничества с Россией и предлагают ориентироваться на Запад, другие полагают, что с интересами России (заинтересованной, прежде всего, в сохранении своих военных баз на Кавказе) надо считаться.

Здесь следует остановиться на статье Нателлы Акаба «От конфликта интересов к сотрудничеству» (вып. 8, стр. 90-102, которая структурированно передает интересы основных акторов (Грузия, Абхазия, Россия) и предлагает свой вариант поиска общих интересов, считая, что для выявления общих интересов Грузии и Абхазии надо рассматривать их в комплексе с российскими. *Общим интересом всех трех*

акторов, по мнению этого автора, является повышение уровня безопасности на Кавказе.

Интересы *абхазов* в сфере безопасности сформулированы в таком виде:

- а) физическая безопасность;
- б) демографическая, языковая и культурная безопасность.

Автор считает, что «лишь собственная, абхазская государственность способна обеспечить выживание абхазского этноса и гарантировать его политические, экономические и культурные права» и никакая широкая автономия в составе федеративной Грузии не сможет обеспечить реализацию этих интересов (вып. 8, стр. 91). Рассматривая вопрос о демографической защищенности, автор считает, что в интересах абхазского государства создание условий для репатриации потомков махаджиров. По ее словам, для сохранения собственного языка и культуры абхазам необходимо укреплять связи с родственными народами Северного Кавказа.

Присутствие России в регионе отвечает интересам Абхазии, ибо, по мнению автора, на сегодня Россия – единственный гарант безопасности Абхазии. Запад, по ее мнению, на сегодняшний день таким гарантом быть не может, хотя бы уже потому, что он не осудил ввод грузинских войск в Абхазию в 1992 г. ни с моральной, ни с политической точки зрения.

Интересы Грузии Акаба формулирует на основе высказываний представителей грузинской стороны и своих представлений о том, что должно входить в интересы Грузии:

- построение полноценного государства;
- интеграция в европейские политические структуры, которая, по мнению грузинской политической элиты, будет способствовать безопасности и экономическому развитию страны;
- возвращение беженцев;
- внутривнутриполитическая стабильность и оздоровление экономики как условие для реализации крупных международных проектов;

- независимость от России;
- становление Абхазии как правового государства с демократическими институтами, гарантирующими полноценное существование разных этнических групп в Абхазии.

Автор считает, что, вопреки мнению многих грузинских участников проекта, большая часть населения Грузии все же ориентируется на Россию, и в интересы Грузии должна входить сбалансированная внешняя политика с учетом интересов России. Автор считает, что в интересах Грузии добиваться статуса нейтрального государства, а не интеграции в НАТО.

В то же время, по мнению автора, *и Абхазии, и Грузии* необходимо осознать, что в условиях глобализации их основной интерес – национальная независимость – в лучшем случае означает возможность выбирать, от какой страны зависеть («зависимость по собственному выбору»).

Поскольку одним из главных приоритетов, определяющих политику России в Закавказье, является безопасность, то основной *интерес России* – ограничение влияния других держав в регионе. Ее уход с Кавказа создает для нее «вакуум безопасности», ибо ее место будет заполнено либо Турцией, либо США, Великобританией и Германией. Эскалация вооруженных конфликтов на Кавказе не в интересах России, но не исключено, что Россия в отдельных случаях попытается извлечь выгоду и из такого развития событий, с целью укрепления своих позиций в регионе.

В заключение говорится, что без усилий каждой из сторон (России, Грузии, Абхазии) существенного повышения уровня безопасности в регионе добиться невозможно.

Доклад Нателлы Акаба вновь привел к бурной дискуссии: Россия или Запад? Мнения по этому вопросу не совпадали не только между абхазской и грузинской сторонами, но и внутри сторон.

С грузинской стороны большинство участников занимали однозначную позицию: Запад, а не Россия. Но были и исключения. Так, Тенгиз Пачкория не видит возможностей удовлетворения интересов Грузии «под колпаком Америки, так как «США заинтересованы в консервации абхазского конфликта в рамках борьбы за вытеснение

России с Кавказа» (вып. 8, стр. 64). Он считает, что «в том, что «Россия смогла использовать абхазцев как дубинку против Грузии», отчасти виноваты и сами грузинские политики – их радикально анти-российский курс при недооценке ее возможностей влиять на события (вып. 8, стр. 60). Напоминая о том, что «с медведем шутить нельзя» (вып. 8, стр. 61), он предостерегает от иллюзий по поводу заявленного интереса России к вхождению в НАТО, объясняя его ее намерением развалить НАТО изнутри (там же). По его словам, Грузия не получает гарантии самостоятельного разрешения своих проблем и удовлетворения интересов даже если прекратит конфликт, признав независимость Абхазии – в этом случае внешние силы («не обязательно северные») постараются овладеть другими регионами Грузии, в первую очередь – черноморскими (вып. 8, стр. 63).

Нодар Сарджвеладзе не согласен с постановкой вопроса: «или-или», «Запад или Россия». Он тоже предостерегает от радикализма в отношениях с Россией и недооценки ее огромных ресурсов влияния («...Это огромная империя, она еще скажет свое слово», вып. 8, стр. 81). С другой стороны, не стоит надеяться, что после урегулирования балканского кризиса Запад или какие-либо другие внешние силы вплотную займутся урегулированием кризиса кавказского, это иллюзия: «Никто нас внимания не обратит» (вып. 8, стр. 79). Прогноз пессимистический: «...Мы живем в постмодернистском обществе, в постмодернистскую эпоху, где конфликты не заканчиваются, они пролонгируются бесконечно» (там же).

Что касается абхазских участников, Абесалом Лепсая не видит большой разницы в уровне демократичности России и Грузии, а ориентацию Грузии на западные ценности считает поверхностной. Он считает, что смешно и думать, что можно как-то упразднить роль России («Российские интересы есть и будут, и игнорировать их невозможно»), но при этом считает, что в интересах Абхазии – занять более самостоятельную позицию. По его словам, кавказские государства должны «определить свои реальные интересы, и это поможет определить и российские интересы на Кавказе» (вып. 8, стр. 128-129).

Арда Инал-Ипа не считает, что признание независимости Абхазии – в интересах России (по этому вопросу у участников проекта

разногласий нет): «Для нее (России) это был бы нежелательный прецедент – я имею в виду войну в Чечне и вообще проблемы на Северном Кавказе» (вып. 8, стр. 64). По ее словам, стабильность на Кавказе не входит ни в экономические, ни в политические интересы России, опасаящейся, что если Южный Кавказ обретет наконец политическую стабильность и решит свои экономические проблемы, он не будет больше политически зависеть от России.

Лиана Кварчелия оценивает интересы сторон так: «Сегодня грузинский интерес – ограничить российское влияние в Грузии, наш (абхазский) интерес – получить независимость от Грузии. В чем мы пересекаемся?... Мы должны согласиться, что Абхазия является заложницей и рычагом давления на Грузию. Поэтому... если под урегулированием... понимать признание независимости Абхазии, решение экономических вопросов, вопросов беженцев, то это, действительно, есть способ для Абхазии получить независимость, а для Грузии – ограничить влияние России». Но это не значит, что надо игнорировать такое огромное государство, как Россия, или разорвать с ней отношения, просто надо сделать их более цивилизованными (вып. 8, стр. 83).

А насколько можно абхазам надеяться на Запад, как советуют им грузины? Ответ абхазских участников, в основном, отрицательный. Передаем некоторые объяснения, предложенные ими. Лиана Кварчелия дает свое определение роли России и Запада, уточняет их место в интересах Абхазии. Даже если прав Закареишвили и в долгосрочной перспективе безопасность Абхазии связана с Западом, сегодняшняя реальность – это Россия, и безопасность Абхазии сегодня связана с Россией. Запад в роли гаранта безопасности для Абхазии неприемлем, так как не признает независимости Абхазии и отождествляет урегулирование конфликта с территориальной целостностью Грузии. Как отмечает Кварчелия, Россия хотя тоже не признает независимую Абхазию, но тем не менее оставляет ей какое-то пространство для маневра – разумеется, исходя из собственных интересов (вып. 8, стр. 114). Позицию же Запада она сформулировала так: «...Признавать мы вас не хотим, особенно помогать вам не хотим, а вот вы давайте, стройте демократию» (вып. 8, стр. 117). Запад поддерживает абхазские НПО, но «абсолютно

игнорирует официальный уровень и экономический аспект» (вып. 8, стр. 118).

Манана Гургулия тоже считает, что от Запада помощи не видно (вып. 8, стр. 119-120, 127), позиция Запада однозначная – территориальная целостность Грузии, а Россия, хоть тоже заявляет о приверженности такой позиции, но «тем не менее, исходя из своих интересов, делает какие-то послабления для Абхазии» (вып. 8, стр. 127). Что же касается ориентации на западные ценности, то Россия велика и неоднородна, и там не меньше людей, ориентированных на западные ценности, чем в Грузии (вып. 8, стр. 126)

Давид Бердзенишвили, заявив, что главный интерес Грузии – создать нормальное общество, нормальное государство, чтобы не оставаться постсоветской, «ткемалевой» страной с «фрагментарной государственностью» (вып. 8, стр. 72-73), рассматривает возможность существования независимого абхазского государства как «возможность реализации как грузинских, так и абхазских интересов» (вып. 8, стр. 74), призывая искать их в более широком контексте: «...Когда я говорю, что у нас есть интересы в Чечне, на Северном Кавказе, я абсолютно прагматично считаю, что эти наши интересы могут способствовать урегулированию грузино-абхазского конфликта. ...Внешние факторы, региональные факторы – северокавказский, турецкий, евроатлантический – могут способствовать уменьшению напряженности в грузино-абхазских отношениях» (вып. 8, стр. 72). По его словам, российская ориентация бесперспективна: он не видит «возможности продвижения вперед» для России, действующей старинными методами (там же).

Кроме общих ценностных и политических ориентиров, у Грузии и Абхазии, по мнению участников проекта, могут быть и общие экономические интересы. Чиаберашвили, например, считает целесообразным на данном этапе подключать представителей Абхазии к международным проектам (например, ТРАСЕКА), в которых участвует Грузия,.

Бердзенишвили и многие другие участники проекта тоже рассматривают экономику как поле для поиска общих интересов. Например, Георгий Анчабадзе, начав свое выступление («Базовые интересы Абхазии и Грузии: шаги к укреплению доверия», вып. 8, стр.

138-142), с пессимистического прогноза о том, что в обозримом будущем грузино-абхазский конфликт разрешен не будет, говорит, что тем не менее в интересы сторон входит «развивать миротворческие контакты, искать точки соприкосновения по спорным вопросам, ...не дожидаясь окончательного урегулирования, активно искать выходы из частных ситуаций, заключать взаимовыгодные компромиссные соглашения по тем или иным проблемам» (там же, стр. 138-139), призывает искать точки соприкосновения жизненных интересов. До сих пор практически единственным примером такого взаимного доверия и реализации базовых интересов двух сторон является расположенная на территории обеих конфликтующих сторон ИнгурГЭС, нормальное функционирование которой жизненно необходимо для них обеих. Анчабадзе считает, что обоюдными базовыми интересами могут также стать:

- легализация торгово-экономические связи, ибо на приграничной территории теневая коммерция и так цветет; до сих пор эти торговые операции, в которых заняты тысячи людей по обе стороны Ингури, полностью находятся под контролем мафиозных структур;
- отмена экономической блокады Абхазии, введенной в 1994 г. странами СНГ; если Грузия выступит с такой инициативой, то такое проявление доброй воли принесет ей политические дивиденды, а абхазскому населению – улучшение экономической ситуации;
- восстановление железнодорожного и автомобильного движения через Абхазию;
- большая прозрачность ингурской границы для проживающих в Грузии беженцев из Абхазии; абхазские власти должны дать им возможность хотя бы в год раз повидаться в Абхазии со своими близкими и навестить могилы родственников.

По его словам, «открытие Абхазии» с обеих сторон – с грузинской и с абхазской – будет выгодно им обоим не только экономически, но и политически, поскольку ослабит сформировавшийся у них образ врага.

Давид Бердзенишвили видит пересечение интересов абхазской и грузинской сторон в создании совместных экономических – государственных и частных – предприятий. Его доклад «Открытие Абхазии: проект совместного концерна» (вып. 8, стр. 175-185) перекликается с идеей Гии Анчабадзе об «открытии Абхазии», распространяя ее не только на границы и коммуникации, но и на информационный обмен. Он считает, что «в рамках промежуточных, переходных моделей нам придется подумать о создании легальных таможенных служб Абхазии и Грузии». Он предлагает проект совместного грузино-абхазского транспортно-го концерна, который будет монопольно контролировать железнодорожные, авиационные, морские и автомобильные перевозки грузов и пассажиров. Этот проект будет выгоден не только Грузии и Абхазии, он входит в интересы и других черноморских стран – и не только черноморских, а также, например, Армении – и означал бы «фактическую и юридическую легализацию абхазских экономических структур не только в Грузии, но и в других странах» (вып. 8, стр. 181.).

Идею совместного концерна некоторые оценили как утопию. Тенгиз Пачкория заявляет, что до тех пор, пока не урегулированы политические вопросы и не решен вопрос безопасности, открытие железнодорожного и автомобильного сообщения и полномасштабное функционирование морских портов и аэропортов нереальны (там же, стр. 152, 188-189, 194-195). Арда Инал-Ипа опасается, что этот проект не дает гарантий для удовлетворения «основного интереса абхазской стороны – выживания и сохранения собственной идентичности» (там же, стр. 200) и осуществление такого плана может привести к объединенному государству (там же, стр. 199).

С тем, что экономика – та важная сфера, где можно найти общие интересы, выгоды, точки соприкосновения (несмотря на то, что до сих пор отдельные попытки в этом направлении, предпринимавшиеся с обеих сторон, не дали никакого результата), согласны все участники проекта. Сложнее стоит вопрос об «открытии» Абхазии для беженцев, гостевых поездках. Абхазские участники по-разному отреагировали на предоставление беженцам такой возможности. Некоторые

считают, что это будет опасно для обеих сторон. Но есть и другое мнение, что ничего трагического не случится, и раз уж такие поездки и так происходят (благодаря личным контактам), то лучше их легализовать.

В контексте общих интересов считаем важным привести выдержки дискуссии о проблемах школ для грузинского населения в Гальском районе. Основные проблемы тут – по какому учебнику преподавать историю и на каком языке должно идти обучение. Налицо некоторый конфликт интересов. Интерес грузинской стороны подразумевает преподавание в этих школах на грузинском языке по программе министерства образования Грузии, поэтому грузинская сторона расценивает существующую ситуацию как ущемление прав грузинского населения. Со своей стороны, абхазы отвергают грузинские учебники истории, описывающие абхазов как пришельцев, спустившихся с гор. Некоторые из абхазских участников проекта в принципе не возражали бы против преподавания истории в этих школах на грузинском языке, но по абхазскому учебнику, переведенному специально для таких школ; беда в том, что на его перевод и издание нет средств. Лиана Кварчелия, например, подчеркивает, что каждая этническая группа имеет право получать образование на родном языке, но обеспечить перевод учебников Абхазия сегодня не сможет (вып. 8, стр. 189-190)

Батал Кобахия расценивает создавшуюся ситуацию как противоречие между идеологиями сторон. Для него важен не язык преподавания, а то, «чему они будут учиться. Потому что дело тут касается идеалов, а конфликт, в основном, базируется на идеологических противоречиях» (вып. 8, стр. 201).

Нателла Акаба полагает, что грузинское образование не в интересах самого гальского населения, что оно будет мешать его адаптации к новым условиям жизни (там же, стр. 186).

По мнению же Олега Дамения, изучение грузинского языка входит в интересы самих абхазов: он понадобится не только для изучения грузиноязычных письменных источников по истории Абхазии, но и для сотрудничества в разных сферах, для полноценного общения с коллегами. И наоборот, по тем же причинам грузинам следует изучать абхазский язык (там же, стр. 193-194).

И наконец, хотелось бы упомянуть идею Абесалома Лепся, о которой он напоминает в своей статье «Положение обязывает» (вып. 8, стр. 213-219) – о «постоянно действующей конференции» с различными подразделениями и рабочими группами, представляющей самый широкий спектр политических мнений. Такой орган дал бы возможность сторонам не только договориться об определенных правилах игры на т. н. промежуточный период, но и регулярно обсуждать свои интересы и проблемы, а также идеи, предлагаемые всеми заинтересованными участниками процесса.

* * *

В заключение надо отметить, что сложно предоставить читателю четкий, приемлемый для всех «список интересов» основных заинтересованных социальных или политических субъектов на основе просмотренных материалов: налицо большой разброс идей, часто взаимоисключающих (в этом первенствует грузинская сторона), что отражает ментальную реальность, существующую в двух обществах. Но эти сборники дают читателю ценную информацию – благодаря этим материалам можно проследить весь спектр представлений, с разной интенсивностью муссирующихся грузинской и абхазской общественностью, об интересах, потребностях и проблемах как своей, так и другой стороны. Можно проследить динамику развития отдельных идей и способов их выражения, динамику грузино-абхазских отношений на неофициальном уровне. Внимательно изучив эти материалы, заинтересованные в трансформации конфликта эксперты могли бы составить своеобразный стратегический план для выявления общих интересов и потребностей, актуальных для обеих сторон, с целью построения конструктивного диалога.

Использованная литература:

1. Материалы грузино-абхазской конференции. Март 1999 г., Сочи. [Аспекты грузино-абхазского конфликта, вып. 1.]
2. Аспекты грузино-абхазского конфликта, вып. 2. Материалы грузино-абхазской конференции, Конобеево (Московская область), август 1999 г.

3. То же, вып. 3. Стенограммы грузино-абхазских встреч и телепередач по абхазской проблеме. Декабрь 1999 г.
4. То же, вып. 4. Материалы грузино-абхазской конференции: «Гражданское общество, беженцы, государственное устройство». Москва, 25-27 марта 2000 г.
5. То же, вып. 5. Материалы грузино-абхазской конференции: «Преемственность культур в контексте государственного строительства». Адлер, 26-28 августа 2000 г.
6. То же, вып. 6. Тбилисские встречи. Октябрь-декабрь 2000 г.
7. То же, вып. 7, Материалы грузино-абхазской конференции: «Пакт стабильности на Кавказе и стратегия миротворческого процесса». Сочи, 19-23 марта 2001 г.
8. То же, вып. 8, Материалы грузино-абхазской конференции: «Анализ основных интересов и потребностей сторон на пути к выработке модели взаимоотношений». Сочи, 20-25 августа 2001 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Доклады приглашенных экспертов, оглашенные на конференции

1. Ирина Агрба

Абхазский государственный университет

РЕЦЕНЗИЯ

на проект Калифорнийского университета, г. Ирвайн «Пути построения мира – исследование роли народной дипломатии в урегулировании грузино-абхазского конфликта»

Усложнение взаимосвязей между Абхазией и Грузией вследствие войны 1992-93 гг. определяет целесообразность и необходимость не только обсуждения и разрешения множества неотложных вопросов на официальном уровне, но и активной деятельности обеих сторон в сфере народной (неофициальной) дипломатии.

В рамках Проекта, задачами которого были содействие конструктивному диалогу и сотрудничеству между гражданами обеих сторон грузино-абхазского конфликта, использование методологий, позволяющих проследить влияние неофициальной дипломатии на участников грузино-абхазского конфликта, распространение результатов Проекта абхазскими и грузинскими НПО, были проведены полезные встречи и интересная исследовательская работа.

В реализации Проекта участвовали интеллектуалы – люди разных профессий, а именно историки, психологи, социологи, конфликтологи и др. Результатом проведенных ими исследований стали опубликованные материалы, составляющие **8 книг**.

Последние представляют большую ценность для теории конфликтологии и практики разрешения конфликтов. До издания эти материалы были апробированы их авторами на совместных (абхазо-грузинских) конференциях, встречах НПО с общественностью и в теледискуссиях.

Осмысление участниками Проекта необходимости или нужности народной дипломатии в урегулировании грузино-абхазского кон-

фликта не могло не быть первоочередным предметом обсуждения. В этой связи естественно, что роли неофициальной дипломатии в миротворческом процессе была посвящена абхазо-грузинская конференция, которая прошла в г. Сочи (март, 1999). Здесь же были представлены исследования традиций народной дипломатии у абхазов. Следует подчеркнуть их значение для определенных научных кругов. Для участников конференции и читателей их значение ограничивается познавательным моментом, поскольку авторы не выдвигают конкретных идей по применению тех или иных традиций народной дипломатии в современной ситуации.

На обозначенной конференции были и другие выступления по различным аспектам абхазо-грузинского конфликта. В частности, существо конфликта в развитии и в контексте общемировой ситуации получило последовательное изложение; были проанализированы официальный и неофициальный уровни дипломатии, взаимоотношения между ними; была предпринята попытка наметить перспективы деятельности неправительственных организаций.

Участники Проекта высказали свою озабоченность слабой осведомленностью общества о деятельности абхазских и грузинских НПО в сфере народной дипломатии, исходя из этого изучались причины малой эффективности народной дипломатии путем социологического опроса и применения других методов.

Объективная оценка своей деятельности, отсутствие стремления переоценивать ее результаты, признание «скромности» успеха – это есть те исходные позиции, которые не исключали, а усиливали веру в необходимость народной дипломатии в процессе урегулирования абхазо-грузинского конфликта. В прямой связи с этими обстоятельствами находится генеральная идея о том, что роль неофициальной дипломатии значительна именно в процессе трансформации конфликта через развитие гражданского общества и укрепление демократических институтов и в Абхазии, и в Грузии.

Неинформированность широких слоев населения о целях и задачах деятельности НПО по линии народной дипломатии вызывает интуитивное (или инстинктивное) неприятие всякого рода контактов с грузинскими представителями. Именно понимание «природы» такого «страха» в абхазском обществе (речь идет об опасении, что

контакты на неофициальном уровне могут способствовать нежелательным для абхазского народа компромиссам), думаю, и определило актуальность издания материалов Проекта. Абхазские НПО в этой связи разъясняют, что необходимость говорить с Грузией об урегулировании конфликта совершенно не означает отказа от идеи независимости Абхазии.

Участники конференции с грузинской стороны в большей степени использовали метод социологических исследований. Полученные результаты имеют бесспорное значение, поскольку собранный материал создает возможность для анализа различных процессов и определения основных тенденций. Эти знания полезны для более конструктивного планирования деятельности в сфере народной дипломатии. К примеру сказать, социологические опросы, как мне представляется, имеют большое значение в части оценки гражданской позиции, степени подготовленности (или неподготовленности) общества (отдельных категорий населения) для восприятия тех или иных ценностей и ориентиров, которые пока еще не имеют широкого распространения.

Социологическое исследование, проведенное участниками Проекта (с грузинской стороны) среди гальских беженцев показывает, что за послевоенные годы в понимании причин конфликта, существа проблемы в грузинском обществе серьезных коррективов не произошло. Во многом субъективный взгляд грузинской стороны мешал диалогу и на уровне неофициальной дипломатии. Однако, диалог не прерывался, поиски выхода из тупика продолжались. Уже этот момент характеризует Проект как удачный и состоявшийся.

В 1998-1999 гг. неправительственные организации в рамках Проекта провели четырнадцать двусторонних встреч. В декабре 1999 г. трое участников Проекта из Тбилиси – Георгий Анчабадзе, Марина Элбакидзе и Георгий Нодия – посетили Сухум, чтобы встретиться с абхазской общественностью.

Деятельность в рамках народной дипломатии стала возможной благодаря тому обстоятельству, что среди грузинских представителей НПО, участников Проекта, есть небольшая группа людей, выражающих нетипичные для современного грузинского общества мысли в отношении возможных перспектив развития абхазо-грузинских

отношений. «Эмансипированность» рассуждений этих людей хоть и не абсолютна, но все же сглаживает момент непримиримости взглядов и целей сторон и положительно влияет на диалог.

Одним из самых положительных моментов в работе Проекта является то, что, отстаивая необходимость восстановления доверия между двумя сообществами, НПО своей деятельностью пытаются нейтрализовать влияние определенных кругов в Грузии – сторонников силового решения абхазской проблемы.

Несмотря на предложение некоторых участников Проекта не концентрироваться на исторической составляющей абхазо-грузинского конфликта и даже исключить ее из информационной борьбы, часто в ходе обсуждения вопросов различного плана приходилось возвращаться к историческим экскурсам. Речь шла, конечно же, об этнической истории абхазов. В этой сфере глубоко разбирается постоянный участник Проекта с грузинской стороны – Г. Анчабадзе.

Находясь в интенсивных поисках путей разрешения абхазо-грузинского конфликта на уровне неофициальной дипломатии, участники Проекта гибко определили свое поприще: окончательное решение конфликта – дело политиков, однако на пути к урегулированию необходимо будет преодолеть множество сложных проблем, решение которых под силу только развитому гражданскому обществу.

Встреча представителей грузинских НПО в Абхазском институте Гуманитарных исследований (АБИГИ), продемонстрировавшая отсутствие у абхазской интеллигенции веры в существование в Грузии серьезного потенциала конструктивных идей по абхазской проблеме, имела все же большой резонанс в различных кругах абхазской столицы.

Принципу «шаг вперед – два шага назад!» следовали и казавшиеся наиболее прогрессивными представители грузинских НПО. Так, например, допуская возможность развития абхазской государственности, включая признание юридически независимого государства, они пропагандируют ненужность и невыгодность для Грузии такого развития событий. Что касается модели о разделении Абхазии на две части, она вызывает еще большее раздражение, чем даже нежелание Грузии мириться с де-факто независимым существованием Республики Абхазия.

Известно, что характер и направление деятельности СМИ является важным элементом гражданского общества. Этому вопросу заслуженно много внимания уделили абхазские участники. В основном «послушные» СМИ являются показателем состояния обоих обществ.

Материалы Московской конференции (март, 2000) отразили обсуждение развернутой проблематики: гражданское общество, беженцы, государственное устройство.

Абхазские участники Проекта многократно поднимали вопрос о блокаде Абхазии в качестве чрезвычайно негативного фактора в процессе абхазо-грузинского противостояния, способствующего формированию осадного менталитета и препятствующего большей открытости абхазского общества.

В целом участники конференции старались сосредоточиться на наиболее ключевых и неотложных вопросах. Но были попытки «раскачать» не очень-то зрелые и может быть даже надуманные проблемы со стороны некоторых абхазских участников. Потому, например, эмоционально и с раздражением воспринимается попытка отдельных представителей абхазских неправительственных организации «раскрутить» проблемы неабхазского населения Абхазии.

Через материалы Проекта многие из нас, граждан Республики Абхазия, получили информацию, на основе которой можно составить в целом представление о грузинских НПО.

Участники диалога с грузинской стороны (некоторые из них), видимо, лишь теоретически допускают вариант независимого развития Абхазии. И это выглядит в глазах абхазского читателя потрясающе смелым для любого грузина взглядом, прорывом общественной мысли в Грузии. Тем не менее и они чаще всего предпочитают обсуждать различные модели сосуществования Абхазии и Грузии в едином государственном пространстве.

Кстати, в части обсуждения этого вопроса рассуждения о необходимости единого государственного пространства для Грузии и Абхазии, сторонники подобной трансформации абхазо-грузинского конфликта, а именно грузинские участники Проекта не озвучили ни разу свое понимание этой необходимости и, я полагаю, что их устремления питаются только за счет принципа территориальной целостности государства. Мне как раз показалось, что абхазским и гру-

зинским участникам неофициальной дипломатии не удалось адресно сказать, есть ли истинная национальная (а не национально-шовинистическая) идея в Грузии, которая заключала бы в себе высший смысл ее существования и предназначения, и если есть такая идея, то чем грозит ее реализации абхазская независимость. В ходе диалога грузинские участники многократно говорили о том, что нужно спасти грузинскую государственность, но не было (не могло быть?) обоснования, почему Абхазия должна повторить свою «мессианскую» роль в отношении Грузии и в ущерб собственным национальным интересам.

На мой взгляд, и представителям абхазских НПО, для которых аксиомой является политическая идентификация абхазов в форме независимого государства, недостаточно заявлять, что только таким образом можно сохранить абхазский этнос. Много и других важных предпосылок, определяющих необходимость строить независимое государство (де-факто уже существующее) и добиваться его признания де-юре. В конце концов и на уровне неофициальной дипломатии имеет смысл интеллектуалам обеих сторон организовать настоящий «поединок» с использованием всего арсенала аргументов и контраргументов для убедительного обоснования национальной идеи каждой стороны конфликта.

Думаю, что именно плодотворная работа Проекта в течение нескольких лет подводит к необходимости преодолеть и такой рубеж.

Авторы Проекта не могли недооценивать значение для подобных контактов существования сходных моментов, которые всегда имеются в культурной матрице соседних народов. Аспекты соприкосновения и схожести не могли скрыть главного: представители сторон, участвовавшие в Проекте, констатировали, что каждый придет к своей цели. Но и это обстоятельство не мешало продолжать обсуждение нелегких вопросов.

Должна заметить, что не все участники были готовы для участия в диалоге. Сторонники крайних, шовинистических взглядов апелировали к ложным историческим теориям, тем самым внося в обсуждение деструктивные настроения. (Как справедливо отмечает Э. Хобебаум, «национализм требует слишком большой веры в то, что не существует»).

Наиболее интересные характеристики состояния современного грузинского общества имеются в высказываниях и наблюдениях А. Инал-ипа.

Любопытным представляется обсуждение Пакта стабильности на Кавказе, разработанного Центром европейских политических исследований. Абхазские представители не скрывали своего скептического восприятия Пакта. Этого надо было ожидать, потому как, будущее Абхазии через призму Пакта стабильности на Кавказе выглядит очень непривлекательно.

Таким образом, мы склонны думать, что в рамках Проекта проведены очень полезные и интересные исследования. Многие работы украсили бы самое престижное научное издание. Однако немало и непроработанных моментов, что будет вызывать у читателей неоднозначные оценки.

Вся эта работа проводится НПО Абхазии и Грузии на фоне малой информированности общества и крайнего раздражения властей. У неправительственных организаций Абхазии есть своя ниша. Их влияние на процесс формирования гражданского общества пока ограничено в силу объективных и субъективных причин. Но оно становится ощутимее.

Более того, должна заметить, что в условиях отсутствия в Абхазии учреждений типа Института стратегических исследований, центра по вопросам конфликтологии и политологии, этот Проект как бы заполняет недопустимый вакуум в генерировании политических и других идей. Ознакомление с материалами Проекта оказало на меня сильное энергетическое воздействие. Стала острее ощущаться необходимость инициирования новых идей, содействия формированию более широкого «поля» для плодотворной работы интеллектуалов-тружеников во имя движения нашего общества к стабильности и миру.

Эффективность работы такого Проекта была бы более ощутимой, если была бы налажена связь между теми структурами, которые (пусть на разных уровнях) заняты в процессе урегулирования конфликта с Грузией. Мне кажется, что в наших условиях (как минимум) непрагматично, чтобы властные структуры раздражались относительно деятельности НПО в области народной дипломатии. Не время отвлекаться на желание «доминировать» и монопольно распоряжаться

в такой тонкой сфере, как наша молодая внешняя политика. Вместо «недостигаемости» друг для друга должно быть сотрудничество.

В этой связи актуальной представляется идея, родившаяся в рамках рецензируемого Проекта – речь идет о создании постоянно действующей Конференции (А. Лепсая), или другой структуры, предложения которой могли бы обсуждаться и реализовываться Координационным Советом.

Как видим, за небольшой период времени абхазскими и грузинскими НПО в рамках Проекта «Пути построения мира. . .» проведены значительные мероприятия. Опубликование 8 книг – материалов абхазо-грузинских конференций, ряда встреч и серии телепередач на грузинском Государственном телевидении – главный показатель оценки эффективности Проекта. Остается сказать, что необходима иной степени «информационная изошренность», чтобы в обществе было больше объективной информации о деятельности НПО, ее мотивации и т.д.

Кто знает, может быть в обществе наших оппонентов, в Грузии, не за горами начало переоценки главного ряда ценностей. Именно такая переоценка может лежать у истоков нового мировоззрения.

В заключение хочу сказать, что я не являюсь участником Проекта и не принимала участия во встречах и иных мероприятиях в его рамках. Статья является результатом анализа материалов в восьми сборниках.

2. Арчил Гегешидзе

Оценка эффективности проекта Калифорнийского университета (г. Ирвайн) «Пути построения мира. Исследование роли народной дипломатии в урегулировании грузино-абхазского конфликта»

При всей очевидной целесообразности Проекта Калифорнийского университета (г. Ирвайн) «Пути построения мира – исследование роли народной дипломатии в урегулировании грузино-абхазского конфликта», следует подвести определенные итоги с учетом того, что прошло почти четыре года с начала его осуществления. Главным в подведении итогов, видимо, должна явиться оценка эффективнос-

ти Проекта. Иными словами, следует каким-то образом определить, насколько он оказался успешным. Чтобы ответить на поставленный вопрос, в первую очередь выясним, правильно ли были поставлены задачи перед Проектом и в какой степени удалось их решить. Одним из важных критериев успешности Проекта следовало бы принять степень повышения готовности участников Проекта к выработке компромиссных предложений по урегулированию конфликта. С этой целью постараемся проследить за эволюцией их позиций и выяснить, насколько они сблизились или, наоборот, отдалились за время осуществления Проекта¹.

Адекватность поставленных задач

Руководитель Проекта г-жа Пола Гарб так сформулировала задачи Проекта.

- (1) Содействие конструктивному диалогу и сотрудничеству между представителями обеих сторон грузино-абхазского конфликта.
- (2) Внесение вклада в теорию конфликтологии путем использования методологий, позволяющих проследивать влияние неофициальной дипломатии на участников этого Проекта.
- (3) Распространение результатов Проекта как в регионе, так и среди международных организаций и специалистов, занимающихся разрешением конфликтов².

В силу объективных причин ставить перед Проектом иные, более амбициозные задачи нереально. Известные возможности и ограничения народной дипломатии (им уделено достаточно внимания в

¹ Автор данной статьи сам не является участником Проекта и поэтому не принимал участия во встречах и иных мероприятиях в его рамках. В силу этого, дальнейшие суждения опираются на анализ материалов по итогам встреч в виде публикаций в восьми сборниках. Немаловажными явились также соображения по Проекту, высказанные в частных беседах его отдельными участниками (П. Закареишвили, А. Лепсая). Определенный отпечаток на заключения автора наложил и его собственный опыт участия в т. н. Шлайнингском процессе.

² Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. Материалы грузино-абхазской конференции, март 1999 г., Сочи. Ирвайн, 1999, стр. 5

публикуемых материалах Проекта) определяют ее комплементарный характер по отношению к другим инструментам урегулирования конфликта. Это особо актуально для нынешнего состояния грузино-абхазского конфликта, когда в общественном мнении твердо укоренился “образ врага”, усиливается партия войны, а Проект Калифорнийского университета является чуть ли не единственным в своем роде. И вправду, к сожалению, наряду с данным Проектом осуществляется только один проект с элементами народной дипломатии под условным названием *Шлайнингский процесс*³.

На фоне продолжающейся предельной поляризации общественного мнения по обе стороны Ингури и зашедшего в тупик переговорного процесса налаживание относительно устойчивого диалога между грузинской и абхазской общественностью явилось велением времени. Если придерживаться мнения о том, что единственной возможной формулой долговременного решения конфликта должно являться добровольное примирение грузин и абхазов, а не применение военной силы или даже не методов дипломатического принуждения, то пользование услугами народной дипломатии остается практически самым перспективным занятием. Поэтому содействие налаживанию конструктивного диалога между грузинами и абхазами – чрезвычайно важная задача и трудно переоценить ее *политическое* значение. Вместе с тем, апробация и оценка эффективности применяемой специальной методологии в живом процессе общения представителей конфликтующих сторон позволяет накопить уникальный опыт, который может быть использован в решении других задач. В этом заключается *теоретическое* и *практическое* значение задач, поставленных инициаторами Проекта.

В какой степени удалось решить поставленные задачи?

Сам факт, что Проект заработал и в течение почти четырех лет десятки представителей грузинской и абхазской общественности смог-

³ Шлайнингский процесс уходит корнями в Проект Калифорнийского университета. Успешное начало Проекта побудило энтузиастов из Германии и Великобритании к осуществлению совместного проекта по проведению серии неформальных встреч с участием как официальных лиц, так и представителей неправительственных структур сторон в конфликте.

ли принимать участие в его мероприятиях, свидетельствует о начале некоего процесса диалога. Формат этих мероприятий, судя по сборникам публикаций, самый благоприятный как для академического обсуждения тех или иных сложных конфликтологических вопросов, так и для свободного обмена мнениями и дискуссии. Состав участников чрезвычайно интересный. Со многими из них (как с грузинской, так и с абхазской стороны) автор имеет честь быть лично знакомым. Это дает ему полное основание утверждать, что Проект собрал академически сильных участников, из которых многие имеют значительный опыт политической и научной работы. Что не менее важно, участники Проекта пользуются авторитетом в обществе, к ним прислушиваются. Существенно также, что спектр обсужденных вопросов достаточно широкий. Автор насчитал в сборниках около пятнадцати тем, встречающихся с различной частотой, которые в совокупности, в принципе, покрывают все аспекты грузино-абхазского конфликта. Интересно, что в промежутках между встречами участники Проекта обсуждали многие из затронутых вопросов в средствах массовой информации, в т. ч. на телевидении – иными словами, имело место воздействие на общественное мнение, что, в свою очередь, указывает на возрастающую эффективность Проекта. Одним словом, Проект успешно решил задачу содействия конструктивному диалогу между представителями грузинского и абхазского обществ.

Относительно второй задачи, которая подразумевает внесение вклада в теорию конфликтологии путем использования определенных методологий, мы не можем компетентно судить, насколько успешно была она решена с чисто научной точки зрения. Причина тому простая – нам не знакомы эти методы и их аналоги в науке. Однако действенность этих методологий можно косвенно оценить путем оценки тех результатов, которые были достигнуты с их применением. В частности, если пройтись по сборникам в хронологическом порядке и проследить по ним, как меняются тематика обсуждаемых вопросов и позиции грузинских и абхазских представителей, можно понаблюдать определенные тенденции. Так, в первых сборниках, судя по обсуждаемым темам, чувствуется некоторая настороженность и осторожность участников Проекта, которые, по всей видимости, волей фасилитаторов выбрали для обсуждения более-менее нейтральный вопрос о роли

народной дипломатии в разрешении конфликта. Это вполне объяснимо и, думаем, оправдано, если учесть тот фон, на каком начинался Проект. В дальнейшем участники Проекта понемножку начали затрагивать и такие вопросы, обсуждение которых вынуждало их полемизировать друг с другом – исторические корни конфликта, целесообразность экономических санкций и т. д. К чести участников и фасилитаторов Проекта, нужно отметить, что остроту полемики всегда перевешивали такт и огромное желание продолжать диалог. Последние два сборника в основном посвящены вопросам понимания взаимных интересов, познания друг друга. Отрадно, что интеллектуальные части грузинского и абхазского обществ, вступившие в диалог друг с другом, нашли нужным и возможным отказаться от взаимных обвинений и начать поиск точек соприкосновения интересов. Только таким образом можно будет ответить на вопрос: быть или не быть примирению? Поэтому данное обстоятельство несомненно следует отнести к успеху Проекта. Что же касается влияния Проекта на самих участников, можно отметить следующее: несмотря на очевидный рост культуры ведения диалога и все более свободной от эмоций аргументированной полемики, все же наблюдается неэластичность позиций отдельных участников Проекта. Совершенно очевидно, что представители грузинской стороны проявляют большую гибкость в изложении позиций и готовность к компромиссным решениям. В рамках одной теледискуссии грузинские участники Проекта высказывают сразу несколько таких соображений, которые не разделяются подавляющим большинством их общества и являются предметом острой критики. Так например, З. Чиаберашвили признает право абхазов в определенных условиях ставить цель создания независимого государства, Г. Анчабадзе утверждает, что исторически абхазы составляли большинство на территории Абхазии, а Д. Бердзенишвили считает довоенную демографическую ситуацию в Абхазии результатом грузинской советской экспансии⁴. Абхазские же участники позиций не меняют, не готовы к самокритике, не ищут реальных компромиссов. Нельзя же, чтобы одна сторона была во всем виновата. В этом отношении применяемая в Проекте методология нуждается в совершенствовании.

⁴ Аспекты грузино-абхазского конфликта. Стенограммы грузино-абхазских встреч и телепередач по абхазской проблеме, декабрь 1999. Ирвайн, 2000, сс.11-13, 16

Относительно третьей задачи – распространения результатов Проекта – следует сказать, что знаменательным примером ее выполнения является сам факт стимулирования Шлайнингского процесса. Что же касается вопроса о том, в какой степени результаты Проекта используются международными организациями и отдельными конфликтологами, об этом трудно судить в силу отсутствия соответствующей информации. Очевидно, однако, что несмотря на почти четырехлетний возраст, Проект еще молодой, находится в стадии развития, в т. ч. совершенствуется методология и т.п. Поэтому, видимо, говорить о значительном распространении опыта пока рано.

Какие факторы мешают достижению большей эффективности Проекта?

Несмотря на общий успех Проекта, очевидно, что в силу некоторых обстоятельств не удалось достичь большего. Достичь большего, в нашем понимании, означало бы оказать решающее влияние на общественное мнение и настроить его на примирение. Ряд объективных и субъективных факторов мешают повышению эффективности Проекта.

- (1) Процесс диалога в рамках Проекта является заложником нестабильной политической ситуации вокруг конфликта. Регулярные обострения ситуации, являющиеся результатом, в основном, периодической активизации “партии войны” и бескомпромиссной позиции абхазских властей, накладывают свой отпечаток на настроения и соображения участников Проекта.
- (2) Проект Калифорнийского университета и Шлайнингский процесс недостаточны для того, чтобы создать критическую массу людей, вовлеченных в народную дипломатию. Видимо, для оказания решающего влияния на общественное мнение требуется несравненно больше таких усилий.
- (3) Слабость и неразвитость гражданских обществ, особенно в Абхазии, ограничивают рычаги влияния народной дипломатии на общественное мнение. Незаинтересованные в урегулировании конфликта высокие чины не слушают или не хотят слушать голос участников Проекта.

- (4) Не используются эффективно интервалы между мероприятиями Проекта. По всей видимости, недостаток средств мешает координаторам программы проводить согласованные заранее мероприятия по пропаганде идей народной дипломатии, планировать и готовиться к следующей встрече и т.д.

Целесообразность Проекта

Проект Калифорнийского университета заслуживает внимания по нескольким соображениям: во-первых, это первая попытка использования народной дипломатии как дополнительного инструмента урегулирования грузино-абхазского конфликта; **во-вторых**, в процессе осуществления проекта не один десяток представителей грузинской и абхазской общественности получил возможность в непринужденной обстановке обсудить широкий круг вопросов, относящихся к тем или иным аспектам этого конфликта; **в-третьих**, был мобилизован интеллектуальный ресурс конфликтующих сторон для генерирования идей о путях трансформации конфликта. В результате был накоплен ценный аналитический материал, который при необходимости может быть востребован как политиками, так и учеными-конфликтологами.

В силу отмеченного, не вызывает сомнения, что Проект заслуживает поддержки и должен продолжиться.

3. Сергей Шамба,

доктор исторических наук

Миротворческий процесс в контексте неофициальной дипломатии

Среди множества проблем, возникших в результате распада Советского Союза, особое внимание внешнего мира привлекают кровавые конфликты, вспыхнувшие в некоторых регионах бывшей Империи. Кавказ – наиболее сложный по составу участников, в силу многих обстоятельств и в первую очередь в виду своего важного геостратегического положения всегда привлекал внимание наиболее значительных игроков большой «шахматной игры».

Греция, Персия, Рим, Византия, Иран, Турция, Россия были основными грессмейстерами в этом бесконечном состязании. Возникшие в последнее время обстоятельства, помноженные на традиционный интерес к углеводородным запасам каспийского бассейна, возбудили интерес новых, нетрадиционных игроков и в первую очередь Соединенных Штатов. Совершенно новым фактором стало подключение к процессу негосударственных участников в частности нефтяных и газовых компаний.

И все же, справедливости ради, следует сказать, что основная напряженность в регионе исходит изнутри. Политические элиты вновь образованных кавказских государств даже эпохальные изменения, произошедшие после 11 сентября, пытаются использовать для решения собственных проблем. В то время как великие противостоящие друг другу в течение полувека державы ищут пути преодоления стереотипов сложившихся за многие годы холодной войны, лидеры кавказских государств все еще пытаются использовать изжившие себя методы. Эти исключительно слабые государства, существующие в преобладающей степени благодаря помощи международного сообщества, тратят большие усилия на милитаризацию.

При таких подходах надежды на решение сложных межгосударственных и межэтнических проблем существующих на Кавказе вызывают вполне обоснованный скептицизм.

В связи с этим, подключение к процессу урегулирования конфликтов различных каналов может внести свой определенный вклад, который в первую очередь будет заключаться в генерировании свежих идей и нестандартных подходов.

Признавая исключительную роль официальной дипломатии в решении столь сложных проблем, нельзя исключать и использование тех механизмов которые в большей степени способна использовать так называемая дипломатия второго плана.

В связи с этим, необходимо отметить существенные результаты достигнутые на уровне народной дипломатии в деле урегулирования грузино–абхазского конфликта. Налаженные за последние годы контакты между различными группами представителей грузинского и абхазского общества не имеют прецедентов в других аналогичных конфликтных случаях, все еще имеющих место на постсоветском пространстве.

Вместе с тем, приходится констатировать и неоднозначность общественного мнения, как к самой народной дипломатии, так и к ее методам. Такая ситуация характерна не только для Абхазии, но и для Грузии (М. Элбакидзе. Отношение к народной дипломатии (результаты социологического исследования. В кн.: Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. Материалы грузино-абхазской конференции. Март 1999 г., Сочи, с. 247. Ирвайн, 1999).

В Абхазии существует значительная часть населения, которая выражает обоснованные опасения тем, что в условиях вполне реальной военной угрозы со стороны Грузии народная дипломатия, при всей привлекательности ее целей, может оказать неблагоприятное воздействие на обороноспособность страны. Может привести к пренебрежению государством вопросами вооружения. Притупит в общественном сознании всякую волю к необходимой обороне.

Такое усыпление национальной бдительности в условиях, когда противник вынашивает агрессивные планы, по мнению сторонников этой точки зрения чревато возникновением новой войны.

Более радикальные противники неформальной дипломатии расценивают ее в качестве своеобразного троянского коня, который принесен нам в дар различными друзьями Грузии, использующими всевозможные методы для того чтобы помочь Шеварднадзе восстановить территориальную целостность Грузии.

В последнее время все большее количество граждан Абхазии становятся участниками миротворческого процесса второго плана. Общество стало получать больше информации о целях и результатах неофициальной дипломатии.

Отношение к этому процессу заметно меняется. Серьезное влияние на положительные тенденции происходящие в общественной жизни Абхазии оказывает меняющееся мироощущение людей. Несмотря на попытки изолирования Абхазии, ее граждан, абхазское общество все более и более ощущает себя частью современной мировой цивилизации.

Проблема Абхазии привлекает внимание мирового сообщества. Только Организация Объединенных Наций приняла более ста документов по этому вопросу. Президенты Соединенных Штатов и России, встречающиеся для обсуждения глобальных проблем мировой

политики значительное время посвящают этой же теме. Люди, проживающие далеко от Абхазии и зачастую не связанные с политикой, активно включаются в процесс урегулирования грузино–абхазского конфликта.

Очевидно, что процесс грузино–абхазского урегулирования дает примеры безусловно представляющие большой интерес для всех интересующихся проблемами конфликтологии. Все это наглядно демонстрирует насколько тесен стал мир, насколько он взаимосвязан.

За годы прошедшие со времени распада Советского Союза общественное сознание в Абхазии подверглось определенной трансформации. Составной частью этих новых настроений стала психологическая реакция на модернизацию. Ностальгия по советскому прошлому, скептическое отношение к рыночным и демократическим институтам постепенно сменяется массовым восприятием места Абхазии в изменяющемся мире.

Вместе с тем, новая волна настроений в общественном мнении повлекла за собой новый рост национально-государственного самотужднения. Составной частью этой тенденции стало увеличение позитивных оценок места Абхазии в мире.

Подтверждением этому служит социологическое исследование, осуществленное в рамках проекта «Построение доверия между грузинским и абхазским гражданскими обществами с участием Кавказского Форума неправительственных организаций» при равноправном партнерстве Интернейшнл Алерт (Англия), Фонд «Гражданская инициатива» и человек будущего (Абхазия) и Совет(Грузия) при финансовой поддержке Европейского Союза.

Так, из общего массива (включая грузинское население Галского район Абхазии) большинство опрошенных называет политические условия примирения, а именно – признание Грузией независимости Абхазии. Показательно, что грузины из общего массива, предпочитающие модель равносубъектного союзного государства, в качестве условий примирения также называют признание независимости Абхазии со стороны Грузии. (Л.Тания. Общественное мнение и грузино–абхазский миротворческий процесс. В печати).

В связи с этим обсуждение проблемы урегулирования в терминах «сепаратизма», «восстановления территориальной целостности

Грузии», «разграничения конституционных полномочий между Тбилиси и Сухуми» вряд ли можно считать плодотворным. Более плодотворным предметом для дальнейшей дискуссии представляется вопрос о том, как гарантировать стабильный мир и обеспечить мирное сосуществование Абхазии и Грузии.

В общественном мнении Абхазии уже сейчас имеются определенные ориентиры, которые дают представление о характере требований, предъявляемых к национально–государственному развитию. Всенародный референдум 1998 года выявил практически единодушно выраженное желание населения Абхазии жить в условиях независимого государства.

В то же время, с достаточной уверенностью можно говорить и о том, что большая часть абхазского общества считает желательным дальнейшее сближение с Россией и располагает некоторым потенциалом для движения в этом направлении. Угроза со стороны Грузии, военная поддержка грузинской армии западными странами убеждают общественное мнение Абхазии в правильности выбранного внешнеполитического курса, направленного на установление с Россией тесных, в то же время не переходящих за рамки межгосударственных отношений.

К необходимости учета интересов потенциальных игроков в регионе общественное мнение подталкивают два обстоятельства: общее ощущение угрозы возобновления военных действий, а также приобретенное за минувшее десятилетие понимание того, что в процессе государственного строительства на Запад полностью полагаться не приходится. Остается ждать пока в России завершатся реформы и утвердятся современные формы внешнеполитической жизни.

Вместе с тем Запад слишком привлекателен и общественное мнение не желает отвергать его как партнера. И только однозначно выраженная поддержка западными странами Грузии, утверждает в общественном мнении установки, свидетельствующие о вновь возрастающей осторожности, избирательности и требовательности в отношении к Западу.

Само собой разумеется, что миротворческий процесс протекающий на фоне подобных общественных умонастроений, не может быть свободным от них. Они же и определяют недоверие к неформальной

дипломатии все еще широко распространенное в общественном сознании.

Как отмечается в вышеупомянутом социологическом исследовании: «Успехи неофициального миротворчества, особенно заметны на общем негативном фоне враждебности сообществ, в частности, выражающиеся в активном диалоге и сотрудничестве небольших элит, все еще не влияют в полной мере на позиции правительств и обществ, а также на подходы международных организаций в направлении их большей адекватности реалиям грузино–абхазского конфликта. Эффективность этого влияния также находится в пропорциональной зависимости от некоторых внешних факторов, в частности, обеспечения гарантий невозобновления вооруженных столкновений, поддержки международным сообществом демократических реформ в Абхазии». (Л. Тания. Там же).

Современный мир изобилует конфликтами, которые являются следствием давно накопившихся нерешенных проблем. В связи с этим, интерес, который вызывает тема миростроительства вполне понятен. Проблемы связанные с миротворческим процессом привлекают внимание не только специалистов, но и все более широкий круг людей. Попытки теоретического осмысления глубинных причин имеющих место–политических, этнических и многих других конфликтов, привели к появлению большого количества исследований.

Знание природы конфликта и механизма его развития, в значительной степени облегчают понимание выбора правильного пути его решения, помогают в определении стратегии и тактики, благодаря которым станет возможным управление ситуацией. Разумеется, достигнуть всеобщей гармонии интересов не возможно. И все же искать пути смягчения последствий или минимизации возможности возникновения самого нежелательного развития событий необходимо. Именно эту цель в первую очередь преследует процесс миростроительства на уровне народной дипломатии.

Истоки народной дипломатии на Кавказе и в частности в Абхазии следует искать в далеком прошлом. (См. М. Барцыц. Выход из конфликта в традиционном правосознании абхазов. В кн.: Роль неофициальной дипломатии..., с. 38 – 54; А. Гуажба. Обычное право

абхазов как возможный источник методов народной дипломатии. Там же, с. 59 – 109).

Если же говорить об урегулировании грузино–абхазского конфликта в последнее десятилетие, то можно выделить ряд инициатив принадлежащих в первую очередь зарубежным – европейским и американским неправительственным центрам. Так по инициативе британской организации «Международная тревога» (International Alert), в июне и 1996 года в Москве состоялась первая грузино–абхазская встреча на неправительственном уровне. В январе – феврале 1997 года Бергхофским исследовательским центром по конструктивному урегулированию конфликтов (Берлин), Австрийским исследовательским центром «За мир и разрешение конфликтов» (Штадтшляйнинг, Австрия) и «Добровольцами ООН» (UNV) была организована встреча абхазских и грузинских представителей на неправительственном уровне с участием международных экспертов из Германии и Великобритании.

В дальнейшем в этот процесс, получивший название Шляйнинского стал постоянно действующим, в июле 2001 года состоялась уже восьмая встреча-семинар. В дискуссиях посвященных общим проблемам, связанным с конфликтологией за эти годы приняли участие с абхазской стороны 26 человек и с грузинской 20 человек.

За эти годы представители неправительственных организаций вместе с должностными лицами в открытой, необусловленной жесткими рамками обстановке обсуждали различные вопросы, стоящие перед абхазским и грузинским обществами.

Подобные встречи если и не играют решающей роли в деле окончательного решения проблемы, то, по крайней мере, и они дают возможность представителям конфликтующих сторон выслушать друг друга, понять точку зрения противной стороны. В конечном итоге особая атмосфера встреч создает условия для построения неформальной системы отношений между представителями сторон конфликта.

Такое отношение к решению поставленной задачи, дает возможность обратить внимание на источники, существующих между грузинской и абхазской сторонами проблем, сосредоточить внимание на первопричинах конфликта.

Этот совершенно новый уровень взаимоотношений в свою очередь располагает участников миротворческого процесса к поиску

возможно единственно правильного пути. Ближайшей целью таких проектов должно стать достижение общего понимания сторонами в конфликте, недопустимости перехода конфликта в стадию открытой вооруженной борьбы. Именно совместные поиски путей завершения конфликта и мер по поддержанию мира и созданию условий для мирного сосуществования сторон должны стать приоритетным направлением деятельности посредников и в первую очередь самих участников подобных проектов.

Учитывая сложность достижения положительных результатов в урегулировании конфликтов, которые носят ценностный характер, реалистический подход должен предполагать длительный, терпеливый, кропотливый дипломатический труд, как на официальном, так и на неофициальном уровне.

Проект, предусматривавший «Формирование мер доверия между Абхазией и Грузией», был предложен международной неправительственной организацией «Международная тревога» (Лондон), Фондом «Гражданская инициатива и человек будущего» (Абхазия, Сухум) и Международным центром конфликтологии и стратегии переговоров (Грузия, Тбилиси). Проект предусматривал встречи представителей конфликтующих сторон для налаживания диалога, однако к работе подключились представители неправительственных организаций из других регионов Кавказа.

С 1997 года берет свое начало еще один, возможно наиболее значительный, проект грузино-абхазского диалога на неофициальном уровне: «пути построения мира-исследование роли народной дипломатии в урегулировании грузино-абхазского конфликта», организованный Калифорнийским университетом (г.Ирвайн) и финансируемого Фондом Уильяма и Флоры Хьюлит. Первоначальными задачами проекта были: содействие конструктивному диалогу и сотрудничеству между представителями обеих сторон; внесение вклада в теорию конфликтологии путем использования методологий, позволяющих проследить влияние неофициальной дипломатии на участников этого проекта; распространение результатов проекта как в регионе, так и среди международных организаций и специалистов, занимающихся разрешением конфликтов.

В течение четырех последних лет в этом проекте приняли участие десятки людей. Издано восемь сборников, которые должны привлечь внимание всех интересующихся проблемами конфликтологии. Кроме широкого круга читателей эти сборники несомненно привлекут внимание и тех кто занимается проблемами урегулирования профессионально.

Молодые дипломаты, представители неправительственных организаций, занимающиеся проблемами грузино-абхазских взаимоотношений, все вовлеченные в эту проблематику, как в качестве представителей конфликтующих сторон, так и посредников миростроительства, несомненно извлекут много полезных мыслей и идей, ознакомившись с содержанием этих восьми книг.

Первый сборник, ставший результатом первого года исследовательских работ и конференций, раскрывает отношение шестнадцати известных абхазских и грузинских авторов на проблемы официальной и неофициальной дипломатии. Анализ результатов этих исследований, по мнению инициатора и руководителя проекта, профессора Калифорнийского университета Пола Гарб свидетельствует о том, что неофициальная дипломатия оказала огромное влияние на всех участников, вызвав значительные личные трансформации, но не оказала ощутимого влияния на общественное мнение. (Пола Гарб. Предисловие. В кн.: Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе, с. 5. Ирвайн, 1999).

Уже в следующем 2000 году по результатам последовавших встреч, конференций и телепередач было издано три сборника. В книге «Аспекты грузино-абхазского конфликта. Материалы грузино-абхазской конференции. Конобеево, август 1999». Ирвайн, 2000. 152 с., раскрываются различные аспекты корней конфликта, возможности и трудности его разрешения, а также отношение к официальной и неофициальной дипломатии среди граждан с обеих сторон.

В третьем сборнике «Аспекты грузино-абхазского конфликта . Стенограммы грузино-абхазских встреч и телепередач по абхазской проблеме. Декабрь 1999». Ирвайн, 2000. 99 с., изложены стенограммы трех телепередач, показанных по грузинскому неправительственному каналу в декабре 1999 г. и позже повторенных Абхазской Государственной Телерадиокомпанией. Кроме того, в сборнике представ-

лены стенограммы дискуссий между представителями грузинских и абхазских неправительственных организаций.

Четвертый сборник «Аспекты грузино-абхазского конфликта. Материалы грузино-абхазской конференции: гражданское общество, беженцы, государственное устройство. Москва, 25-27 марта 2000 г.». Ирвайн, 2000. 251 с., представляет собой доклады, прочитанные 25-27 марта на конференции в Москве. После каждого выступления участники конференции в открытой и конструктивной обстановке высказывали свое мнение, что также нашло отражение на страницах сборника.

В следующем 2001 году вышли в свет еще три сборника. Авторами статей пятого выпуска стали ученые, журналисты и члены неправительственных организаций Абхазии и Грузии. В сборник вошли доклады, прочитанные 26-28 августа на конференции в г. Адлер. Основные темы докладов касались преемственности культур в контексте государственного строительства – «Аспекты грузино-абхазского конфликта. Материалы грузино-абхазской конференции: преемственность культур в контексте государственного строительства. Адлер, 26-28 августа 2000 г.» Ирвайн, 2001. 359 с.

Шестой выпуск этой серии составлен по записям дискуссий, имевших место в Тбилиси в октябре и декабре 2000 года. Представители абхазских неправительственных организаций, уже имеющие достаточный опыт в области народной дипломатии, получили возможность изложить свою позицию в процессе теледискуссий, на встречах в грузинском парламенте, с представителями различных неправительственных организаций и журналистами.

Эти встречи дали возможность представителям абхазских НПО изложить свое представление о корнях конфликта, о современной ситуации, о возможных взаимоотношениях сторон, экономических санкциях, перспективах гражданского миротворчества. Основной целью визита абхазских неправительственных организаций в Тбилиси, как и грузинских представителей в декабре 1999 года в Сухум, было расширение круга людей участвующих в гражданском диалоге конфликтующих сторон.

Седьмой сборник «Аспекты грузино-абхазского конфликта. Материалы грузино-абхазской конференции: “Пакт стабильности на Кавказе и стратегия миротворческого процесса”. Сочи, 19-23 марта

2001 г.». Ирвайн, 2001. 239 с., составлен по материалам конференции, проходившей в рамках проекта в г. Сочи. На конференции обсуждались следующие темы: 1) Пакт стабильности для Кавказа, 2) интересы сторон в конфликте, 3) промежуточные модели урегулирования конфликта, 4) стратегии миротворчества.

Впервые на встречу был приглашен эксперт со стороны, профессор Восточного менонитского университета (США), известный специалист, автор книг по теории и практике гражданского миротворчества Д.П. Ледерах, который выступил с докладом «Стратегии миростроительства в теории и на практике». Дискуссия, вызванная выступлением всемирно известного ученого, также отражена на страницах этого сборника.

Восьмой выпуск, составленный по материалам следующей конференции, также проходившей в г.Сочи, издан в 2001 году. Перед участниками конференции стояла задача произвести анализ интересов сторон конфликта и исходя из этого начать дискуссию, которая могла бы дать новое развитие совместным усилиям, направленным на поиски долгосрочного решения конфликта.

Участники представили семь докладов, которые и публикуются в сборнике: «Аспекты грузино-абхазского конфликта. Материалы грузино-абхазской конференции: “Анализ основных интересов и потребностей сторон на пути к выработке модели взаимоотношений”». Сочи, 20-25 августа 2001 г.». Ирвайн, 2001. 240 с.

Таким образом, проект Калифорнийского университета поднимает целый ряд важнейших вопросов касающихся взаимоотношений грузинского и абхазского обществ, путей их развития и перспектив урегулирования сложного этнополитического конфликта.

В статье Н. Акаба «конфликты нового времени» отмечено, что для всех, кто знаком с грузино-абхазским конфликтом изнутри, совершенно очевидна его «многомерность и глубина пропасти, разделившей два сообщества – глубокие историко-культурные, политико-правовые и психологические корни делают грузино-абхазский конфликт трудноразрешимым в рамках привычных подходов, выработанных еще со времен Черчиля, Рузвельта и Сталина.

Только уйдя от привычных схем и понятий и сосредоточившись не на изобретении новых способов давления на абхазскую сторону

(изоляция, экономические санкции), а на поиске внутренних ресурсов мира, можно найти выход из тупика, в котором оказались сегодня абхазо-грузинские переговоры» (Акаба Н. В кн.: Роль народной дипломатии..., 1999, с.8)

К этому можно добавить, что многими, интересующимися процессом грузино-абхазского урегулирования, отмечается, что ни в одном из существующих аналогичных конфликтов не оказывается такого давления на одну из сторон, как это имеет место в отношении Абхазии.

На негативные последствия такой политики указывает и профессор Фламандского Свободного брюссельского университета Бруно Коппитерс: «Попытки Грузии использовать к своей выгоде вовлеченность западных стран в конфликт и отсутствие беспристрастия в подходе к нему со стороны Запада лишь повысили уровень недоверия сохраняющегося в отношениях между Грузией и Абхазией» (Коппитерс Б. Политика Запада в области безопасности и грузино-абхазский конфликт. В кн.: Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии. Москва, 1999, с.19-20).

В результате такой пристрастной позиции вовлеченных в переговорный процесс акторов, развивавшийся поначалу достаточно успешно миротворческий процесс стал захлебываться. Налицо наглядный пример того, как неверно выбранная позиция медиаторов миротворческого процесса может оказать нежелательное воздействие на результаты всей работы. Вместе с тем нельзя не учитывать и того, что собственные интересы наиболее влиятельных участников процесса урегулирования не только влияют на ход, но фактически отодвигают на задний план интересы самих конфликтующих сторон.

Участовавший на встрече представителей грузинских и абхазских НПО проф. Ледерах выделил две базовые теории, на которых основываются действия участников неофициального миротворческого процесса. Например: «рост неформальных связей между гражданами обеих сторон увеличит степень доверия, углубит комплексное понимание конфликта. При внедрении такого понимания в соответствующие сообщества сократится, понизится степень догматизма и узкого мышления. Это подготавливает общество к вступлению

в новые отношения с другой стороной». Проф. Ледерах назвал это теорией перемен, когда влияние малой группы перерастает во влияние уже большей группы. (Ледерах Д.П. В кн.: Аспекты грузино-абхазского урегулирования..., 2001, с.126)

На самом деле, сотрудничество сторон в этом вопросе могло бы привести к стабилизации ситуации. Эта фаза конфликта могла бы послужить своеобразной ступенью к следующей более плодотворной фазе. За это время многие, сегодня кажущиеся неразрешимыми вопросы, потеряли бы свою сегодняшнюю остроту.

В соответствие со второй теорией, с увеличением числа граждан, участвующих в процессе урегулирования, возрастает его прозрачность, руководство становится более ответственным и подотчетным. Другими словами, руководство уже не может действовать так, как действовало бы в иной ситуации. (Ледерах Д.П. Там же.)

Здесь, справедливости ради следует отметить, что, несмотря на некоторую информационную скрытость переговорного процесса, проходящего на официальном уровне, общество получает полную информацию о достигнутых результатах. Естественно, что значительная часть дипломатической работы остается скрытой от широкой общественности.

Вместе с тем, повышающаяся гражданская активность общества демонстрирует положительные тенденции в укреплении демократических преобразований Абхазии. Так, социологическое исследование, осуществленное в 2001 году в Абхазии в рамках вышеупомянутого проекта «Построение мер доверия...» показывает, что рейтинг демократических ценностей заметно вырос даже в течение последнего года, в частности, 87,1% опрошенных полагает, что жизнь граждан должна определяться не только властью, но и самим обществом (Тания Л. Там же).

В целом выводы, к которым приводит наблюдение за развитием неофициального миротворческого процесса, дают основание для, хоть и сдержанных, но достаточно оптимистических оценок. Несмотря на то, что общественное мнение Абхазии все еще испытывает серьезные сомнения в оценке целесообразности и эффективности неофициальной дипломатии, наблюдаются возросшие положительные оценки.

Возможно, что составной частью новых настроений стала психологическая реакция на модернизацию общества. За прошедшее десятилетие независимого существования Республики Абхазия происходило постепенное укрепление государственности, развитие демократических принципов, заметное улучшение состояние экономики (несмотря на продолжающуюся блокаду и непризнанный статус).

Это, в свою очередь, преобразовалось в фокус общественных надежд, изменив психологический климат, определявший массовое восприятие места Абхазии в мире – от «военного положения» к развитию гражданского общества и рыночной экономики. В связи с этим в общественном мнении появилась оптимистическая доминанта.

Именно в контексте заметно меняющегося общественного сознания формируется и отношение к неофициальной дипломатии.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Выступление Александра Искандаряна (с последующим обсуждением) о результатах мониторинга ситуации в Кодорском ущелье, проведенного в Абхазии 16 – 19 октября 2001 г. по инициативе Кавказского Форума, Рабочей группы НПО СНГ по урегулированию конфликтов, а также Института Уильяма Р. Нельсона.¹

Москва, 27 декабря 2001 г.

Арда Инал-Ипа – Конечно, нас интересуют сами по себе кодорские события, в которых было много таинственного, непонятного. Надеюсь, что группе, которая занималась мониторингом, тем более что работа велась с двух сторон, открылась новая информация, о которой будет интересно услышать. И еще мы всегда интересуемся вопросом, как процесс гражданской дипломатии мог бы воздействовать на ситуацию, чтобы такие обострения и военные действия не возобновлялись. Был ли такой потенциал? Был ли такой шанс у нас? Или у нас, как всегда, есть только возможность реагировать постфактум. Это нас тоже очень интересует.

Алик Искандарян – Я начну с краткого рассказа о том, что это было такое.

После начала событий в Кодорском ущелье Кавказский Форум решил направить группу мониторинга в Абхазию и в Грузию. Группы, соответственно, были направлены в обе стороны. Финансировали этот мониторинг и, соответственно, организаторами являются три организации: прежде всего УВКБ ООН, точнее его Рабочая группа по урегулированию конфликтов в СНГ, второй организацией является Кавказский Форум, и третьей, в основном с финансовой точки зрения, Институт Уильяма Нельсона.

¹ Материалы исследования, которое состояло из результатов опроса и мониторинга в Абхазии, мониторинга в Грузии, обзора грузинской, абхазской и российской прессы и новостей того периода, опубликованы в издании Кавказского Форума НПО «Кодорский кризис: мониторинг ситуации в Кодорском ущелье (Абхазия) в октябре 2001 г.», Сухум, Абхазия, 2002 г.

Было несколько условий, которые нужно было выполнить. Это мы решали вместе. Во-первых, было принято решение не включать в группу людей местной национальности, то есть не направлять в Абхазию абхазов, а в Грузию грузин. Также не направлять, по понятным политическим причинам, русских. К сожалению, это приходилось учитывать в силу этнизированнойности всех конфликтов в нашем регионе. Когда я говорю «абхазов, грузин, русских» и т.д., то имею в виду не гражданство, а этничность. То есть, россияне в группе были, например, я. Граждане Грузии тоже были и т.д. Группа, направленная в Абхазию, состояла из трех человек: я и два этнических северокавказца: Алан Парастаев – осетин и Заур Боров – кабардинец. Это было опять-таки специально организовано и оказалось очень полезным, потому что в те моменты, когда нам приходилось разговаривать с пленными, представителями северокавказских народностей, которые были взяты в плен в Абхазии, очень помогло то, что в группе были северокавказцы. Гораздо больше было доверия, они легче говорили. С одним из пленных Заур говорил на кабардинском языке и в силу этого тот больше рассказал.

В группу, которая была направлена в Грузию, вошли опять-таки Алан Парастаев и Гагик Авакян, армянин и по этничности и по гражданству. Я должен был поехать в Тбилиси тоже, предполагалось, что я буду руководителем и одной и другой группы, но по причинам чисто технического характера я не смог.

Группы работали, к сожалению, по-разному. Я должен это сказать. Моей группе, которая была в Абхазии, были предоставлены абсолютно все возможности для работы. Я такого не ожидал. Мне много раз в жизни приходилось делать мониторинги. В Абхазии нам разрешали ездить непосредственно на места боевых действий, давали машину, давали встречаться с резервистами и армейскими людьми (в случае Абхазии это разные группы респондентов), с пострадавшими, с пленными, вплоть до того, что мы имели возможность беседовать с пленными наедине, обычно такое не делается. И, как я уже говорил, на незнакомом охранникам языке.

Что касается Грузии, такой возможности не было предоставлено. Группа вынуждена была работать только в Тбилиси и Зугдиди. Какую-то информацию мы, конечно, потеряли от этого, но может быть

не все. Тем не менее, они поработали достаточно плодотворно. Собрали достаточное количество информации. Проблемы возникли позже, уже после того, как эта работа была проведена. Видимо сам формат Кавказского Форума и Рабочей Группы предполагает очень большое количество участников этих организаций, слово которых имеет решающее значение. Поэтому, на мой взгляд, им это, может быть, не понравится, но я уже это говорил и повторю, очень сильно нивелирована работа группы. На мой взгляд, надо было даже в сыром, не очень подготовленном виде, но публиковать результаты мониторинга сразу. Тогда был огромный интерес к тому, что происходило. Тогда это удалось бы раскрутить, это попало бы в прессу, что, на мой взгляд, очень положительно, ибо было отвратительное освещение этих событий в прессе. Имею в виду и грузинскую, и российскую, и абхазскую, и западную прессу, кстати. Но этого не было сделано. Процесс согласований различного рода, каждая запятая вызывает вопросы у кого-нибудь из участников, вплоть до азербайджанского участника, к примеру, или грузинского, или абхазского, и до сих пор существует некий рабочий документ, черновик, который я не могу вам дать. И по той причине, что он у меня один, и по той причине, что я юридически не имею права это сделать, это еще не документ. Проблемы возникают такого рода, например, что слово «зверство» нужно заменить словом «насилие». Слово «зверство» воспринимается как не совсем политически корректное. Другая проблема в том, что случайным образом получилось так, что двое людей, которые делали обзор грузинской прессы с грузинской стороны, оказались этническими абхазами, это Гия Анчабадзе и Марина Пагава. Это вызвало, как я слышал, недовольство некоторых на грузинской стороне. Таким образом, документ, я надеюсь, будет издан, но позднее, чем хотелось бы. Конечно, эти все проблемы на самом деле легко решаемы. У меня как у автора, проблем с тем, чтобы «зверство» заменить «насилием», нет. Это синонимы. У меня нет никаких претензий к обзору прессы, но это затянет время, и к тому моменту, когда это будет издано официальным документом, я очень боюсь, что... да собственно, даже если сегодня это будет издано, это уже сильно запоздало. Это вот такая не очень приятная преамбула к тому, что я хотел бы сказать.

Нет, еще добавлю, пожалуй, что это касается и результатов. Вообще в разных организациях много говорится о том, что нужно иметь группу экспертов, которая была бы на подхвате и реагировала бы на такие срочно возникающие ситуации. Мысль здравая. Очень трудно технически исполнимая. Эта группа экспертов должна быть всегда, это должны быть люди в разных местах, ситуации возникают срочные. Как, например, было у меня. Были уже намечены какие-то лекции, конференции, я не могу вырваться из всего этого графика, естественно найдут других людей. То есть чисто технически сложно. Деньги на это нужны. Деньги должны появляться срочно. Вот такого рода проблемы. Но кроме этого может быть более важен фактор сильной полиформатности групп, которые могут финансировать и организовывать такого рода работу. Если такая полиформатность есть, то любая бумага, которая написана, если она написана быстро в оперативном режиме, то она может быть сырой, и возникают претензии. Пока эти претензии решаются, пока люди друг с другом это согласовывают и т.д., теряется оперативность и соответственно теряется действие того, что должно быть сделано. Как этого избежать я не знаю. Каким образом можно это избежать и в финансовом отношении и организационно и в смысле того, чтобы всем нравиться, я не знаю. Чтобы все было хорошо никогда не получается и возникают проблемы.

Теперь то, что касается собственно поездки. Я конечно, в основном могу говорить о моей работе и моей группе. О том, что мы делали в Абхазии, с абхазской стороны Кодорского ущелья. У нас было чрезвычайно мало времени, 4 дня. Не было достаточно денег и людей, чтобы организовать настоящую социологическую работу. Но какие-то опросы мы проводили и пробовали их анализировать, и они вошли в отчет, тем не менее, я должен сказать, что, конечно, эта часть отчета особой ценности иметь не будет, ибо нет репрезентативности, нет хорошей выборки, нет достаточного количества респондентов, и на самом деле нет социологов. Ни я, ни мои коллеги, не являемся собственно социологами. Конечно, я работаю с социологическими материалами постоянно, но работаю с ними все-таки как с результатом. Соответственно, эта часть будет хромать по очевидным причинам. То же самое с грузинской стороны.

В отличие от контент-анализа прессы, который был проведен достаточно профессионально людьми, которые умеют это делать. У них было на это время, была возможность охватить большой материал и т.д. Что касается методов работы, кроме социологической части, это были интервью, глубинные интервью. Повторюсь, что нам была предоставлена возможность встречаться с разными группами респондентов, практически со всеми, с кем мы считали необходимым встретиться. В Абхазии, несомненно, работать легче, чем в Грузии, потому что Абхазия гораздо более компактна. Это всего несколько десятков километров, и не такое большое количество людей. То есть чисто технически обождать всех, кого хочешь увидеть, легче и в Сухуми и собственно на местах событий. Группы людей я перечислил. Мы также общались с государственными чиновниками, причем разных направлений, МИДовцами, представителями вооруженных сил обоих видов и т.д. Общались с представителями НПО Абхазии, с пострадавшими, с представителями различных этносов, живущих в Абхазии, резервистами, военными и с людьми, непосредственно участвовавшими в событиях и с местными жителями, и с военными людьми, и с пленными, которые были представителями различных северокавказских национальностей, и один был сван.

Что удалось установить. По понятным причинам перед группой не ставилась задача установить политический смысл происшедших событий, мы могли делать какие-то предположения и естественно делали их в разговорах между собой, но это не отразилось в документе. Основной целью мониторинга был, в общем, сбор фактов, фиксация того, что произошло. Должен сказать, что ситуация для меня была немногим атипичной, а я работаю очень много лет с похожими сюжетами. Обычно по результатам анализа прессы можно себе представить, что происходило в том или ином случае. Понятно, что пресса врет, что нужно сопоставлять прессу с разных сторон, на стыке, на том, каким образом, они пытаются исказить информацию. В результате проведенного анализа обычно опытный человек может представить себе, что происходит на самом деле. В случае с событиями в Абхазии, в моем как минимум случае, этого не происходило. Сидя в Москве, я абсолютно не понимал, что происходит. Все, что писалось в российской прессе и в той грузинской и абхазской, к которой у меня был доступ в

Москве, все было абсолютно нерелевантное. Я это понимал уже сидя в Москве. Стоит ли приводить примеры, типа разговоров о том, что банда Гелаева, численностью в 500 человек, движется в сторону Сухуми с целью захвата, а после этого – на север захватить Сочи. Это вызвало у меня естественный скептицизм, я понимал, что этого не может быть, потому что этого не может быть. Второй вариант, грузинская армия направила туда каких-то людей, среди которых гелаевцы. Они тоже хотят захватить Абхазию, потом будет наступление с юга, Абхазия будет взята и т.д. и т.д. Сопоставлением этого я тоже не мог представить себе, что происходит. У меня есть некоторая возможность получения информации напрямую из Чечни, и эти мои источники тоже были чрезвычайно противоречивы. То есть, я начал копать по источникам и когда я доходил до конца, то обнаруживал, что возможности выяснить достоверную информацию у грузинской стороны просто нет, потому что их источники не доходили до Кодорского ущелья. Абхазская сторона вызывала у меня очень большие сомнения в силу того, что многое из того, что говорилось, было несомненной пропагандой. То есть первичным источником информации были структуры, которых я мог заподозрить в том, что они выдают пропаганду. Соответственно мы абсолютно не представляли себе, до того, как приехали в Абхазию, что там происходило. Мы не знали, были ли бои. Какое количество пострадавших, какое количество убитых. Мы не знали, были ли вообще эти люди, которые пришли в Абхазию. Понимали, что кто-то пришел, но когда, сколько, этнический состав, кто послал их туда, было абсолютно непонятно.

В результате нашей работы нам удалось установить следующее. Если будут вопросы, постараюсь ответить. Во-первых, выяснили, что действительно была группа людей, которая пришла в Абхазию. Более того, мы выяснили, что это были две группы, общей численностью приблизительно 400-450-500 человек. Люди эти пришли двумя способами. Первая группа пришла предположительно где-то в начале августа. Она состояла примерно из 100-120 человек, похоже, что это были практически все этнические чеченцы. Они попали туда из Панкисского ущелья и путь их следования в регион не очень ясен. Почему? Потому что людей из этой группы нет среди пленных, их, видимо, нет среди убитых, или эти люди уносили трупы. Показания

об этой группе вторичны, поэтому точно установить, как все происходило с этой группой трудно. Но эта группа представляла людей опытных, хорошо вооруженных, прекрасно экипированных для нахождения в горах. У них было не только оружие, но и всяческие приборы, одежда, и вообще все, что необходимо, альпинистское снаряжение даже, чтобы долгое время находиться в горах, приборы ночного видения и т.д. Она прибыла в регион, который находится выше села Латы, то есть конца абхазской части Кодорского ущелья и несколько ниже сванской части Кодорского ущелья. В местности довольно пустынной этот отряд находились довольно долго. Что они там делали не очень ясно. Похоже, что ничего не делали, что это была некая подготовка к тому, что произошло позже.

Вторая группа пришла примерно через месяц, где-то в конце августа, начале сентября. Она отличалась от первой по всем параметрам. Эта группа состояла из примерно 300-350 человек. Эта группа была очень плохо экипирована. Собственно экипировкой это назвать нельзя. Эти люди не были одеты, чтобы находиться в горах осенью. Им было выдано оружие, но было выдано уже на территории Абхазии. В смысле боевой подготовки люди были абсолютно не подготовлены, что очень четко устанавливается и по первичным и по вторичным источникам. Группа была полиэтничной, делилась на две неравные части. Одна часть – этнически грузинская состояла примерно из 130 человек, в остальной части были представители различных, в основном, северокавказских национальностей.

Паата Закареишвили – Из кого состояла грузинская часть?

Александр Искандарян – В грузинской части тоже были разные люди, было большое количество беженцев из Абхазии. Судя по всему, у первой группы проводниками были сваны, а во второй группе если и были сваны, то чисто формальные, из внутренних районов Грузии, просто сваны по происхождению, сваны -беженцы из Абхазии. Мы видели одного свана, который был сухумцем. Большая часть этих людей была беженцами. Во второй части были, могу даже назвать некоторые цифры, конечно с некоторой долей приближения, порядка 20-ти балкарцев, 11 кабардинцев, большая группа чеченцев,

их было наверное больше всех (не в абсолютном, а в относительном исчислении), было несколько азербайджанцев, как минимум 2, один как минимум украинец, дагестанцы.

Вопрос из зала – А из арабских стран?

Александр Искандарян – Скажу отдельно, это отдельный очень интересный сюжет. Эти люди были собраны, большая их часть, в Панкисском ущелье. Некоторые были завербованы в других местах и привезены в Панкисское ущелье, чтобы формировать там группу. Имею в виду так называемую негрузинскую группу. По грузинской группе расходятся показания, но предположительно она формировалась где-то в районе Кутаиси. Далее они двигались тремя различными колоннами. Та группа, которая была грузинской, была привезена на машинах собственно в район Джвари, их туда подняли на баржах по Джварскому водохранилищу. Потом они пешком дошли до Кодорского ущелья и там встретились со своими, так сказать, собратьями. Остальные люди, не грузины, которые собственно из Панкисского ущелья, передвигались двумя разными колоннами, но в обоих случаях это были колонны. Колонны, как говорили сами эти люди, передвигались на КАМАЗах. КАМАЗы были крытые. Как они уверяют, они двигались из Панкисского ущелья примерно в течение полутора суток с одной единственной ночевкой в каких-то домах, владельцы которых были грузинами. Было это где-то между Панкисским ущельем и Кодорским. Так они говорили. Дорога заняла в общем 2 дня. Насколько я понимаю, это порядка 600 километров. Собственно горная часть, по которой они шли пешком, не входит в эти 600 км. Как они уверяют, впереди ехали легковые машины, в которых были некие люди в гражданском. Некоторые говорят, опять-таки это дезинформация, что это были представители Министерства Внутренних Дел или представители Министерства Обороны Грузии. Эту версию мы отменили, потому что опрошенные путаются в этих показаниях. Говорят не очень четко, похоже, что говорят так, потому что от них хотят такое услышать. Эти люди в гражданском были не вооружены. Но вот очень интересный момент. Я предполагал, что могли быть сопровождающие, которые раздавали взятки милиционерам. Но эта

теория не сработала, потому что они ехали без остановок. Их колонны не останавливали. Сами они тоже не были вооружены. Более того, эти люди, и по первичным и по вторичным источникам, оставляют впечатление людей абсолютно не способных воевать, и те, кто были в КАМАЗах и грузины тоже. Почему-то представители второй, большей группы, людей из первой группы в 120 человек, называют разведчиками. Скорее всего, их надо назвать погонщиками, но давайте условно назовем их гелаевцами.

Во вторую группу люди набирались согласно полу, возрасту и этнической принадлежности. Они должны были быть молодыми мужчинами и, такое у нас сложилось впечатление, должны были быть мусульманами. Не грузины, естественно. Способы, которыми их вербовали, показывают, что не ставилась задача собрать боеспособных людей. Их вербовали совершенно разными способами, вербовали чеченцы, абсолютно небрежно и не заботясь о правдоподобии версий. Некоторым говорили, что они идут джихад делать, это среди религиозно-ориентированных людей на Северном Кавказе – балкарцев, кабардинцев, чеченцев и т.д., причем некоторым говорили, что они идут делать джихад в Чечню против русских. А это люди люмпенизированные, очень плохо представляющие себе географию, мало осознающие куда двигаются. Поверьте мне, это возможно. Я много видел таких людей в Чечне и увидел в Абхазии среди пленных, несмотря на всю неправдоподобность того, что я сейчас говорю. Другим говорили, что они смогут пограбить. Они в этом не признаются, но это довольно очевидно. Они естественно не говорят об этом, ибо находятся в плену. Этническим грузинам говорили, что они идут освободить Абхазию. И не исключаю, что они тоже шли с вторичной целью пограбить. Повторюсь, об их боеспособности никто не заботился, никаких тренировок не проводилось. Некоторые из них были больными и вообще не способными воевать.

После того, как их привезли туда, их соединили вместе. Приняла их, видимо, та первая группа, которая заранее подготовилась. Их привели на места, где они должны были находиться, после чего разделили на отряды. Отряды формировали «гелаевцы» по разным признакам. Некоторые отряды по этническому признаку. Таковыми были грузинские. Некоторые отряды формировались по религиозному при-

знаку, вне зависимости от национальности. Все остальные более или менее произвольно формировались, по 20-30 человек. После того, как их расформировали на отряды, была устроена образцово-показательная казнь одного человека из состава этих отрядов. Из состава людей второй группы был выделен некий азербайджанец, видимо по произвольному признаку, а не за то, что он азербайджанец. Сказали, что он сотрудник ФСБ, что очень трудно представить, и затем он был зверски (вот это слово мне нужно было заменить почему-то) зарезан на глазах у своих товарищей очень жестоко.

Даур Начкебия – Без обвинений, да?

Александр Искандарян – Сказали, он на ФСБ работает, вытащили его, и все. Не было никаких доказательств, естественно никакого суда там не было. По моему мнению, это было сделано, чтобы напугать этих людей, чего и добились. После этого прекратились попытки со стороны этих людей выяснять у чеченцев, где они находятся и зачем, потому что чеченцы говорили: ты что, тоже ФСБшник, не видел, что бывает с ФСБшниками? После этого они боялись подходить к чеченцам, чтобы спросить, что мы здесь делаем. Они не знали, где находятся. Не понимали, куда и как можно бежать. Некоторые, видимо наиболее умные из них, уже тогда поняли, что нужно бежать, некоторые даже пытались. Но так как не понимали, в какой местности находятся, пытались бежать всякими экзотическими способами, например, они спускались вниз, а не поднимались наверх. То есть шли не в горы, а к побережью.

Абхазские военные брали их совершенно смешным образом. Кто-то спускался по шпалам вниз к Очамчире и т.д. Один из тех, с кем мы беседовали, этнически полуабазин, полукабардинец, как это не смешно в случае этого конфликта, он поднимался наверх вместе с грузином из Сухуми, с которым скооперировался. Он понимал, что надо идти не вниз, а вверх.

Нодар Сарджвеладзе – Скольких взяла абхазская сторона?

Александр Искандарян – Я не могу этого сказать, мы встречались с четырьмя. Мы виделись не со всеми пленными, не потому что нам

отказывали, а потому что у нас было мало времени. У меня создалось впечатление, что, возможно, есть некоторые пленные, которые, может быть, больше знают, но с ними мы не встречались. Я же не говорю об инструментах нашей работы. Какая-то информация получена не от пленных, а от резервистов, пострадавших и т.д. Если бы информация о том, как они перемещались и как себя вели, была получена только от пленных, она была бы совершенно недостоверной. Ее надо было подкреплять. Мы это все-таки делали.

Основная масса, подавляющая масса тех людей, не понимая, что им делать, оставалась в этих отрядах, боясь группы разведчиков, как они их называли, которая находилась от них на расстоянии, никогда не смешивалась с другими, была отдельным лагерем и к себе не подпускала. Более того, через несколько дней они, «разведчики», перестали кормить эту, так сказать, пушечную массу людей.

Нодар Сарджвеладзе – А еда где была сконцентрирована?

Александр Искандарян – У «гелаевцев», которые выдавали ее второй группе первые несколько дней.

Даур Начкебия – А оружие кто выдавал?

Александр Искандарян – Тоже «гелаевцы». Только прошу не забывать, что гелаевцы – это условное название. Насчет Гелаева будет отдельный разговор. Оружие второй группе было выдано несколько позже, уже на месте, а затем перестали давать еду, не было достаточно теплой одежды. Они были в майках. Ужасно жалко этих людей.

Также устанавливается объективно, не только по их показаниям, то, что они объедали фасолевыми поля, ели сырую кукурузу: у трупов находили в карманах початки и т.д. Детское питание появилось позже, когда они уже начали спускаться. Я это еще расскажу. Сейчас я говорю о том периоде, когда они еще ничего не делали. Значит, им была роздана мусульманская атрибутика: повязки, Кораны, справочники джихада, вот эти «вопросы и ответы».

Паата Закареишвили – На русском языке?

Александр Искандарян – Да, на русском. Подавляющему большинству это было совершенно не нужно, они к этому относились небрежно и теряли это в огромном количестве. Теряли в следующей ситуации. Их почти сразу начали гонять. То есть этим людям давали задания. Им говорили, например, что они должны пройти 18 км, дойти до такой-то высоты и переночевать там с вещами. Они все это делали. Потом им говорили, что надо пройти еще 5 км на другую высоту, оставить там вещи, пройти еще 3 км и там переночевать, потом пойти забрать вещи и перенести. Их заставляли пилить какие-то дрова и таскать их с места на место. По дороге они и теряли эту мусульманскую атрибутику.

Мы консультировались с военными специалистами в Абхазии, и потом я лично консультировался здесь. Я должен сказать, что те выводы, которые делал я уже в Абхазии, расходятся с тем, что говорят военные специалисты. Военные специалисты говорят, что в военной теории существует такая вещь, что солдат не должен сидеть на месте, если есть период времени, в который ему делать нечего, надо придумывать задания и давать его, потому что это влияет на дисциплину и т.д. Я не согласен с этой трактовкой, несмотря на то, что я не военный специалист, по элементарной причине – эти люди не являлись солдатами, не предполагалось, что они будут участвовать в боевых действиях. Расхолаживать или не расхолаживать их, на мой взгляд, было не-релевантно для тех людей, их невозможно использовать как солдат. У меня создалось впечатление, что их гоняли, чтобы они на-таптывали следы в огромных количествах, и теряли вот эти, прошу прощения «игрушки», чтобы потом это было найдено. Причиной этого было то же самое, что и обусловило привод представителей определенных этносов. Их отбирали по этому признаку. У меня создалось такое впечатление, и я настаиваю на этой версии, естественно ваше право с ней не соглашаться.

Далее наступает некоторый непонятный момент. Этот непонятный момент связан с первыми, да собственно и с единственными, вооруженными действиями. То есть тогда, когда некие люди спустились в деревни, совершили там насилие, и затем началось то, что началось. Нет понимания того, кто это делал. Первичных источников, указывающих на это нет. Понятно, что все пленные говорят, что

это делали не они, а те самые «гелаевцы». Теоретически, конечно же, их причастность не отрицается. Но еще раз говорю, что на боевые действия эти люди не способны, но чтобы зайти в деревню и кого-то там зарезать, изнасиловать, пограбить – способны. Я предполагаю, что и они могли быть туда приведены, чтобы пограбить. Но не могу об этом судить.

Абхазские же войска и резервисты тогда еще не выдвинулись, поэтому они не понимают, кто это сделал. У меня приличный опыт работы с Чечней и мой опыт работы показывает, что это не тот тип зверств, который совершают обычно этнические чеченцы, в чеченской войне. Мне кажется, что это опять-таки какие-то показательные вещи, которые были сделаны с целью имитации. Я могу ошибаться. По крайней мере, кто-то из этих людей, либо первая группа только, либо первая группа с частью второй, спустились и провели эти зверские акции. Потом наступает удивительный момент. Первая группа, группа «гелаевцев» растворяется в воздухе, она исчезает, собственно еще до начала всего, что началось.

Паата Закареишвили – Дата все-таки не определяется?

Александр Искандерян – Точная дата не определяется. Это началось сразу после событий в селе Георгиевка. Давайте по источникам. Пленные говорят, мы не знаем. Военные и резервисты, которые там сражались, говорят, что было несколько боев. Вы меня извините, но я сошлюсь на свой авторитет, я знаю кто такие боевики-герои. Я знаю, как эти боевики сражаются. Отряд Гелаева не 500 человек. Он условно от 200 до 300 человек. Это люди чрезвычайно опытные именно в этом виде боев. Эти люди никогда не стали бы идти на такую операцию, с тем, чтобы захватывать Абхазию, идя из ущелья с легким и стрелковым оружием, конечно же, понимая то, какая реакция на них будет. Но операция типа «напасть, захватить, отскочить» – это стандартная чеченская тактика. На это они способны. Если бы их было 500 человек, они (это все спорно, это мои представления об этом) способны были захватить Сухуми. Они не способны были бы его удержать. То есть день, два, три, потом бы абхазская армия отреагировала, и они вынуждены были бы уйти или были бы побеждены. Но

захватить неожиданно они были бы способны, в этом я лично абсолютно уверен. Это не касается даже членов моей группы. Это моя личная точка зрения. Этого нет в отчете, естественно. И я уверяю, что такой цели у них не было. Соответственно абхазские военные говорят, что было несколько боев, в которых мы чувствовали профессионалов. Один из этих боев был предположительно, когда те люди уходили, они же не буквально в воздухе растворились. Абхазы говорят, что весь световой день, с раннего утра до темноты, один человек держал весь наш отряд. Они говорят, что он чрезвычайно профессионален, он убил двоих людей, стрелял очень хорошо, был снайпером. Делал это до наступления темноты. Этот человек прикрывал какую-то группу, которая, видимо, отходила по верху, куда он не пускал абхазский отряд. Это установили потом по следам. Затем наступила темнота, и утром этого человека уже не было. Когда пришли на место, откуда он стрелял, то увидели там пакеты, следы крови и т.д. то есть либо он был ранен и раненный ушел, что уже говорит о высочайшем профессионализме, либо он погиб, и они унесли труп, что очень характерно. Это стандартная тактика. Трупы второй группы не уносили, они оставались. То есть мне представляется, что эта группа ушла. Да, проводники у них были, это показывает и развитие событий, и то, что говорят пленные и военные. Наверное, это были сваны, хотя это только предположение, их никто не видел. Кроме одного старика. Говорят, что был среди них старик сван. Проводники их, видимо, просто увели, и они бросили на произвол судьбы этих люмпенов уже с оружием, но без еды, оголодавших, совершенно озверевших от ситуации, поскольку не понимали, где они находятся и что делают. К тому времени уже были совершены зверства, и Абхазия начала реагировать. Резервисты выдвинулись и по мере продвижения напарывались на каких-то людей с мусульманской атрибутикой, которые не имели способности сопротивляться. Там доходило до анекдотических случаев. Соответственно дальше происходило понятно что. То есть фактически боев после исчезновения первой группы, не было, оставшиеся люди были мало боеспособны и в общем не имели возможности по-настоящему сопротивляться.

Теперь два момента: Гелаев, арабы и прочие иностранцы. В этом я был очень дотошен, потому что мои чеченские источники, кото-

рым я очень доверяю, говорили о том, что Гелаева там не было, и от грузинских источников тоже приходила такая информация. Называли место, село, в котором якобы находился Гелаев, и т.д. Поэтому я был очень пристрастен с проверкой того, был ли там Гелаев. Должен сказать, видимо, я ошибался. То есть там был как минимум человек, очень похожий на Гелаева, который хотел, чтобы его называли Гелавым. Скорее всего, там был просто сам Гелаев. Практически все указывают на то, что он там был. Практически все говорят, что они его видели. Правда, людей, которые видели его близко, я не встречал. Естественно это не могли быть абхазские военные и не могли быть люди из второй группы, потому что к первой группе их не подпускали. Но они все его видели, они указывают на разные ситуации, их показания сходятся и т.д.

Паата Закареишвили – Шеварднадзе тоже подтверждает это...

Александр Искандарян – Ну, раз Шеварднадзе подтверждает, значит, точно был (*смех в зале*). В этой моей реакции на то, что ты сказал, не только шутка есть.

Паата Закареишвили – Если бы его не было, Шеварднадзе так бы не признался в этом.

Александр Искандарян – У нас была задача работать с первичными источниками, за тем, чтобы узнать, что говорит Шеварднадзе, ехать было не нужно. Это было основной методикой работы и отсутствие политизированности того, что мы делаем, потому что у меня в мыслях было сделать документ, который можно будет представить всем – грузинам, абхазам и т.д. и т.д. И я могу говорить, что вот, я не грузин и не абхаз, пришел и оперировал с первичными источниками.

Паата Закареишвили – Признание Шеварднадзе и этот материал, они сходятся.

Александр Искандарян – Вообще много, что сходится. Потом я уже начал понимать. Что касается арабов. Опять-таки у меня есть плохой

опыт, я много раз сталкивался и видел арабов на Северном Кавказе, видел тех, кого называют наемниками, но я понимаю, насколько это явление преувеличивается, насколько оно мифологизируется, насколько журналисты и представители пропагандистских структур, работая с этим материалом, хотят, чтобы они там были и т.д. Кроме того, это уже сфера моих профессиональных интересов, я не нашел сколько-нибудь серьезных первичных доказательств того, что там были иностранцы из дальнего зарубежья. Значит, все те указания, которые там были, меня не убеждают. Конечно, все пленные говорят, что они были. Более того, они не просто говорят, что они были, они готовы отвечать на некоторые вопросы. То есть к стандартным вопросам, которые задают им, предположим журналисты, они готовы. Пленные люди замучены и чувствуют себя уже поп звездами, потому что к ним все время журналисты приходят, и они умеют на такие вопросы отвечать. Они говорят, что были арабы. А когда их спрашиваешь, на каком языке вы с ними разговаривали, они отвечают – на русском. То есть они готовы к этому вопросу. Когда просят назвать их имена, они называют имена некоторых и т.д. Если спросить, на каком языке эти люди разговаривали между собой, пленные отвечают – на арабском.

Я человек дотошный. Когда начинаешь идти глубже, когда идешь на глубинное интервью, то естественно задаешь вопросы, до которых журналисты не догадываются. То есть, когда начинаешь спрашивать из каких стран были арабы, северокавказцы начинают называть страны, которые обычно знакомы обычному северокавказцу, это конечно косвенное доказательство. Обычный северокавказец имеет в памяти стандартный набор арабских стран, названия которых он знает. Это либо те страны, в которых есть диаспоры северокавказских народов, либо те, которые известны ему по причинам, связанным с религией. Это: Иордания, Сирия, Саудовская Аравия. Они еще говорят Турция. Да, в числе арабских стран. Турки тоже по-арабски разговаривали, а с ними по-русски. Они о существовании Туниса или Марокко, или Объединенных Арабских Эмиратов, или Йемена, просто не знают. Это первое.

Второе, когда начинаешь спрашивать их, а это были арабы, которые только что приехали или это были арабы, уже повоевавшие в Чечне. Они путаются, и некоторые из них говорят, нет, это только

что приехавшие, специально, чтобы воевать в Кодорском ущелье. После этого спрашиваешь, а это что студенты были, и откуда они знали русский язык. Они теряются и говорят, что, в общем, мы же с ними не разговаривали, а между собой они по-арабски говорили. А кто с ними разговаривал? Тот, кто разговаривал. И дальше вообще хохмы начинаются, они говорят, с ними дагестанцы разговаривали, у них же языки похожие, они их понимали. То есть люди явно путаются. Даже если были некоторые люди, которых они считали арабами, то доказательств того, что те были арабами, нет.

Следующий источник – это радиоперехват. Радиоперехват – тоже очень сомнительная вещь. И я вообще обычно сомневаюсь в том, что они существуют. В Чечне, по крайней мере, и с российскими военнослужащими их в 99% случаев не бывает, их выдумывают. В случае этого конфликта это не так. Они были и были записаны, переводились. Но тут наступает опять-таки проблема – арабских языков несколько. Есть арабы, выходцы из разных арабских стран, друг друга могут понимать только в случае, если они люди образованные, тогда они говорят на кораническом или около кораническом языке и тогда они могут друг друга понимать. Арабы, говорящие на языке улиц, люди не очень или совсем не образованные, не могут понимать друг друга. Это разные языки. Соответственно, мы попробовали выяснить, во-первых, на каком языке были эти радиоперехваты. Выяснилось, что на кораническом. Что потрясающе удивительно. Абхазцы делали перехваты и переводили, у них есть какой-то парень, который переводил. Второе, эти перехваты содержали некий набор слов. Это не было связным текстом. Абхазские военные относятся к этому, как к некоему коду, что вполне релевантно, конечно. К коду, который нужно расшифровывать каким-то образом. Я признаю возможность, что это так. Но также признаю вторую версию, что это было некоторым набором слов, который был нужен для того, чтобы создалось впечатление, что там есть арабы. Потому что северокавказский относительно образованный исламист знает именно этот язык, а не какой-либо другой. Конечно, он не знает сирийский или египетский диалект. Я еще раз скажу, что не исключаю того, что там было какое-то количество людей из дальнего зарубежья. Просто я не увидел тому доказательств.

Нагелла Акаба – Тут вообще большая путаница существует – например, знаменитый иорданец Хаттаб, которого все считают арабом, на самом деле чеченец, представитель диаспоры.

Александр Искандарян – С Хаттабом все сложнее на самом деле. Он представитель племени, которое кочует между Саудовской Аравией и Иорданией, по крайней мере, он представляется представителем некоего бедуинского племени. И в этом смысле его можно называть и саудовцем, и иорданцем. Он также долгое время прожил в чечено-населенных селах Иордании, поэтому его с одинаковым успехом можно назвать и тем, и другим, и третьим.

Я говорю исключительно о том, что нам удалось установить. То, что показывают пострадавшие, которые их видели, тоже скорее указывает на их отсутствие, чем на их присутствие. В селении Наа один старик, старенький такой армянин, а старые армяне в Абхазии очень часто помнят турецкий язык, сказал, что да, были арабы, и когда спускались с гор, друг другу кричали «гяльбора» (это «иди сюда» по-турецки и по-азербайджански тоже, соответственно).

Вот, наверное, я закончил ту часть, которая касается фактов и того, что вошло в текст. Описание фактов, собранных группой по мониторингу с грузинской стороны есть здесь, и я могу их вам дать. Можете прочесть. Я не являюсь руководителем всего проекта, я являюсь руководителем только этой части. Никаких сильных расхождений с тем, что мы увидели с абхазской стороны, нет. И Панкиси подтверждается, и передвижение по Грузии подтверждается, и этнический состав и более или менее Гелаев.

Арда Инал-Ипа – А участие правоохранительных органов Грузии?

Александр Искандарян – На уровне слухов. Очень многие грузинские политологи, представители НПО говорят, без разрешения на ссылку. Это есть. В обзоре прессы это указано.

Георгий Анчабадзе – Мне тоже лично говорили, что, мол, видели машины с номерами Министерства обороны...

Александр Искандарян – Подождите, говорили мне много чего. Говорили, например, что приземлялся вертолет, что из вертолета выходил маршал, и описывали один к одному внешность Тевзадзе. Эти беженцы говорили, что Гелаев к ним подходил, что вертолет был с опознавательными знаками, что они побеседовали, и потом вертолет улетел. Я вам много такого могу рассказать, но все это абсолютно бездоказательно.

Паата Закареишвили – Нет свидетелей, которые сидели в этих машинах.

Александр Искандарян – Нет, нет, есть люди, которые это рассказывают, но я им не могу верить.

Георгий Анчабадзе – Опять-таки и журналисты ставят такой вопрос, что если не правоохранительные органы, то как могли несколько КАМАЗов и даже три колонны, говорят, с вооруженными людьми проехать? ...

(Запись прерывается)

Нодар Сарджвеладзе – Алик говорил, что он неоднократно осуществлял мониторинг ситуации в группе быстрого реагирования. А я первый раз присутствую на слушании результатов мониторинга, и позвольте сделать мне свое заключение или оценку. Дело в том, что действительно, когда мы собрались в Тбилиси в студии РЕ, где проводилось обсуждение Кодорских событий, то главная проблема заключалась в том, что мы оперировали слухами. С нашей стороны там были представители НПО, с другой – Надареишвили. Мы пытались каким-то образом разобраться в ситуации, атаковать или делать оценку и т.д. Но у нас не было никакой достоверной информации, и мы были похожи на гадалщиков. В том числе и я. В нас превалировал эмоциональный момент над фактологическим. Это продолжалось очень долго, не только во время этого события. Лично для меня такая нехватка фактологии частично снялась, когда Алан Парастаев приехал в Тбилиси и меня, в том числе, интервьюировал. И я тоже, безусловно, задавал ему

вопросы. И он рассказал примерно то же, что и Алик сейчас. Тогда лично у меня прошло ощущение информационной беспомощности.

Дело в том, что в таком же вакууме находятся в Тбилиси все заинтересованные этой проблемой люди. До конца Алик тоже не знает картину, потому что очень много вопросительных знаков остается. Но даже на этом уровне такой фактологический мониторинг имеет большую ценность. Если эта информация, этот анализ, который провели Алик и его группа, достаточно скоро будет доступен заинтересованным лицам и организациям, связанным с грузино-абхазским диалогом на самых разных уровнях, организациям беженцев, то это будет очень полезно. Алик был недоволен тем, что публикация этого материала запаздывает, но я считаю, что даже если сейчас распространить эту информацию, это будет иметь огромную ценность.

Во-первых, это хороший пример того, как проводить мониторинг даже в тех условиях, когда очень многие ресурсы, и временные и пространственные, ограничены и когда ситуация очень сложная. Это пример быстрого реагирования.

Во-вторых, этот опыт проведения мониторинга, соответствующего глубинного интервьюирования, с проверкой разных источников. Это было сделано профессионально, на очень высоком уровне. Профессиональность присуща Алику. Но если мы хотим создать на Кавказе какую-то систему быстрого реагирования, должны воспитываться соответствующие кадры, профессионалы, которые будут работать так же, как Алик. Поэтому распространение этого документа будет еще и толчком к тому, чтобы стимулировать кого-то пойти по этой линии, стать специалистом по быстрому мониторингу. Как показывает пример Кодорских событий, такого рода вспышки, наверное, будут, и быстрое реагирование информационного характера на Кавказе очень нужно. Поэтому я считаю, что это огромная работа, очень интересная и очень полезная. И сейчас надо эту информацию опубликовать, чтобы собранные материалы стали доступны и НПОшникам, и самым разным людям. Хочу поблагодарить Алика за то, что он поделился с нами результатами своей работы. Спасибо.

Паата Закареишвили – Я тоже присоединяюсь к благодарности Нодара, потому что, в самом деле, очень интересен прецедент такого

мониторинга и мне кажется, надо всегда придерживаться таких методов. Это будет одним из видов нашего оружия. Нам надо стараться беспристрастно оповещать, рассказывать, что могло бы произойти на самом деле, потому что каждая из сторон по-своему трактовали события, и в самом деле все терялись в догадках. Я довольно информированный человек в области грузино-абхазского конфликта, из многих источников мне присылают материалы, но меньше всего информации получал именно во время Кодорских событий, и до сих пор для меня не все связано. Но бесспорно одно. События в самом деле происходили, и они имели какую-то цель, то есть кто-то их где-то планировал.

Это будет исключительно мое мнение, потому что только основываясь на четких источниках информации, можно подвести окончательный итог. Поэтому не могу мое представление распространять как мнение какой-то группы людей, которые думают так же, как я. Лично я думаю так, и я не удивлюсь, если окажусь в одиночестве, потому что на самом деле трудно сопоставить очень многие факты. Этот факт – одно из лучших доказательств того, что грузинские власти никогда и не думали разрешать грузино-абхазский конфликт мирным путем. Никогда не думали, хотя всегда у них были мирные лозунги, чтобы оттянуть время до тех пор, пока найдется способ разрешить этот конфликт силовым путем. Это самый главный итог для меня. Для меня важным было то, что Кодорские события – это одно из доказательств того, что грузинские власти не хотят мирно вернуть Абхазию, даже если говорить о ее возвращении. Они вынашивают одну единственную идею – решить конфликт путем реванша, путем унижения, путем доказательства, что они сильнее абхазов. Они хотят военным силовым путем как-то побороть абхазов. Для меня это наиболее страшный итог. Именно потому, что они так бессильны, абсолютно не способны ни на что, хватаются за любые мимо пролетающие, нелегитимные возможности – лишь бы в свою пользу использовать. Это было и с событиями 98-го года, когда они делали официальную ставку на активность партизан. Так было и сейчас. Явно это планировалось. Это произошло после какого-то очередного антитеррористического всплеска в России, всплеска антигрузинских настроений, когда акцент делается на том, что в Грузии постоянно находят-

ся чеченские боевики, Грузия прикрывает террористов и т.д., и т.д. Я считаю, все-таки, важную роль в этом сыграл глава министерства внутренних дел. Сейчас уже ситуация изменилась, но тогда это было главной ведущей политической силой Грузии в лице министра Таргамадзе. Сложилось впечатление, тут я абсолютно согласен с некоторыми абхазами в том, что, скорее всего, был сговор с Россией. Но эта инициатива исходила опять-таки из Грузии, а не из России. Как бы нам избавиться от этих чеченцев, что бы нам сделать такого, чтобы и вы были довольны, и мы тоже как-то от них бы отвязались. Это один фактор, по-моему.

И второй фактор состоит в том, что Панкисское ущелье очень доходное место для МВД Грузии. Там на самом деле наркотрафик, там работает завод, перерабатывающий наркотики, и никто не хотел упускать это из рук. А Россия, видимо, пригрозила в итоге, что если так будет продолжаться, нам придется бомбить Панкисское ущелье, а оно действительно было гнездом терроризма. И они начали даже приводить эту угрозу в исполнение, слегка проехали по Панкисскому ущелью, дали знак, что на самом деле собираются это сделать. Скорее всего, по инициативе грузинской стороны был сговор о том, чтобы перенести удар с Панкисского ущелья в Кодорское, в Абхазию. Давайте с ними расправимся там, в Кодорском ущелье. Одним выстрелом Грузия захотела убить двух зайцев: и с чеченцами расправиться, а с другой стороны заодно и с абхазами тоже, если получится. Мне кажется, план был такой. Наверное, Грузия и Россия стоворились, а Россия, как всегда, договаривается только наполовину, то есть до какой-то поры, а остальное уже сама додумывает, тебе не говорит, хочет завлечь. И, мне кажется, из России в Абхазию тоже были посланы какие-то импульсы в плане того, что там что-то может произойти, но вы не очень волнуйтесь. Право это говорить мне дает поведение Джергения, потому что он очень странно себя вел. Уже явно шли боевые действия, а он постоянно это отрицал. Мне лично это дало явную информацию о том, что абхазы тоже, не через Грузию, конечно, а как-то отдельно были все-таки информированы от России, что события там будут, но пусть они вас не волнуют, мы как-нибудь сами разберемся. Поэтому ответственность – (меньшую, конечно) несет и абхазская сторона. Всю ответственность я перекла-

дываю на грузинскую власть, конечно, но какая-то часть все-таки ложится и на абхазские власти, которые допустили нечто подобное, не зная точно, что происходит, разрешили на своей территории что-то развернуть.

И третий момент. Я все-таки считаю, что Гелаев – это не чеченский герой. Он играет какую-то двойную игру и с ФСБ больше связан, чем с чеченскими террористами. Думаю, что у них было запланировано разобраться с чеченскими группами, оставшимися в живых, которые рано или поздно могли бы заявить о себе на территории России, и как-то ликвидировать или изолировать их, парализовать. Вот такая, довольно конкретная, четкая, по мнению русских и грузин, задача была абсолютно испорчена и не доведена до кондиции только потому, что грузинская сторона не выполнила свои, можно сказать, обязательства. И деньги разворовали, и спустя рукава работали, как обычно, сделали все непрофессионально, потому что перевозку этих людей вся Грузия наблюдала, все знали, что их перевозят (смех в зале). Все рассказывают как тайну о том, что их не задерживали, в Грузии любят об этом рассказывать. У этой колонны был инцидент в Менгрелии, где их остановили на полчаса. Это стало известно всем. Какие-то полицейские на трассе не знали, что эта колонна должна пройти. Полицейский остановил их, и получилось так, что никто не смог ему по-грузински объяснить, в чем дело. А полицейский не понимал по-русски, и тем более по-чеченски. Поднялся шум, они вынуждены были позвонить в Тбилиси, оттуда его матом накрыли и сказали – пропускай побыстрее (смех в зале). Вот такой инцидент был на дороге, и поэтому в Менгрелии многие знали, что огромная колонна чеченцев прошла.

Нателла Акаба – Получается, что хотели, чтоб знали...

Паата Закареишвили – Не исключено. Но поскольку население очень остро подняло этот вопрос, это сыграло роль последней капли, и силовые структуры решили наказать масс-медиа. Последовал этот глупый шаг, ход против Рустави-2, что привело в итоге к отставке правительства. Было явно видно, что население, тбилисское, по крайней мере, не полностью разделяет те кулуарные и преступные дви-

жения, которые происходят в правительстве. Конечно, уже у всех в печенках сидел Таргамадзе. Его больше всего разозлило то, что его идея решить чеченский вопрос за счет абхазов, не была воспринята. Это их, МВД, больше всего задело, поэтому они решили как-то наказать критикующих их людей. Таким агрессивным Таргамадзе я никогда прежде не видел. Он сказал, что, мол, всех вас положу на лопатки, я – железный человек, и т.п. . . . Все это происходило как раз на фоне событий в Панкисском и Кодорском ущельях. Это дало такой разворот, что, мне кажется, последовавшая за этим отставка правительства произошла в связи с этими событиями. Может быть, это слабо связано одно с другим, но провожу параллель с тем, что они непрофессионально, неумело поработали в Кодори. Раскрылась суть грузинских властей. Мне интересно, как повлияли на все случившиеся события 11 сентября, по-моему, они сломали и разрушили эти планы. После 11 сентября всем было уже не до этого. Там уже развернулись афганские события. Поэтому из-за случившегося 11 сентября, Россия, по-моему, потеряла к событиям в Кодори большой интерес, потому что очень многие иные события наворачивались. С американцами надо было разбираться отдельно, с Центральной Азией проблемы возникли, это уже было некстати. (**Шум в зале**). Единственное чего я не понимаю, это мотивации чеченцев, тех 150 человек, первой группы, так называемой группы Гелаева.

Реплика – Деньги.

Паата Закареишвили – Неужели в Грузии столько денег? Я сомневаюсь. Они не могли столько платить. Может, русские деньги им шли.

Нателла Акаба – Но если вы говорите, что в Панкисском ущелье наркобизнес. . .

Паата Закареишвили – Так чеченцы сами имеют эти деньги, чего они от грузин получали бы? Единственное оправдание я вижу в том, что Гелаев повез их на смерть. Но они испарились, на самом деле все остались живы, фактически среди них очень мало погибло, если погибло.

Арда Инал-Ипа – Кому было выгодно распространение информации о том, что Сухум взят и т.д.?

Паата Закареишвили – Очень важный вопрос. Очень много таких таинственных моментов. Относительно Кодорских событий я удовлетворился самым главным моим выводом о том, что грузинские власти не хотят мирным путем решать конфликт. Это настолько важный для меня итог, что другие вопросы уже мелкие для меня. Опять-таки эта информация о «военных успехах» идет оттуда же, чтобы растянуть время своей агонии. Может быть, был расчет на то, что кто-то поверит этому и все-таки сколотится какое-то движение. А вдруг какая-то часть населения перешла бы туда, в Абхазию? Это было для того, чтобы прикрыть их преступные деяния. Я вспомнил, что где-то за месяц до событий, в один день Шеварднадзе, Таргамадзе, и Какабадзе (Какабадзе очень мягко, а Шеварднадзе и Таргамадзе очень резко) сказали, что ситуацию с беженцами терпеть больше невозможно, что народ вынужден будет перешагнуть через границу, возьмет в руки оружие, и мы вынуждены будем...

Нодар Сарджвеладзе – Это было выступление перед беженцами

Паата Закареишвили – Шеварднадзе сказал это на заседании правительства, а Таргамадзе потом комментировал. (**Шум в зале**). Это было сказано явно в то время, когда готовилась эта операция.

Гиорги Анчабадзе – Нет, это заявление было сделано в конце августа, потому что, когда мы возвращались из Сочи, мне уже в машине в качестве новости рассказали о том, что накануне Таргамадзе выступил и сказал, что...

Даур Начкебия – Они подготавливали общественное мнение

Паата Закареишвили – По крайней мере, с грузинской стороны все это готовилось уже с лета...

Арда Инал-Ипа – Может быть, они и надеялись, что беженцы, которые находятся рядом с границей, сразу поддержат...

Паата Закареишвили – Нет, это все-таки... у меня есть еще одна моя оценка, связанная с тем, что у Таргамадзе была очень подмочена репутация. В самом деле, против полиции было много выступлений в Грузии, и он хотел проделать какой-то победоносный шаг в Абхазии, чтобы как-то укрепить свою власть. А Шеварднадзе убеждать очень легко. Во время войны я сам был свидетелем того, как его убеждали, а сейчас тем более. Очень легко убедить Шеварднадзе, и он убедил его, что есть какие-то люди, типа Гелаева. И Шеварднадзе потом говорил позорные слова о том, что ему рассказывали, что Гелаев очень хороший человек с высшим образованием и т.д. Шеварднадзе убедили и, я в этом уверен, он прямо повторил то, что ему сказал Таргамадзе, что Гелаев интеллигентный, нормальный человек и поможет нам вернуть Абхазию. Я на сто процентов уверен, что Шеварднадзе поддался на это: раз так Таргамадзе говорит, то все так и будет. Это мое мнение.

Даур Начкебия – Если я не ошибаюсь, когда у нас начались события в Кодорском ущелье, один раз появилась подобная информация с грузинской стороны. Какой-то высокопоставленный чиновник говорил о том, что в Кодорском ущелье находятся беженцы, которым надоело ждать, и они взяли оружие и пошли на Абхазию. В Абхазии существует такое мнение, что, как и гальские события 98-го года, так и эти кодорские события, были, по сути, разведкой боем. Могу повторить то же самое, что говорил Паата, что грузинская официальная власть, политическая современная элита, видит разрешение абхазской проблемы только одним способом – военным путем. Они об этом говорят не раз. Поэтому здесь, может неумело, но были подключены разные силы, может быть и российские, и вне России, и в Грузии, и личные и т.д. Но все эти цели, может быть, сводятся, по большому счету, к одному – проверить боеготовность и вообще возможность вторжения в Абхазию, или же обеспечить открытие второго или третьего фронта со стороны Кодорского ущелья. В военном отношении вполне возможно, что такая была задача.

Когда здесь Паата говорил, то не раз оговорился о том, что был сговор между Грузией и Абхазией, потом поправился – между Грузией и Россией. Но существует мнение, что... Если помните, незадолго

до этого были июльские события. Была срочная горячая линия по телефону между Сухумом и Тбилиси, Джергения говорил, что дорогой Эдуард Амбросиевич грудью защитил мир и т.д., он такой миротворец, такой хороший, он ему осанну пел. Потом приветы передает Шеварднадзе и говорит, что скоро будем в Сухуме встречаться и тому подобное. Затем все стихло. Потом был вояж Джергения в Тбилиси, и по возвращении он говорит, что все нормально, нам дали гарантии. И вдруг начинаются эти события. И Паата говорил о явной растерянности Джергения. Может, это было вызвано тем, что события начали принимать такой объем и такой поворот, которого, может быть, Джергения не ожидал.

Паата Закареишвили – Не информировали его об этом.

Даур Начкебия – Да. Даже такой вопрос стоял, такие рассуждения, типа кто кого «кинул»: Джергения ли «кинул» Шеварднадзе, войдя в сговор с Россией? Какая игра – двойная или тройная? Сколько степеней? Или же опять Белый Лис обманул Джергения, наобещал, что все будет нормально...

Нателла Акаба – А его обманула Москва...

Даур Начкебия – Столько вариантов, одним словом...

Александр Искандарян – А Москву Америка...

Даур Начкебия – Да. Очень много рассуждений, и в этом плане лично я не исключаю, что во всем этом деле наша власть, абхазская власть, если не очень многое, то, во всяком случае кое-что знала о том, что что-то такое готовится. И то, что власть пошла сознательно на такое дело, ее, конечно, очень сильно дискредитирует. И дискредитировало по большому счету. Такое позволять нельзя ни в коем случае. Потом у нас была публикация одного нашего сподвижника, Вячеслава Кокоскира, который довольно в резкой форме говорит обо всех этих делах. Все, говорит, выиграли после этих событий. Россия очередной раз напугала Грузию. Грузия еще раз показала, что готова сило-

вым путем решать проблему Абхазии. А абхазские власти перенесли выборы (смех в зале). Все извлекли какую-то выгоду из всего этого. По большому счету я считаю, что во всей этой ситуации проиграла Абхазия.

Нателла Акаба – Люди погибли.

Даур Начкебия – Да. Абхазия ничего не извлекла из этой ситуации, кроме 16-ти трупов. Что она извлекла в политическом плане? Мне кажется, ничего.

Нателла Акаба – Появилось предложение об ассоциированных отношениях с Россией.

Даур Начкебия – Да. Просто после этого у абхазцев появился аргумент о том, что вот этот хитрый лис стал волком и всё грозит, и мы хотим ассоциированного членства с Россией. Но это эфемерная выгода, совершенно нереальная.

Паата Закареишвили – А может быть, проиграли все. Грузия в результате Кодорских событий проиграла в глазах абхазов, если не окончательно, то очень серьезно...

Гия Анчабадзе – ...В глазах собственного населения тоже сильно проиграло грузинское правительство, потому что еще меньше стало доверия. И так не верили, что на что-то оно способно, а теперь еще меньше стало доверия.

Нателла Акаба – Конечно, наступивший потом кризис во многом ведь именно этим был вызван...

Даур Начкебия – Раз так, то остается надежда, что что-то подобное не повторится в ближайшее время.

Паата Закареишвили – К сожалению, поскольку грузинские власти не признались ни в чем, и до сих не признаются в том, что про-

изошло, и до сих пор утаивают эти события, то это говорит о том, что они не оценивают отрицательно то, что произошло. Не исключено, что будут вынашивать в дальнейшем такие планы, более серьезно подготовятся, более эффективно подготовятся. Но они не отрицают такой метод. А больше всего, что меня задело, что касается нашего движения, что дало мне информацию для размышления – как радовались, скажем так, условно говоря, члены партии войны, которые всегда ратовали за такой путь. Как они радовались, прямо в лицо мне показывали, насколько наши действия, наша деятельность эфемерна и неэффективна. Это очень важно.

Нателла Акаба – Так же и в Абхазии.

Паата Закареишвили – Потому мы должны задуматься об изменении нашей стратегии. Я не знаю, как это должно произойти, но обязательно должно произойти. Мне кажется, я часто об этом говорю, может быть, надоело вам это, что мы абсолютно игнорируем работу именно с этими людьми, агрессивными. Среди них тоже есть разные крылья, есть радикально настроенные, которые имеют от этого деньги, какую-то политику строят, поэтому они никогда не изменятся. Но есть люди, на которых они влияют. Мы должны работать с этими людьми, на которых они влияют, то есть эта партия войны. Мы как-то должны постепенно включать их в наш состав и как-то чистить их, по крайней мере, если не переводить на нашу сторону, то, по крайней мере, у них отбирать людей, отвлекать от них. Иначе наше движение в какую-то секту превратится, и мы не сможем развиваться.

Нателла Акаба – Во-первых, я совершенно согласна с тем, что сказал Паата. Я лично морально созрела для того, чтобы работать с этими людьми, но просто надо понять, что мы тоже не можем сделать это так легко и просто. Нам тоже нужно попытаться объяснить своему обществу необходимость работы с агрессивно настроенными людьми. Если, например, я поеду сейчас в эти компакт-центры и начну с беженцами говорить, могут это понять совсем по-другому, будто я веду переговоры о возвращении беженцев. Поэтому мы сейчас об этом очень много думаем и пытаемся проявить какую-то

инициативу, которая заставит заговорить о том, что пока эти озлобленные и неустроенные беженцы существуют, слишком велика опасность того, что они будут использованы. Но, к сожалению, в абхазском обществе нет готовности понять это. Я понимаю, что мы обязаны как-то генерировать эту дискуссию. Кроме того, я совершенно во многом согласна с Аликом, который делает, по-моему, совершенно адекватные выводы. И на основании того, что Алик узнал, если учесть, что он не обладает всей полнотой информации, как и большинство людей (хотя кто-то где-то, наверное, обладает полной информацией, но они нам не скажут), он сделал справедливые выводы. Единственное, с чем я не совсем согласна, это оценка прессы. Конечно, с одной стороны, то, что писали газеты – это ужасно, и то, что показывало телевидение. И из этого ничего нельзя было понять. Но если внимательно анализировать сообщения агентств, то можно было увидеть, куда все идет. Может, потом, задним числом, лучше начинаешь понимать. Ну, вот, например, встреча Рушайло и Таргамадзе где-то в начале сентября, по-моему. Потом встреча Джергения и Шеварднадзе с Таргамадзе и Авто Иоселиани за закрытыми дверями, о чем там шла речь, мы совершенно не знаем. Так что, можно было, наверное, что-то предполагать и проследить, наверное, мы не были готовы. Лично я, как и Паата говорил, не очень удивилась тому, что такие события произошли, они не исключены и в будущем. Но для меня было особенно ужасно то, что опять я увидела в Грузии все те же фигуры. Пovýлезали из всех нор те же самые люди: Китовани, Иоселиани, Каркаршвили. Они никуда не исчезли, и они вещали и их слушали. Вот это было страшно, потому что я поняла, что оказывается, все-таки почти ничего не изменилось. С другой стороны, я видела, с какой готовностью в Абхазии все люди пошли воевать. Они взяли свои автоматы, и для них это было абсолютно буднично и нормально. Значит, я поняла, что в наших обществах внутренне люди все еще готовы к войне и вот этот мирный электорат настолько слабый и незаметный, что нам надо, наверное, пересмотреть свою работу и попытаться как-то влиять на события. Да, конечно, все, что происходило, было театром абсурда и поэтому, когда мы пытаемся с точки зрения рационального смотреть на это, то ничего не поймем. И когда Даур говорит,

что они, наверное, поняли, и теперь уже это не повторится, то это не так. Они ничего не поняли, потому что они не действуют в рамках логики. Все это было совершенно иррационально. У них своя внутренняя логика и эту войну вполне можно было бы назвать виртуальной, если бы не те несчастные люди, которые погибли.

Алик Искандарян – Все поддается рациональному объяснению. Нормальная кавказская история. Человек, который изучал историю Кавказа, наверное, Гия мне не даст соврать. Один отряд на деньги другого феодала прошел через территорию, что-то пограбил – нормальная история. (**Спор, шум**).

Нателла Акаба – По законам феодализма, родо-племенного строя – да. Но нам-то кажется, что мы живем в другое время. В заключении, все-таки я не во всем разочаровалась. Мне звонили в течение всех тех дней из Тбилиси наши друзья и коллеги. И вот такую фразу сказала Анна Цвинария (мне кажется, это было очень образно): она сказала, что единственное, что у нас осталось – это наши отношения, а так, в общем-то, все разрушено и потеряно. И я поняла, что не все потеряно. Спасибо.

Абесалом Лепсяя – Я хотел бы маленький вопрос задать Александру. Вы сказали, что был подготовлен обзор грузинской прессы по этим событиям, а вот обзор абхазской прессы есть?

Александр Искандарян – Да, тоже есть.

Арда Инал-Ипа – Я тоже хотела поблагодарить Алика. Во-первых, эти оценка и мониторинг важны как бы в глобальном смысле, потому что формируются такие механизмы общественного реагирования, которые отражают уже существующую на каком-то уровне кавказскую интеграцию. Меня это очень радует. Но я еще хотела бы поблагодарить вас от абхазского общества. Вначале мы были очень растеряны и не понимали, что происходит, слышали со всех сторон разную информацию. С одной стороны говорили, что Грузия вас сейчас завоеует, пользуясь тем, что весь мир занят Афганистаном, с другой

стороны – что у нас на самом деле ничего не происходит, это просто какая-то фикция и т.д. И нам очень хотелось, чтобы кто-то извне действительно пришел, объективно зафиксировал и подтвердил реальные события и помог нам самим разобраться, что с нами происходит. Для меня, например, то, что вы приехали и так быстро откликнулись на эту просьбу, и так быстро и эффективно работали, это просто было очень большой моральной поддержкой в то время.

Пола Гарб – Даже Марджери Феррар и Барри Сандерс собирались приехать на Кавказ и потом очень обрадовались, когда узнали, что вы уже там.

Арда Инал-Ипа – Еще я хотела сказать, мне кажется, что у Алика было мало времени, но все-таки какие-то материалы дают информацию для дальнейшего анализа. Например, мы слышали о том, что пленные говорили о присутствии в Кодорском ущелье представителей арабских стран, но при более серьезном опросе оказывалось, что это не было истиной, что они кем-то были настроены говорить таким образом. Возникает вопрос, почему и кому это было бы выгодно и т.д. Может быть, есть какие-то детали в этой информации, которые могли бы привести к каким-то новым выводам. Мне кажется, что этот материал дает возможность докопаться еще до каких-то вещей и продумать, чем они могли быть вызваны.

Что касается выгоды в результате этих событий. Для меня было очень информативно, но и неприятно, конечно, услышать на берлинской встрече от одного представителя официальных структур Грузии о том, что 300 человек грузинских военных сейчас стоят в Кодорском ущелье. Если вы считаете, что это не выгода, то вы ошибаетесь, сказал он. Я сама говорила о том, что мы увидели, насколько мы уязвимы, насколько действительно в стратегическом плане важно это Кодорское ущелье, что действительно в три дня противник может оказаться у рубежей Сухума. И вот некоторые официальные представители властей Грузии считают, что в результате Кодорских событий грузинская сторона получила совершенно реальную выгоду. Сейчас они могут как бы торговаться, о том, чтобы вывести эти 300 человек только в том случае, если от Абхазии или от междуна-

родного сообщества что-то получат. Так что выгода для Грузии все-таки есть.

И последнее. Действительно, когда мы впервые в августе получили серьезные сигналы о происходящем в Кодорском ущелье, то практически все, как один, сказали, что этого быть не может. Наверное, это урок о том, что надо реагировать на все сигналы, какими бы абсурдными они не казались, если эти сигналы касаются эскалации конфликта и т.д. Мне кажется, если бы серьезно поднялась бы общественность с требованием большего отчета от властей, например о встречах с Таргамадзе и т.д. может быть, это помогло бы что-то предотвратить. Спасибо.

Абесалом Лепсяя – Я очень рад тому, что Арда сказала. В первую очередь о том, что в Кодорском ущелье сейчас находятся 300 человек – вооруженных представителей министерства внутренних войск Грузии. То есть, если все эти события действительно выглядели диким абсурдом, и можно на самом деле предположить, что это извечная кавказская неразбериха, то если все же попытаться проанализировать по реальным последствиям, кто, что из этого выиграл, то может сложиться достаточно рациональная картина. Все это могло быть затеяно для того, чтобы потом под предлогом защиты местного грузинского населения, объяснить необходимость присутствия грузинских каких-то вооруженных формирований. Грузия получила прекрасный повод ввести туда свои вооруженные формирования. Они строят там аэродром, на котором могут приземляться, хотя говорят, что это сделано с целью коммуникаций, то есть летают там какие-то кукурузники, доставляющие что-то, но там могут и вертолеты летать. Мост восстановлен. То есть, в результате всех этих событий вычленяется совершенно определенный момент. Грузинская сторона в нарушение принятых соглашений закрепила в Кодорском ущелье. Может быть, они сами и не предполагали такого итога, но вполне естественно такое предположение. На самом деле вот это очень рационально как раз выглядит.

Я тоже хочу поблагодарить Александра, потому что на самом деле мы многого не знали из того, что он рассказывал. Очень информативный действительно был доклад. И я считаю очень правильным, что он ограничился чисто фактологической базой, не делая выводов.

Даур Начкебия – Он и от прогнозов отказался.

Алик Искандарян – Это другая работа. Спасибо вам всем за тосты. Вы вынудили меня тоже говорить тост. Но перед тем, как произнести его я хочу отреагировать, на то, что ты, Арда, говорила. Ты абсолютно правильно говоришь. На самом деле это технологическая проблема. Работать надо было дольше, работать надо было большими группами и в большем количестве мест. Но это проблема денег. Дальше я, например, если меня спросить кому выгодно в статике, я ответить не смогу. В динамике, на каждом этапе того, что происходило, кто-то получал выгоду. В начале – такой-то, потом такой-то и т.д. От грузинского аппарата в самом начале, предположим, до журналистов или России и т.д. На каждом этапе можно определить финансовый ли это интерес, политический ли... Я уже повторяюсь, но очень боюсь, что проблема отслеживания, проблема такой более серьезной работы, она институциональна. Она упирается в организационные и финансовые вопросы. Если бы была какая-то институция, сама решающая, что ей надо делать, имеющая под это деньги, какое-то количество специалистов и не обязательный отчет перед кем-то, то это бы все делалось. Вот и все.

Арда Инал-Ипа – Мне казалось, что Форум в общем-то превратился в такую институцию...

Александр Искандарян – Ну, даст Бог. Да, он внутри себя некоторую структуру представляет.

Теперь следующее. Вот тут говорили, что сейчас происходит что-то потрясающе оригинальное. Это неправда. Что такое история Кавказа? История Кавказа – это некоторая история, когда накапливается потенциал, крестьяне пахут, строятся города, что-то воссоздается, начинают творить художники, женщины рожают, все становится прекрасно и хорошо. Потом проходит какой-то период и происходит некий ба-бах. Да, вот при этом «хорошо», люди спускаются в долины, осваивают их, на этих долинах строят террасы и т.д. Потом приходит что-то или кто-то, и это может быть Деваншир, может быть Тамерлан, много чего может быть. И это все разрушается. Люди ухо-

дят в горы, люди интеллигентные, создающие какие-то ценности, вымываются из региона, убиваются. А новые, как вы говорите, более дикие сообщества в этих горах закрепляются, потом постепенно люди начинают спускаться в долину, дети их начинают обучаться персидскому или греческому, русскому или английскому языкам, начинают что-то творить, чтобы через 300 лет случилось то же самое. Нормальная история Кавказа, нормальная история такого рода региона. Сейчас происходит примерно то же самое. Всегда во все времена, при всех этих нашествиях, сохранялась узкая группа людей, которые сидели в монастырях, башнях, были в дервишских сообществах. Они имели коммуникации друг с другом, с людьми разных национальностей, которые творили какие-то ценности, некоторые из которых дошли до нас. Это великие ценности. Они писали книжки, сочиняли сказки. Они понимали, что такое Кавказ, понимали его единство, они могли перешагивать через эти горные долины. Только благодаря им в следующий раз, когда наступало спокойствие, мог снова возрождаться этот регион. Несмотря на всякие телефаксы, интернеты, диктофоны, сейчас происходит то же самое. Мы, сидящие в этой комнате, представляем собой вот это самое сообщество. Сочетание орденов я не знаю. Вот вы говорите, вам звонят из Сухуми. А мне звонят из Азербайджана, сам я звоню и в Сухуми, и в Тбилиси и т.д. Вот за это и выпьем. За коммуникации! Мы и есть коммуникации.

Нодар – Чтобы следующий год был более коммуникабельным!

Арда Инал-Ипа – Я хочу поспорить. Если мы обратимся к европейской истории, то она до поры, до времени очень была похожа на изображенную Аликом картину жизни Кавказа.

На этом запись прерывается.

SUMMARIES

Irina Agrba. Evaluation of the UC Irvine project “The Role of Citizen Peacebuilding in the Georgian-Abkhaz Conflict”, pp. 235-242

The author, who is not a project participant, was asked to evaluate all the project publications. She stresses that such projects can transform the conflict by promoting civil society and strengthening democratic institutions on both sides of the conflict.

From the outset the project focused on studying the role of citizen peacebuilding in resolving the Georgian-Abkhaz conflict. The very first conference (March 1999, Sochi) was entirely devoted to this subject. In subsequent meetings many other issues were discussed, especially the most important and urgent ones. The nongovernmental organizations participating in the project have accumulated much experience in citizen peacebuilding from the fourteen dialogue conferences.

The author believes that one of the project’s accomplishments is that some Georgian dialogue participants are open to the idea of an independent Abkhazia, at least theoretically. Agrba regards this as a breakthrough in Georgian thinking about the conflict, but notes with regret that even these Georgians often prefer discussing various models of coexistence of Abkhazia and Georgia in one state.

She concludes that the project has resulted in very interesting and useful research.

Natella Akaba. Democratic Institutions: Trends and Prospects, pp. 101-114

The authors of project articles have focused much attention on the relationship between building civil society and democratic institutions and resolving the Georgian-Abkhaz conflict. Often they understand differently the concept of civil society. For instance, Manana Gurgulia does not examine the role of political movements in Abkhazia’s developments even though she regards them as part of civil society. Levan Geradze, in one of the first articles on the role of civil society in preventing and resolving armed conflicts (an article that set the tone for subsequent Georgian articles on the subject) maintains that the destructive consequences of the conflicts in Georgia have not hindered (and perhaps have even helped) the rapid process of democratization and the building of effective institutions of civil society. His definition of civil society is rather broad, and includes not only nongovernmental organizations, but also political movements and political parties.

In one of her articles Akaba points out that a serious obstacle to promoting civil society is the fear of a foreign enemy that unifies people in a society. She says that in such a society it isn’t clear how to ensure individual rights and freedoms and develop political pluralism.

One of the most controversial issues discussed has been the role of Russia and the West in furthering democratic processes in Abkhazia and Georgia. This issue has been examined in the context of the interests of Russia, Georgia and Abkhazia. Paata Zakareishvili and other Georgian participants are certain that the democratic development of Abkhaz and Georgian societies is not in Russia's interests. Akaba, on the other hand, maintains that the West also does not show any tangible interest in supporting democratic processes.

The publications show the evolution of thinking among the participants regarding the role of civil society in resolving the conflict. In the first few dialogue conferences the participants tended to analyze the causes of the conflict in terms of who was to blame. Later their analysis of the conflict was more complex and nuanced and they sought solutions.

It is difficult to disagree with Abesalom Lepsaya who maintains that neither in Abkhazia nor in Georgia has civil society become a serious force that can impact transformation of the conflict. Despite the weakness and vulnerability of civil society it is becoming a factor in public and political affairs, and civil society actors are increasingly ready to take part in the decision-making process.

George Anchabadze. The Impact of Citizen Peacebuilding on the Peace Process, pp. 69-93

Originally the series "Aspects of the Georgian-Abkhaz Conflict" was intended to provide a forum for analyzing the role of citizen peacebuilding in the peace process. Later other subjects were added, but participants continued to discuss the effectiveness of citizen peacebuilding, especially in the meetings of project participants with the Abkhaz and Georgian communities (Sukhumi 1999 and Tbilisi 2000).

As for the goals of citizen peacebuilding, they were both strategic and applied. Those who supported strategic goals believed that the main goal of the project was to find a common language on the most important issues that would help them later agree on a solution to the conflict. For instance, Natella Akaba believed that "middle level leaders (NGO activists, academics, etc.) could and should develop a joint approach to the roots and causes of the Georgian Abkhaz conflict." (The opinions of the project participants regarding the origins of the conflict, as a rule, were representative of their communities. According to Marina Nikuradze, opinions of the Georgian participants in citizen peacebuilding projects regarding the causes of the conflict did not differ much from those of most Georgians, only in terms of the nuances.)

Other participants considered citizen peacebuilding to be primarily a vehicle for initiating specific projects of a practical nature without waiting for a final resolution – for instance, joint environmental projects, considered politically neutral. Shalva Jaoshvili suggested a joint undertaking to monitor the erosion of the Black Sea coast-

line, beginning with a modest project and eventually expanding it as the political situation improved, involving joint training seminars and fieldwork.

One of the long-term goals of citizen peacebuilding is to win support among broad sections of the public. Thus, the UCI project conducted public opinion surveys from the outset. The goal was to determine the popularity of the ideas of citizen peacebuilding in various sections of the public.

As expected, the people most interested in citizen peacebuilding were those who had suffered the most from the conflict, the refugees. This is reflected in the data collected by Nodar Sarjveladze, who used focus groups to determine the opinions of refugees in their centers in Tbilisi and Zugdidi.

In Abkhazia citizen diplomacy was not popular even in the civil society sector. According to data collected by Arda Inal-Ipa, when NGO activists were asked to list in order of importance various activities, such as research, small business, medicine, human rights, and citizen peacebuilding, they put citizen peacebuilding at the end of the list for hypothetical funding.

Oleg Damenia. From Monologues to Dialogues: The Experience of Abkhaz-Georgian Conflict Resolution, pp. 157-170

In the early phase of the negotiations the two sides adopted a number of important documents, including the “Declaration of Measures for Political Settlement of the Abkhaz-Georgian Conflict.” Unfortunately, no progress has been made since that time. Many observers and analysts agree that there is no progress in the talks and a constructive approach is lacking. In this context it was necessary to involve nongovernmental forces in the peace process. In the framework of the UC Irvine project these forces have produced rich information, unlike any other project, and have thus created a broad analytical foundation for modeling mutually acceptable approaches to resolving the conflict.

The author maintains that the main strategic goal of both sides in the conflict, as socio-cultural communities, is the reproduction of their own lifestyle and guarantee of safety. He believes the Georgian side does not need Abkhazia to achieve these goals.

Both sides have, however, many shared interests. The fact that the economy of Abkhazia and Georgia are in a state of “stable stagnation” is evidence that neither country is self sufficient in many spheres, including the economy. If they interacted with each other they could become self sufficient without waiting for a comprehensive settlement. For instance, it is in the interests of both sides to develop and run joint recreational projects.

In the realm of cultural and information interests, Georgia must reconcile itself to the fact that Abkhazia wants to remain within the Russian cultural space. Georgia will also have to reckon with the fact that the Abkhaz have another interest in Russia, and that is to maintain their ties with related peoples of the North Caucasus.

Marina Elbakidze. The Interests of the Parties, pp. 195-234

One of the main goals of the conferences has been to identify the shared interests of the two sides. Project participants began systematically working on this issue only after the 7th volume when Arda Inal-Ipa wrote an article introducing an approach to this problem. As a result they decided to devote the whole 8th volume to the issue of interests. This first article on the subject presented a list of the individual interests of each side (for instance, one of the interests of Georgia cited was the development of federalism and local self-government), and a list of shared interests, one of which was resolution of the conflict and the establishment of stability in the region. Later in the discussions most of the participants frequently named security as the main shared interest. This prompted John Paul Lederach, a guest presenter at the conference from the United States, to cite stability and security in the region as one of the main shared interests of both sides.

In Nodar Sarjveladze's opening presentation for the 8th volume he suggested defining interests based on the theory of basic human needs – security, identity, freedom, recognition and understanding, participation in society, creativity, recreation, etc. Most of the discussion after the presentation, however, was about the presence of Russian peacekeepers in the conflict zone in the context of the interests of Russia, Georgia and Abkhazia. This led to discussion of a more general topic – whether a political orientation toward Russia or the West is in the best interests of the parties. The Georgian participants (with some exceptions) were in favor of a pro-Western orientation. The Abkhaz participants rejected the West's categorical support for the principle of Georgian territorial integrity.

The eighth volume also contained discussions about shared economic interests. David Berdzenishvili even proposed a joint venture project that he believed would satisfy the interests not only of Georgia and Abkhazia, but also other Black Sea countries, as well as other countries outside the Black Sea area, such as Armenia. He said this would represent the “de facto and de jure legalization of Abkhaz economic structures, not only in Georgia, but also in other countries.”

Elbakidze summarizes in detail all the discussions on the topic of interests, including those that took place on Georgian TV programs. However, she refrains from analyzing those “spontaneous” discussions that did not take place on “neutral ground,” because they were not part of a systematic effort to determine interests.

Elbakidze reminds the readers of the terminology used to classify interests (declared and hidden, long-term and short-term, pseudo and genuine interests). Although the participants do not always use the accepted terminology, an attentive reader can easily see that the discussion of issues and values is really about the interests and positions of the parties.

Archil Gegeshidze. Evaluating the Effectiveness of the UC Irvine project “The Role of Citizen Peacebuilding in the Georgian-Abkhaz Conflict”, pp. 242-248

The goal of the article is to determine to what extent the project participants have reached their goals and to assess whether they should continue their efforts. The series of conference proceedings shows how the subject matter and positions of the Georgian and Abkhaz participants changed over time and gives a clear picture of the trends in the project.

It is hard to exaggerate the value of such projects. In the context of the polarization of public opinion on both sides of the conflict, maintaining consistent dialogue between representatives of the Georgian and Abkhaz public is the only cause for hope. The testing of different ideas during the dialogues has provided important experience that can be useful in resolving other problems. One of the project’s main goals articulated in the first volume of the series was to disseminate the results in the region and among international organizations and conflict resolution experts. Therefore the project has practical and theoretical applications.

The participants are extremely interesting. Many of them have vast experience in politics and academia. Their voices are heard not only during the dialogues. In between meetings they discuss many of the issues in the media, including in the most influential of media, television.

The project is still young, more people need to be reached, and the Abkhaz participants could be less rigid in their positions, but undoubtedly the project is worthy of all possible support and should continue.

Abesalom Lepsaya. Conference Proceedings on the Roots of the Georgian-Abkhaz Conflict, pp. 46-58

The roots and causes of the conflict are discussed mainly in the 2nd and 5th volumes of the conference proceedings, although some mention is made of the subject in the 1st volume, which is devoted to another topic. In that volume Georgi Anchabadze said that one of the most important factors that fueled the conflict was the politicization of academics, for instance, the proponents of the theory of non-indigenous Abkhaz that was originated by P. Ingorokva. In this same volume Manana Gurgulia listed a number of factors that led to conflict—the unfair Soviet ethnic-territorial structure with its hierarchical classification of ethnic groups, and the desire for control over resources. She also believes that an important factor was the fear of losing ethnic identity. This fear increased after the rise in Georgia of openly nationalistic political movements and the publication of anti-Abkhaz articles in the Georgian press.

According to Marina Nikuradze, most Georgian citizen peacebuilders she surveyed traced the roots of the conflict back to the 19th century when because of the exodus of Abkhaz from Abkhazia the demographics changed. The huge numbers of Georgian migrants who settled on the land that was abandoned struck in the Abkhaz the fear of assimilation and created negative attitudes toward Georgians, even though they were not responsible for the exodus of the Abkhaz.

According to Arda Inal-Ipa, aspirations for recognition of an independent state are motivated by a desire to assert the inalienable right of the Abkhaz people to control their own territory, which is based on Abkhaz traditional emotional attachment to the land.

Tamara Shakryl believes that the cause of the conflict is the hypocritical policy of major powers and the international organizations that they control. These forces may declare the right of nations to self-determination, but in practice they deny this right to numerically small nations. She also criticizes applying the term *ethnic minority* to the Abkhaz, referring to the definition of the term *inorodets* (the obsolete name for non-ethnic Russians) in an old Russian dictionary by V. Dal.

Irakly Surguladze and Oleg Damenia blame Soviet government for alienating the Abkhaz from the Georgians. According to Surguladze, during the Soviet period Abkhaz intellectuals and youth were subject to continual Russification and had no regard for the Georgian government. Damenia points out that although Abkhaz and Georgians consider themselves part of the Caucasus socio-cultural space, a factor that impacted the conflict was the Soviet political practice of categorizing ethnic groups according to their loyalty to Soviet government.

Most authors who wrote about the roots of the conflict deal with moral, ideological and historical issues. They hardly ever discuss the social, economic and political aspects of the conflict. It is not always clear what they think are the causes and consequences of the conflict.

Daur Nachkebia. Abkhazia's Political Status from the Perspective of the UC Irvine Project Participants, pp. 133-155

The issue of Abkhazia's status was first discussed in detail at the March 2000 conference held in Moscow. The Georgian participants proposed a federal state. Other participants suggested different solutions. Sergei Arutyunov, head of the Caucasus Department in the Russian Academy of Sciences Institute of Ethnology and Anthropology, proposed the Andorra model, which could be a dual protectorate of Russia and Georgia. Stanislav Lakoba, an academic and political leader in Abkhazia, suggested that the conference participants develop several models, including (1) a neutral state in the Caucasus, (2) a state like Andorra, and (3) a state under the protectorate of international organizations, and have them evaluated by the international community.

At the next conference, in August 2000, the Georgian participants made basically the same proposal: “Georgia and Abkhazia face the task of building a shared state” (Nodar Sarjveladze). But at the March 2001 conference David Berdzenishvili proposed a new approach – a future model could be the coexistence of Georgia and Abkhazia as “a single state or another form of shared space, time will tell.”

At the next conference, Nodar Sarjveladze talked about the futility of trying to interest the Abkhaz in a shared state: “In this deadlock it makes sense to put a moratorium on a whole set of issues related to the status of Abkhazia” and shift efforts to study the needs and interests of the conflicting societies.

Nachkebia stresses that the relaxed and friendly atmosphere of the meetings has helped the parties understand each other better. For instance, some Georgian participants already think it’s necessary to recognize Abkhazia’s independence. Such statements were also made at the conference in Moscow in July 2002. He assumes Zurab Chiaberashvili’s statement (Sochi, 2001), “Georgians and Abkhaz are in the process of building their states,” also implies that the Abkhaz have a right to their own state.

Although the project participants have not yet developed a roadmap to resolving the conflict, they have come up with a number of interesting proposals that await serious and competent analysis. The proposal made in Sochi {August 2001} to further study the needs and interests of the two sides is promising. In his appendix Nachkebia quotes several of the conference participants. For instance, Ghia Nodia pessimistically predicts that Georgia will not recognize Abkhazia in the foreseeable future; David Silagadze criticizes the Abkhaz for not making any compromises on the issue of status and regards that as lack of desire to resolve the conflict; Oleg Damenia maintains that Georgia does not stand to lose anything by recognizing Abkhazia’s independence because Georgian ethnic identity does not depend on Abkhazia, but the recognition of Abkhazia could improve Abkhazia’s attitude toward Georgia.

Nodar Sarjveladze. The Refugee Issue, pp. 121-132

Compared to other subjects, very little can be found in the conference transcripts on the subject of Georgian refugees from Abkhazia. It seems that this issue has been drowned out by the abundance of issues raised in the presentations. Apparently the conference participants were cautious about choosing such a controversial subject for their contributions, preferring to deal with it later.

The author of this article raised the issue several times, starting with the first conference proceedings where he published his survey data collected in Zugdidi, where the largest number of refugees from the Gali district of Abkhazia reside.

One of the most tragic issues is that of refugees’ return. Participants talk about this issue not only in their presentations but also in discussions. All the refugees want to return to Abkhazia, but what kind of Abkhazia? To the former Abkhazia?

That Abkhazia no longer exists. To an independent Republic of Abkhazia? But do they want to take Abkhaz citizenship? To an Abkhazia within Georgia? The Abkhaz don't want that. And certainly not to an Abkhazia that is part of Russia or is a protectorate of Russia. As Roman Dbar said, neither the Georgians nor the Abkhaz want this. How will they live together with the Abkhaz? Back in January 2000, Sarjveladze and his co-authors wrote about the fundamental and irreconcilable differences between the Abkhaz and Georgian perspectives on the most critical issues. These differences are still irreconcilable. Under such circumstances it is hard to imagine how Georgian refugees could get along with the Abkhaz.

That's why the current effort is to integrate the refugees in those provinces or towns where they reside. The problem is that their relations with the local populations have deteriorated from the time of their arrival when people were sympathetic to their plight. Today the tense relations do not make integration easy.

Sergei Shamba, Foreign Minister of Abkhazia. The Peace Process in the Context of Citizen Peacebuilding, pp. 248-261

The author notes the long history of traditions in citizen peacebuilding in the Caucasus, including Abkhazia. He mentions various existing peacebuilding projects and maintains that the project sponsored by the University of California, Irvine, is the most significant. He reviews every volume in the project's series of conference proceedings.

Shamba maintains that the Abkhaz public has serious concerns about the advisability and effectiveness of citizen peacebuilding projects. However, he says that recently attitudes toward these activities have been improving. This is because of a general change in attitudes as people become more optimistic due to the society's transition from a state of emergency to a civil society and market economy.